

НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Материалы международного семинара
Москва, 14–15 сентября 2006 г.

Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14–15 сентября 2006 г.). – М.: «Права человека», 2006. – 103 с.

В данный сборник включены статьи, подготовленные на основе выступлений на международном семинаре «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (14–15 сентября 2006 г., г. Москва). К изданию прилагается компакт-диск с презентациями участников семинара.

© ЮНФПА, 2006

© Фото на второй странице обложки выполнены Иваром Свиестинсом в рамках «Глобального Фотопроекта – Москва»

СОДЕРЖАНИЕ

	Краткая информация о международном семинаре «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы»	5
	ВИШНЕВСКИЙ А.Г. Тенденции рождаемости в Российской Федерации в сравнении с другими промышленно развитыми странами	9
	МАКДОНАЛЬД П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики	27
	ЗАХАРОВ С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.	57
	МАЛЕВА Т.М., СИНЯВСКАЯ О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в современной России: эмпирические измерения	76
	ЕЛИЗАРОВ В.В. Стимулирование рождаемости: от теории к практике	85

Краткая информация о международном семинаре «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы»

Данные последних лет позволяют определить демографическую ситуацию в Российской Федерации как неблагоприятную. За период 2000–2005 гг. в России число умерших превысило число родившихся более чем на 5,3 млн человек, эта разница лишь на 1,2 млн была компенсирована миграционным приростом. Таким образом, убыль населения составила более 4,1 млн человек, или в среднем около 700 тыс. человек в год. В своем последнем послании Федеральному Собранию 10 мая 2006 г. Президент России В.В. Путин назвал демографическую проблему «самой острой проблемой современной России», а демографическую ситуацию – «критической».

Тревогу руководства страны разделяют отечественные и зарубежные ученые, парламентарии, представители 23 регионов страны, лидеры общественных организаций, принявшие участие в работе **международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы»**, состоявшемся 14–15 сентября 2006 г. в Москве.

Этот двухдневный семинар, собравший более 80 участников, был организован Фондом ООН в области народонаселения, ЮНФПА, при поддержке Администрации Президента Российской Федерации и при участии экспертов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского независимого института социальной политики, Центра демографии и экологии человека Российской академии наук, Ассоциации «Деловая Россия».

Основной целью семинара было изучение степени возможного воздействия принимаемых социальных мер на тенденции в области рождаемости, в особенности в Российской Федерации.

Выступления российских и зарубежных экспертов были посвящены тенденциям рождаемости, опыту реализации политики в области семьи и рождаемости в России и других странах, а также возможным мерам и возможностям повышения рождаемости в России.

Руководитель Центра демографии и экологии человека Российской академии наук *Анатолий Григорьевич Вишневский* проанализировал демографические тенденции в России по сравнению с другими промышленно развитыми странами. Снижение рождаемости – это мировой процесс, и Россия, а также другие промышленно развитые страны вышли в его «лидеры». Среди общих черт этих стран были отмечены: тенденция к однодетности, повышение среднего возраста матерей, а также увеличение числа детей, родившихся вне брака.

Руководитель демографических и социологических программ Австралийского национального университета (Канберра) *Питер Макдональд* представил «Сравнительный анализ политики в области семьи и рождаемости в развитых странах». Он отметил, что государство несет ответственность за увеличение «рисков», связанных с созданием семьи, и поэтому именно государство должно взять на себя главную роль в том, чтобы молодые люди вновь поверили, что смогут создать семью, не неся излишних экономических потерь и не слишком ущемляя себя в своих личных желаниях и устремлениях. Кроме того, экспертом были представлены основные составляющие семейной политики в Австралии.

Доклад, озаглавленный «Низкая рождаемость: последствия политики в России, Болгарии и Австрии» был представлен директором Венского института демографии Австрийской академии наук *Вольфгангом Лутцем* и руководителем научной группы этого института *Сергеем Щербовым*, который, в частности, заметил, что даже если рождаемость повысится, численность населения России будет падать, хотя и более медленными темпами.

Директор Национального института демографических исследований (Париж, Франция) *Франсуа Эран* поделился опытом реализации политики в области семьи и рождаемости на примере Франции. Он подробно раскрыл практику поощрения рождаемости, и, в частности, систему льгот и пособий семьям и матерям.

Демографический анализ эффективности семейной политики 1980-х годов в России был представлен директором Института международных исследований семьи *Сергеем Владимировичем Захаровым*. Среди результатов проводимой политики в докладе было отмечено усиление тенденции к омоложению рождаемости и увеличение доли двухдетных семей.

Заместитель директора Независимого института социальной политики *Оксана Вячеславовна Синявская* в своей презентации «Социально-экономические факторы рождаемости в современной России» ознакомила участников семинара с результатами обследования свыше 11 тысяч женщин «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2004 г.

Выводы этой работы перекликаются с итогами пилотного обследования «Семья и рождаемость», проведенного в 2006 г. Федеральной службой государственной статистики при поддержке Фонда ООН в области народонаселения и Детского Фонда ООН, ЮНИСЕФ, в трех регионах страны (Республике Марий Эл, Нижегородской и Тверской областях). Результаты этого обследования были представлены *Ольгой Ивановной Антоновой*, заместителем начальника управления статистики населения Федеральной службы государственной статистики.

Олеся Кочкина, сотрудник представительства ЮНФПА в Российской Федерации, в своей презентации «Взгляд молодежи на политику в области семьи и рождаемости» представила результаты интернет-дискуссии, проведенной в преддверии семинара среди молодежи в возрасте 16–28 лет.

Кроме того, в рамках семинара была организована пресс-конференция, участниками которой стали: Министр здравоохранения и социального развития РФ *Михаил Юрьевич Зурабов*, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья *Николай Федоро-*

вич Герасименко, руководитель Центра демографии и экологии человека РАН Анатолий Григорьевич Вишневский, председатель Комиссии Общественной палаты по вопросам социального развития Александра Васильевна Очирова, и Директор Офиса ЮНФПА по технической поддержке для стран Европы и Центральной Азии Ален Муширу. В пресс-конференции приняли участие 37 журналистов, представлявших 32 средства массовой информации, включая два телеканала.

Выступая на пресс-конференции, М.Ю. Зурабов отметил, что руководство России крайне заинтересовано в продолжении обсуждения дальнейших мер по улучшению демографической ситуации в стране. Вместе с тем он подчеркнул, что репродуктивное поведение населения России серьезно зависит от политики государства.

На «круглом столе» по обсуждению предлагаемых мер в области семьи и рождаемости, проводившемся в рамках семинара под председательством М.Ю. Зурабова, участники семинара получили возможность высказать свое мнение и задать вопросы, что сделало дискуссию более открытой и откровенной.

Из результатов выступлений и последующих обсуждений следует, что низкий уровень рождаемости, наблюдаемый в настоящее время в России, является результатом долговременной тенденции, которая характерна не только для России. Многие страны с крайне низкими показателями рождаемости, такие как Германия, Австралия, Австрия и Япония, пытаются повысить рождаемость путем принятия мер в области социальной политики. Тем не менее надо быть реалистичными относительно ожиданий, связанных с подобными мерами. Несколько участников конференции подчеркнули, что политика, нацеленная на увеличение уровня рождаемости, должна быть всеобъемлющей и включать в себя целый комплекс политических мер. Материальные стимулы не являются единственными мерами, которые могут потенциально стимулировать рождаемость. Другие возможные меры включают: оказание родителям поддержки в возможности совмещать работу и семейную жизнь, содействие развитию позитивного отношения населения к материнству и отцовству, а также обеспечение доступа к высококачественным услугам в области охраны репродуктивного здоровья. Многие участники подчеркнули, что улучшение демографической ситуации невозможно без существенного перераспределения ресурсов в поль-

зу социальной сферы, без серьезных программ в области демографической политики. Подобная политика должна быть последовательной, и для обеспечения устойчивого роста рождаемости потребуются долгосрочные вложения из государственного бюджета.

Кроме того, в сотрудничестве со шведским фотографом *Иваром Свиестинсом* во время семинара в зале была организована фотовыставка работ, выполненных в рамках «Глобального Фото-проекта». Представленная участникам семинара московская серия проекта была выполнена в 2002 г. в сотрудничестве с Посольством Швеции в Москве, Школой изобразительного искусства и Московским государственным техническим колледжем и включает в себя 73 фотографии россиян в возрасте от 0 до 72 лет (что соответствует ожидаемой продолжительности жизни для женщин в России), снятых крупным планом. Фотовыставка добавила обсуждению демографических тенденций черты «человеческого лица» и была высоко оценена как участниками семинара, так и представителями прессы.

ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич

Родился 1 апреля 1935 года в Харькове. Окончил экономический факультет Харьковского университета, аспирантуру в Киеве. Доктор экономических наук с 1983 г. Действительный член Российской академии естественных наук (с 1992 г.). Член Международного союза по изучению народонаселения и Европейской Ассоциации демографических исследований.

После окончания университета работал в области градостроительного проектирования и исследований проблем урбанизации. С 1968 года основная область деятельности – демографические исследования, имеются также работы по социальной истории. В 90-е годы периодически преподавал во французских университетах. Руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество» и сетевого еженедельника «Демоскоп Weekly». Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор серии ежегодных докладов «Население России», издающихся с 1994 года. Автор более 300 опубликованных научных работ на русском и европейских языках.

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ

Рождаемость условных поколений

Коэффициент суммарной рождаемости условных поколений женщин – наиболее часто используемый измеритель уровня рождаемости. С конца XIX в. этот показатель снизился в России не менее чем в пять раз. Главный период снижения пришелся на первую половину XX в., в основном на советскую ее часть. Между переписями 1926 и 1959 гг. число детей в расчете на одну женщину условного поколения сократилось более чем на 4 ребенка, между переписями 1959 и 2002 г. – еще на 1,3 ребенка.

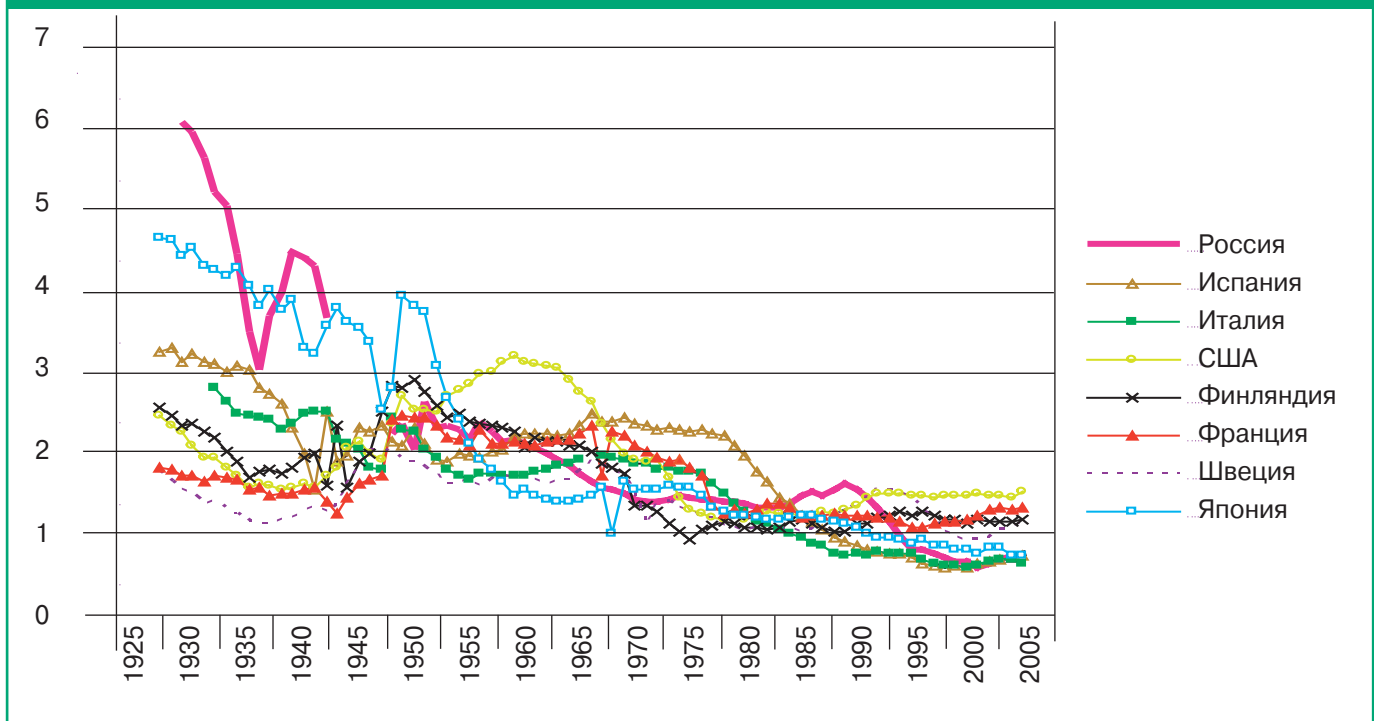
Хотя снижение рождаемости в России началось позднее, чем в большинстве промышленно развитых стран, после Второй мировой войны Россия перестала выделяться на фоне этих стран более высокой рождаемостью (рис. 1).

В 1960-е годы Россия не только догнала индустриальные страны по уровню рождаемости, но и оказалась в авангарде движения к ее снижению. К концу этого десятилетия Россия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью – в 1968 г. среди 40 промышленных стран только Чехия (тогда – часть Чехословакии), Латвия и Украина (тогда – республики СССР) и Хорватия (одна из республик Югославии) имели рождаемость еще более низкую.

Впоследствии положение несколько изменилось. Снижение рождаемости в России замедлилось, а во многих индустриальных странах продолжалось довольно высокими темпами, показатели рождаемости в них упали очень низко и при этом сблизились. В 1950–1960-е годы еще были индустриальные или быстро индустриализировавшиеся страны, в которых уровень рождаемости намного превышал российский, такие страны были даже в Европе (например, Ирландия). Но в 1980-е годы таких стран практически не осталось.

В результате, хотя к 1980 г. коэффициент суммарной рождаемости в России упал до 1,86 (самый низкий уровень за весь период до 1991 г.), в это время было 13 стран (из списка независимых государств 2003 г.), в которых рождаемость была ниже, чем в России: Дания (1,55), Швейцария (1,55), Германия (1,56: ГДР – 0,93 и ФРГ – 1,45), Нидерланды (1,60), Финляндия (1,63), Италия (1,64), Австрия (1,65), Канада (1,67), Швеция (1,68), Бельгия (1,68), Норвегия (1,72), Япония (1,75), США (1,84).

Рис. 1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах после 1925 года

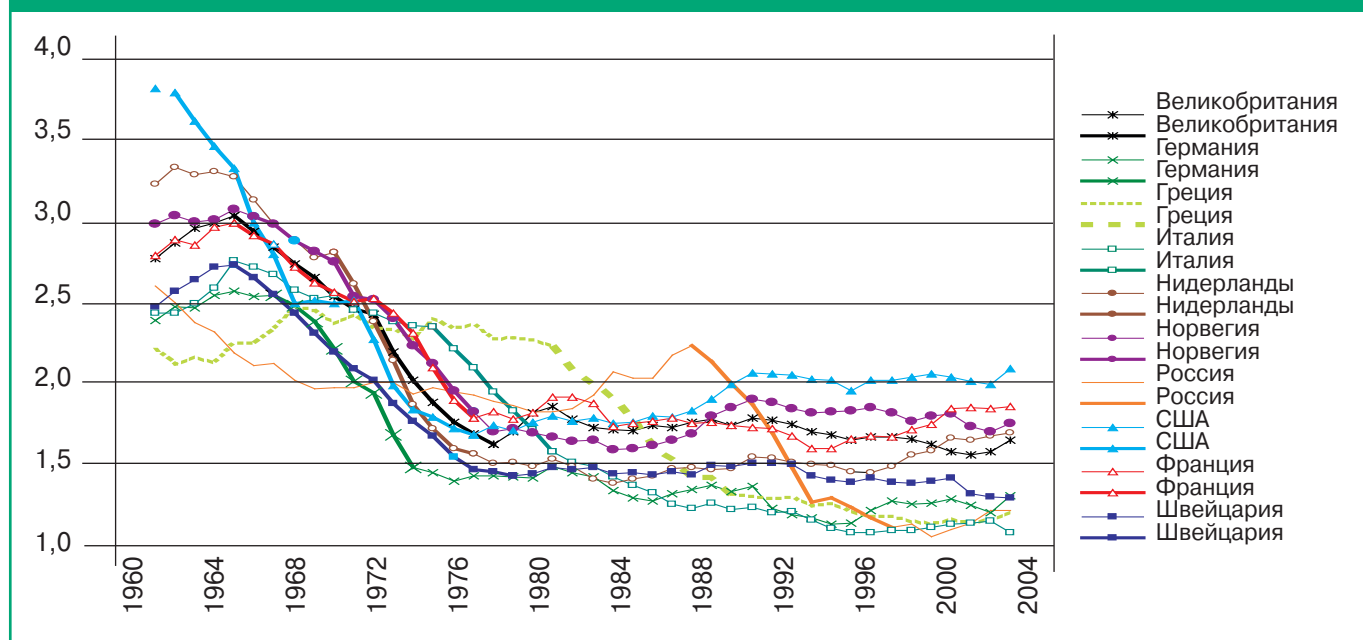
Источники: здесь и далее, если не сделано специальных оговорок, для европейских стран использованы данные, публикуемые Советом Европы в ежегодных докладах *Recent demographic development in Europe*, для неевропейских стран – данные из национальных статистических ежегодников.

Затем последовал период кратковременного роста рождаемости в России, обусловленного мерами демографической политики 80-х годов, а возможно, и антиалкогольной кампанией, а

также социальными ожиданиями первых лет перестройки. Этот рост достиг пика в 1987 г., когда коэффициент суммарной рождаемости повысился до 2,23 и Россия оказалась в ряду развитых стран с самой высокой рождаемостью: среди 40 таких стран более высокий показатель в 1987 г. был зафиксирован только в Эстонии, Македонии, Ирландии, Румынии и Молдавии.

В целом весь период с конца 1960-х до конца 1980-х годов, с точки зрения динамики коэффициента рождаемости условного поколения, был в России более благоприятным, чем в большинстве стран Европы, в США или в Японии. Возможны разные объяснения этого временного расхождения тенденций рождаемости в России (а также других бывших советских республиках) и западных странах. Не исключено, в частности, что общая застойная атмосфера в СССР того периода просто затормозила эволюцию прокреативного поведения населения, которая шла в других странах и которая затем – с некоторым опозданием – ускорилась и в России. Высокие уровни рождаемости второй половины 1980-х годов продержались в России очень недолго, и с начала 1990-х произошло их резкое падение, которое снова привело Россию в группу стран с самой низкой рождаемостью, число которых к этому времени резко выросло.

Рис. 2. Периоды резкого падения коэффициента суммарной рождаемости в некоторых странах (жирные линии соответствуют участкам особенно быстрого падения показателя)

Падение показателя в 1990-е годы было очень резким, и в этом часто видят доказательство пагубного воздействия на рождаемость рыночных реформ. Между тем нельзя не видеть, что через столь же резкое снижение рождаемости примерно за такой же срок (около 10 лет) прошли очень многие страны, причем в периоды вполне благополучного их развития (рис. 2).

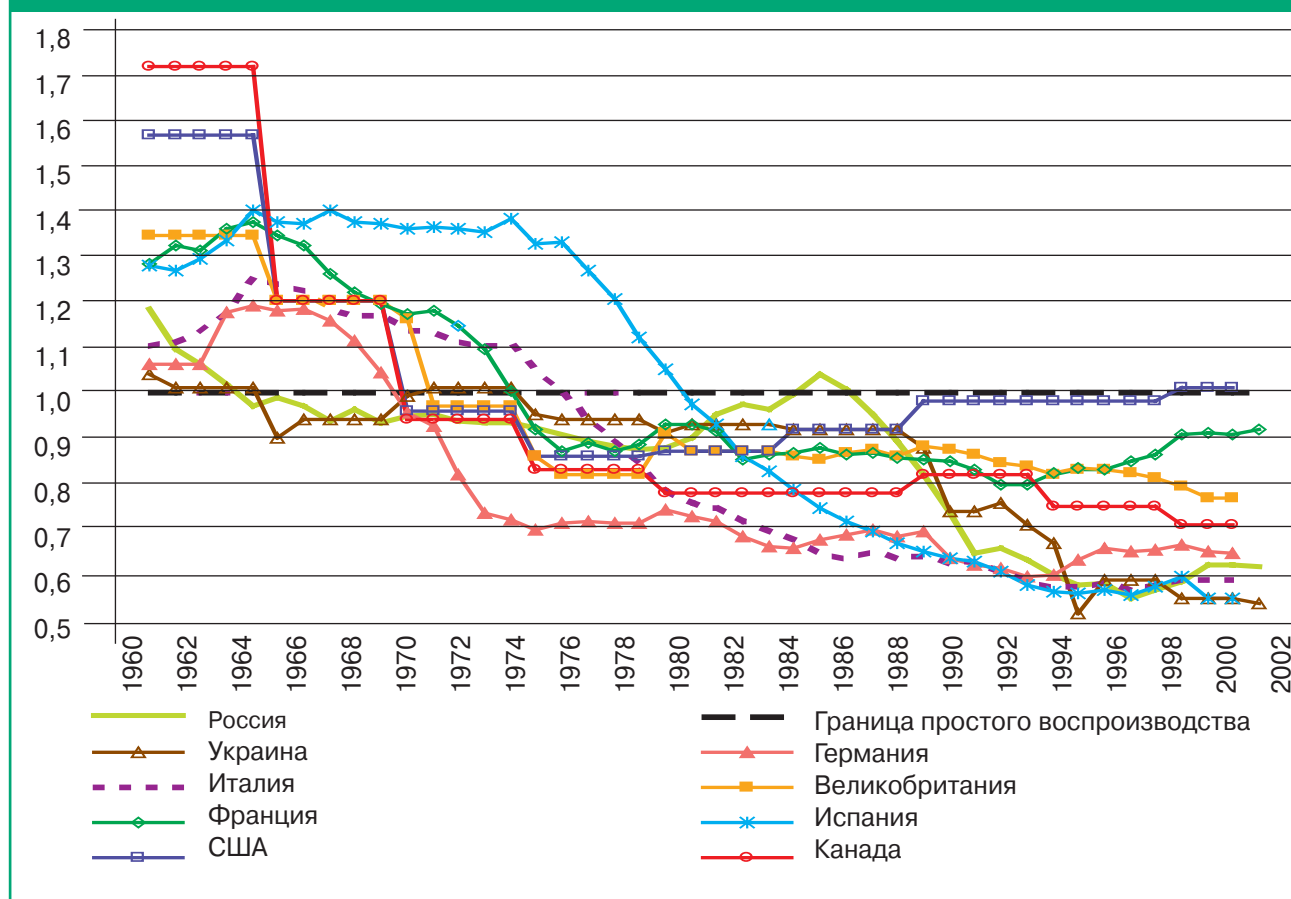
В 2003 г. из 40 индустриальных стран только 16 имели коэффициент суммарной рождаемости более 1,4, Россия же с показателем 1,32 входила в число остальных 34 стран, занимая сре-

ди них четвертое место. В 31 стране рождаемость была еще более низкой. Перечислим эти страны в порядке возрастания показателя: Чехия, Южная Корея, Италия, Украина, Эстония, Словакия, Словения, Белоруссия, Молдавия, Польша, Болгария, Литва, Румыния, Венгрия, Латвия, Япония, Босния и Герцеговина, Испания, Греция.

Россия была одной из первых крупных стран, в которых рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений (рис. 3). Это произошло в 1964 г., и тогда нетто-коэффициент воспроизводства ниже единицы наблюдался только в Венгрии, Латвии, Эстонии, Румынии и Японии. В 1968 г. нетто-коэффициент воспроизводства был ниже, чем в России, только в двух республиках СССР – Украине и Латвии – и в Чехии.

Однако вскоре положение изменилось. Как уже отмечалось, процесс снижения рождаемости охватил все промышленно развитые страны, в 1990-е ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений.

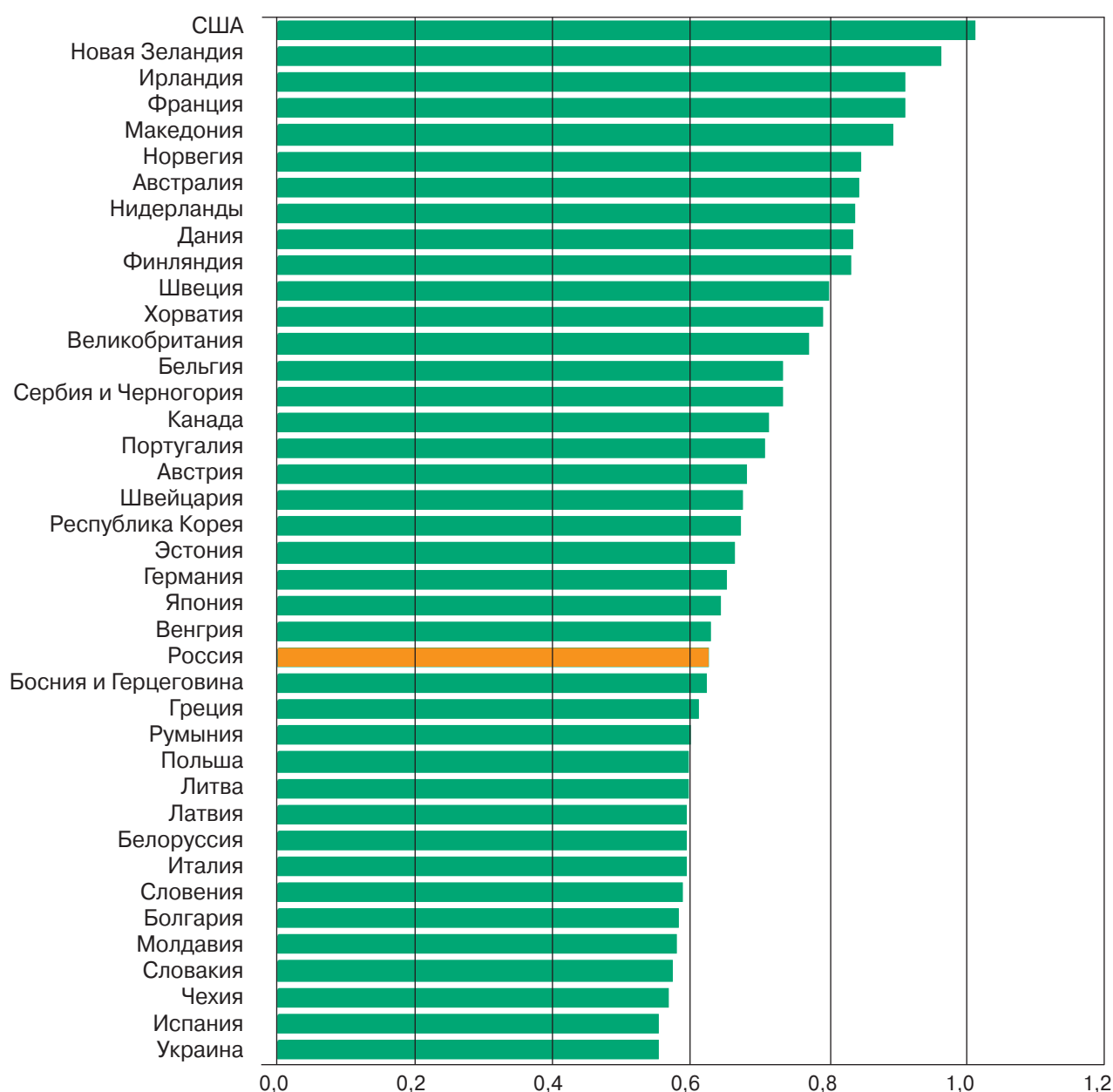
Рис. 3. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых промышленных странах мира

В 2002 г. рождаемость в России обеспечивала воспроизводство населения всего на 62%, но при этом Россия не была исключением из общего правила. Уровень рождаемости не был достаточен для простого воспроизводства населения ни в одной из промышленно развитых стран,

за исключением США, в 15 европейских странах нетто-коэффициент воспроизводства населения был даже ниже, чем в России (рис. 4).

Рис. 4. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в 40 индустриальных странах в 2003 г.

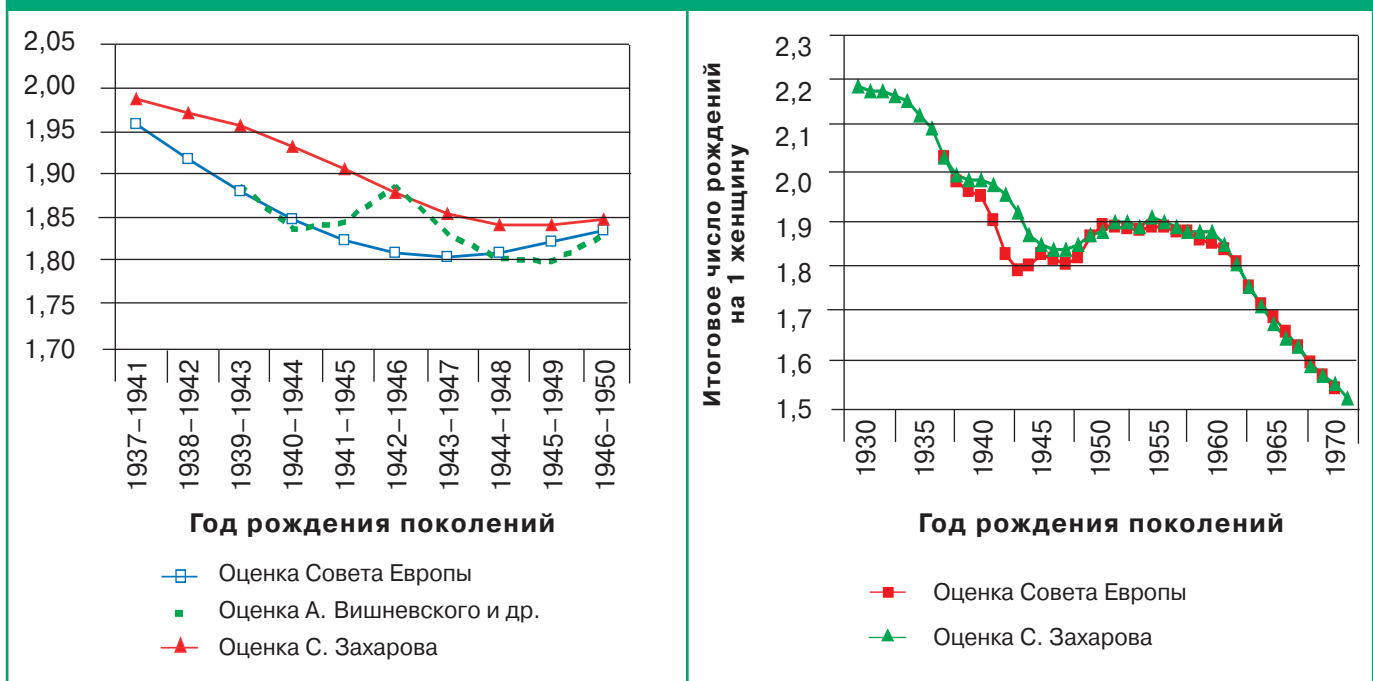
Рождаемость реальных поколений

До сих пор мы сравнивали тенденции рождаемости в России и других промышленно развитых странах, используя показатели для условных поколений. Необходимо дополнить этот ана-

лиз рассмотрением показателя итоговой рождаемости реальных женских когорт – это наиболее надежный измеритель рождаемости, так как он не испытывает влияния сдвигов в «календаре» рождений.

Имеется несколько независимых оценок рождаемости реальных поколений российских женщин, принципиальных расхождений между ними нет (рис. 5).

Рис. 5. Итоговая рождаемость реальных поколений российских женщин по разным оценкам для пятилетних групп когорт (слева) и одногодичных когорт (справа)

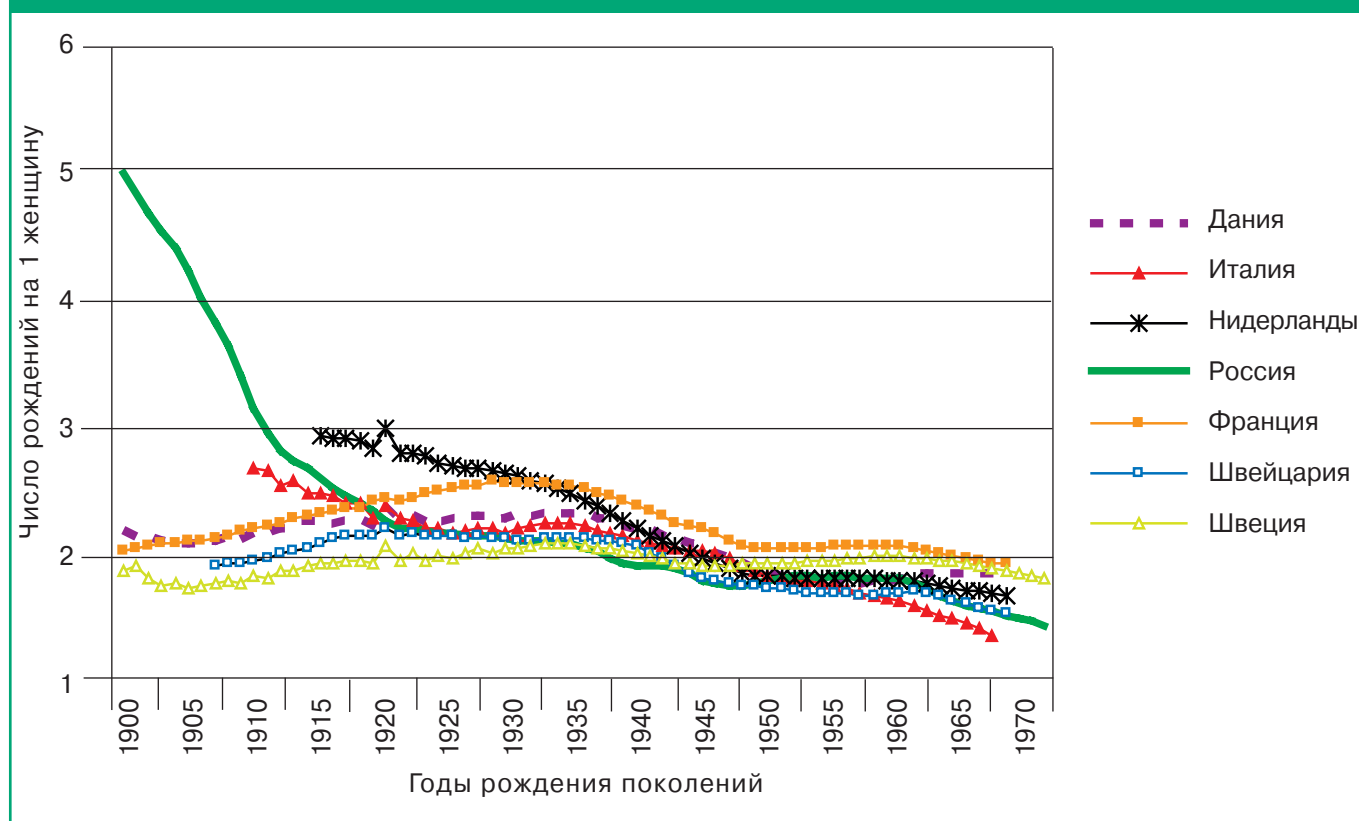
Источники: Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б., Гречуха В.А., Донец Н.В. Новейшие тенденции рождаемости в СССР // *Социологические исследования*, 1988, № 3, с. 60; [Захаров С.В.] Итоговая рождаемость условных и реальных поколений женщин // *Демографическая модернизация России, 1900–2000* / Под ред. А. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006, с. 171; Recent demographic development in Europe, 2004. Strasbourg, 2005, Приложение на CD.

Как видим, динамика итоговой рождаемости реальных поколений была более плавной и не знала резких колебаний, которые испытывала динамика показателя суммарной рождаемости условных поколений. Но она также свидетельствует о продолжительном и очень сильном снижении рождаемости в России, уже давно сделавшем невозможным даже простое замещение поколений. По оценке С. Захарова, с учетом смертности соответствующих поколений, не воспроизводило себя ни одно поколение российских женщин, родившихся после 1910 года.

Начиная с поколений, родившихся примерно между 1915 и 1920 годами, российские женщины сравнивались по числу рожденных детей с женщинами многих других европейских стран, а на-

чиная с поколений, родившихся во второй половине 1930-х годов, вышли в европейские лидеры снижения рождаемости (рис. 6).

Рис. 6. Итоговая рождаемость реальных поколений женщин в России и некоторых европейских странах, по которым имеются данные с начала XX века

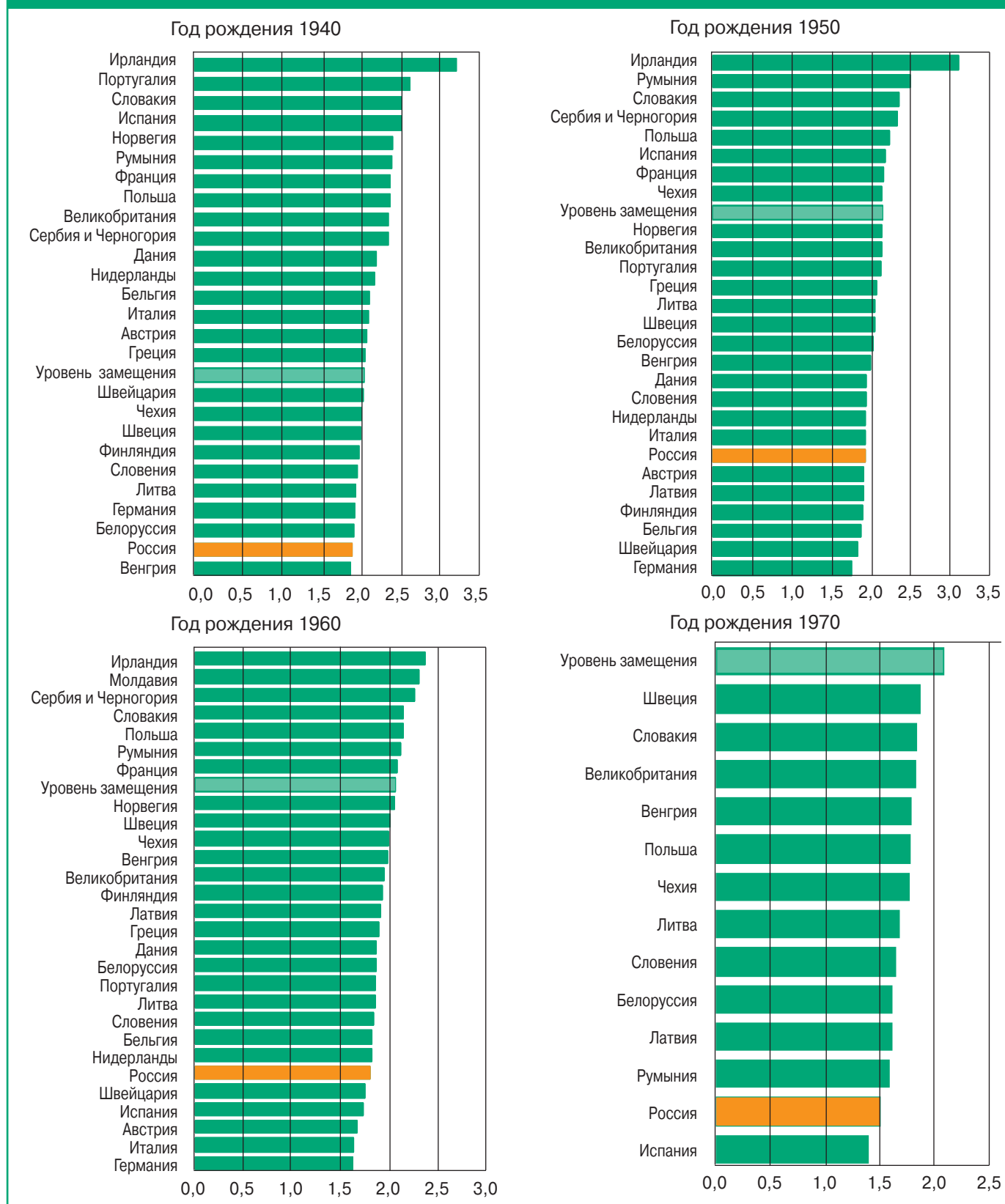
Источники: Festy P. La fOconditO des pays occidentaux de 1870 И 1970. Paris, 1979, p. 300–301; Recent demographic development in Europe, 2004. Strasbourg, 2005, Приложение на CD; [Захаров С.В.] Итоговая рождаемость условных и реальных поколений женщин // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006, с. 171.

Рождаемость первых послевоенных поколений в России была одной из самых низких в Европе (ниже была только в Германии). Впоследствии рождаемость реальных поколений россиянок несколько повысилась, а в других странах – понизилась, но все равно большинство европейских стран превосходили Россию по итоговому числу рождений на одну женщину реального поколения.

У поколений россиянок, родившихся в 1960 – 1970-х годах, рождаемость снова существенно снизилась, но это не было особенностью России. Такое же снижение происходило в большинстве европейских стран, так что место России среди других стран менялось мало, и она всегда оставалась ближе концу списка (рис. 7).

Рис. 7. Итоговая рождаемость женских поколений 1940, 1950, 1960 и 1970 годов в некоторых странах

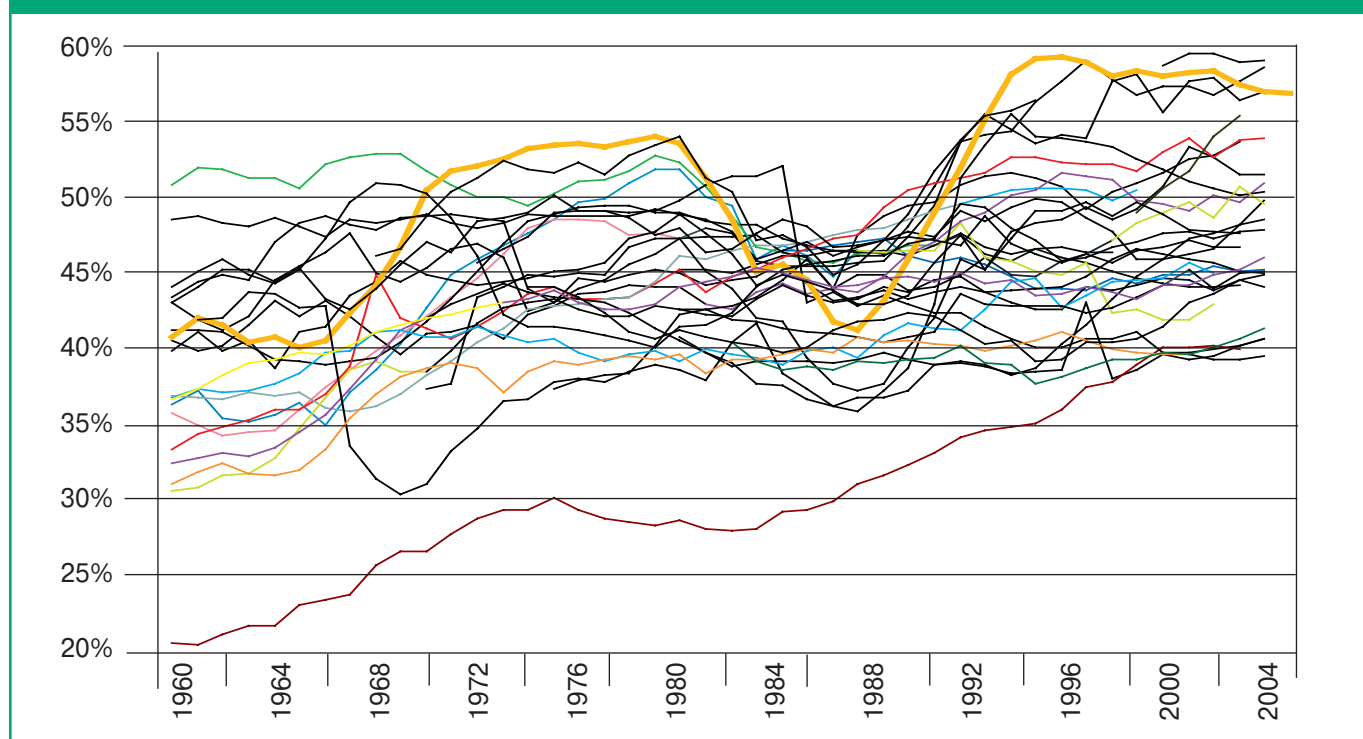

Уровень рождаемости и очередность рождений

Чрезвычайно низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением однодетной семьи и, соответственно, с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся. По этому показателю Россия уже в 1970-е годы превосходила все европейские страны, сейчас соревнуется за «первенство» с Украиной, Белоруссией и Болгарией. В США первенцы составляют 40% всех родившихся, в Швеции – 45%, в России их доля приближается к 60%.

Рис. 8. Доля первых рождений в общем числе родившихся в 32 индустриальных странах, % (жирная линия соответствует России)

Если доля первых рождений в России – одна из самых высоких в мире, то доли вторых и третьих рождений, напротив, – давно уже одни из самых низких.

В 1970 году среди 32 стран, представленных на рис. 8, более низкая доля вторых рождений была только в Бельгии, Польше, Ирландии и Молдавии. Но в Ирландии и Молдавии это было следствием очень высокой доли третьих и последующих рождений (51% и 37% соответственно).

В 2003 году в России вторые рождения составляли 31% от всех рождений. Более низкой, чем в России, их доля была только на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии и во Франции.

На противоположном полюсе находились такие страны, как Германия, Греция, Чешская республика и Швейцария – свыше 37%.

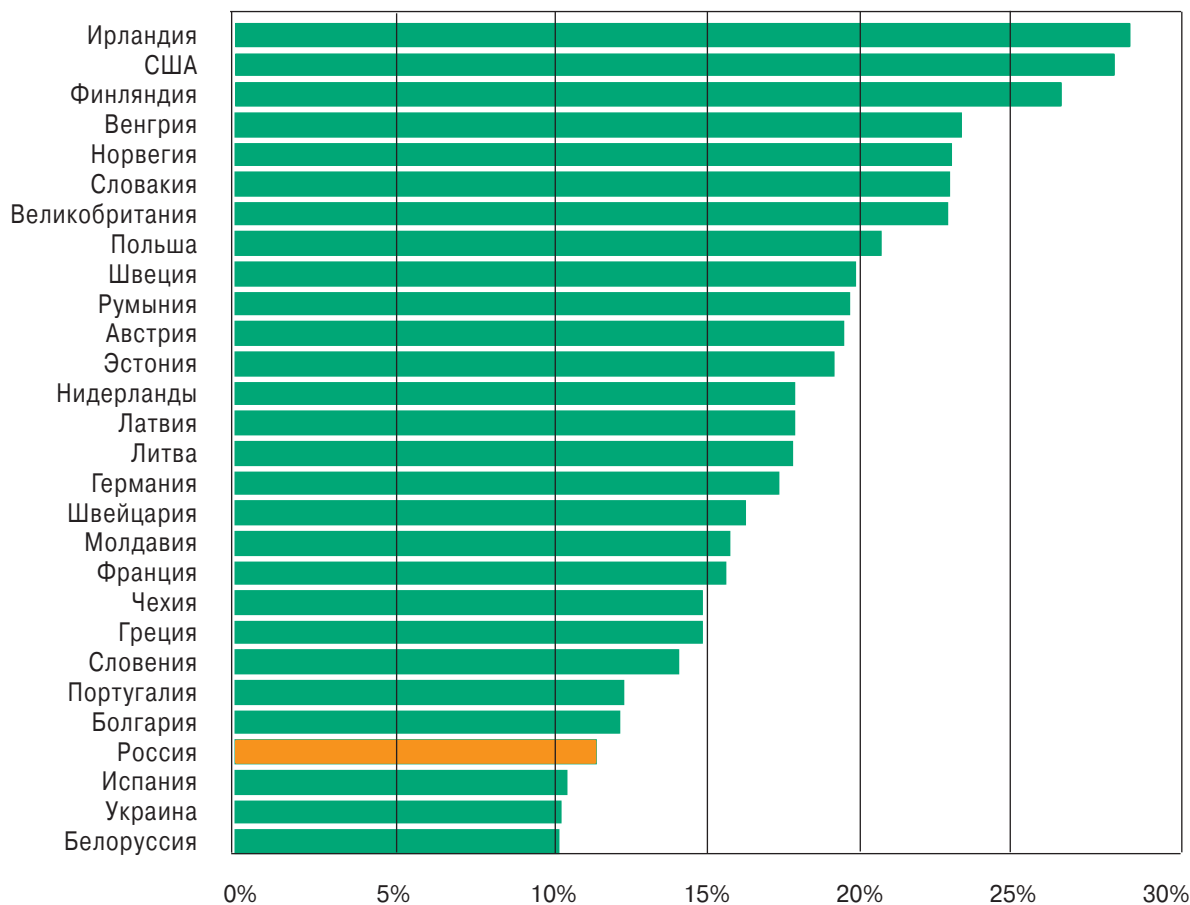
Положение с третьими рожденьями в России – такое же, как и со вторыми: самый низкий в мире показатель в 1970-е годы и один из самых низких в начале XXI века.

В 2003 году доля третьих рождений в России – менее 8%, более низкие показатели были только на Украине, в Белоруссии и в Болгарии. В то же время в Ирландии – 17,2%, в США – 16,8%.

На долю четвертых и последующих детей в России приходится менее 4% родившихся, меньше эта доля только в Белоруссии, Испании и Словении. Есть страны, в которых четвертые и последующие рождения составляют 10–11% от всех рождений (США, Ирландия, Финляндия, Словакия). Но в целом рождения столь высоких порядков не играют большой роли в формировании общего уровня рождаемости в развитых странах.

Если же объединить в одну группу третьи и последующие рождения, то оказывается, что их вклад может быть и не столь уж малым, превышая одну пятую и даже четверть всех рождений (рис. 9). Но в России вклад этой объединенной группы невелик, он составляет 11%, то есть примерно столько, сколько в США дают четвертые и последующие рождения.

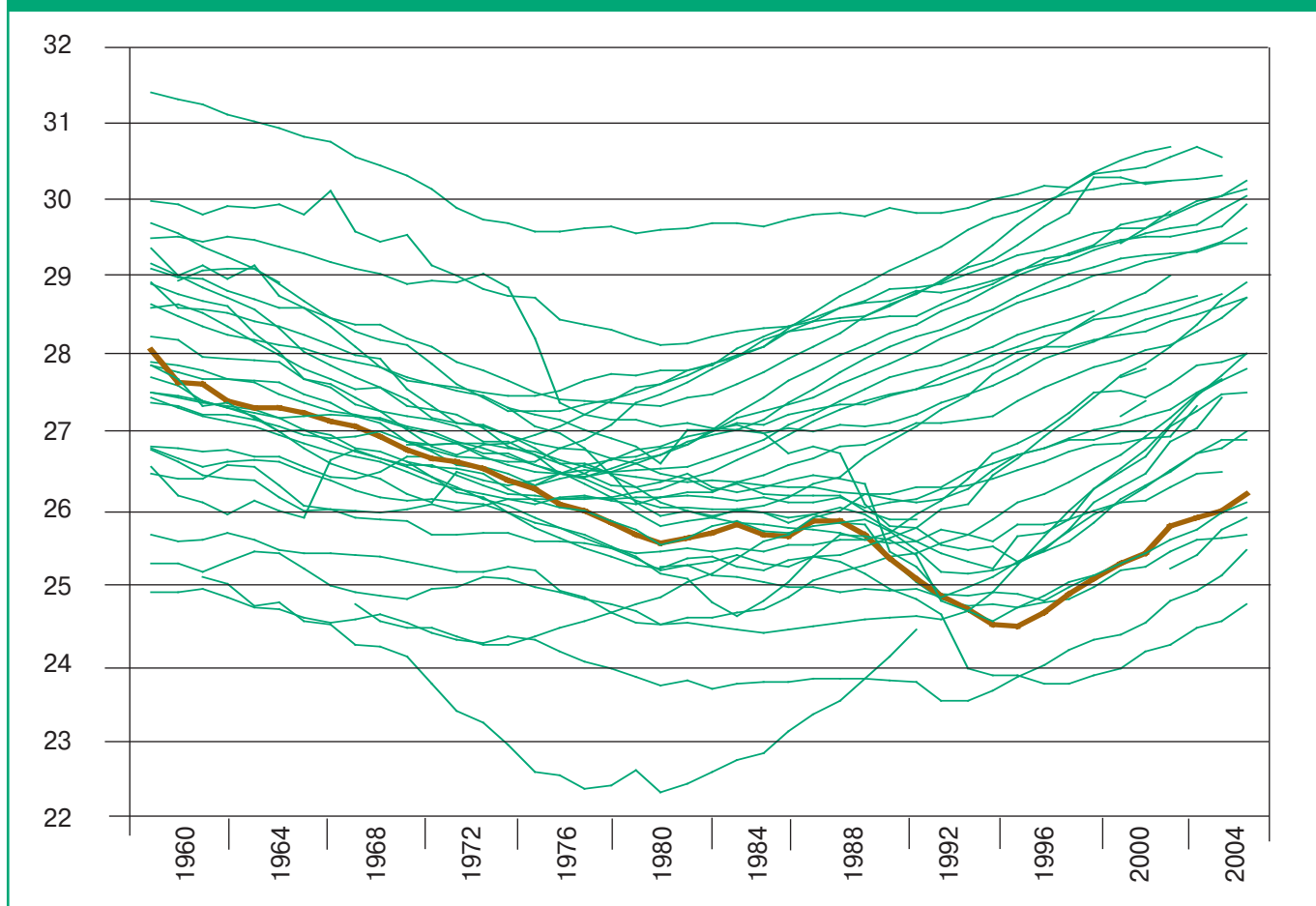
Рис. 9. Доля третьих и последующих рождений в общем числе родившихся, %

Средний возраст матери при рождении ребенка

Возрастная кривая рождаемости и ее эволюция – важные характеристики, не зная которые нельзя понять и изменений уровня рождаемости. На протяжении всего послевоенного периода во всех странах происходила перестройка этой кривой, причем бросается в глаза сходство изменений, наблюдавшихся в самых разных странах. До 1970-х годов рождаемость повсеместно сдвигалась к молодым возрастам, затем началось движение в противоположную сторону.

Рис. 10. Средний возраст матери при рождении ребенка в 40 индустриальных странах, лет (жирная линия соответствует России)

Это общее стихийное движение указывает на то, что на изменения в условиях жизни, получения образования, труда, быта, здоровья и т.п. люди в разных странах откликаются поисками того участка их жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вел к омоложению рождаемости, но затем, когда малодетность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и выра-

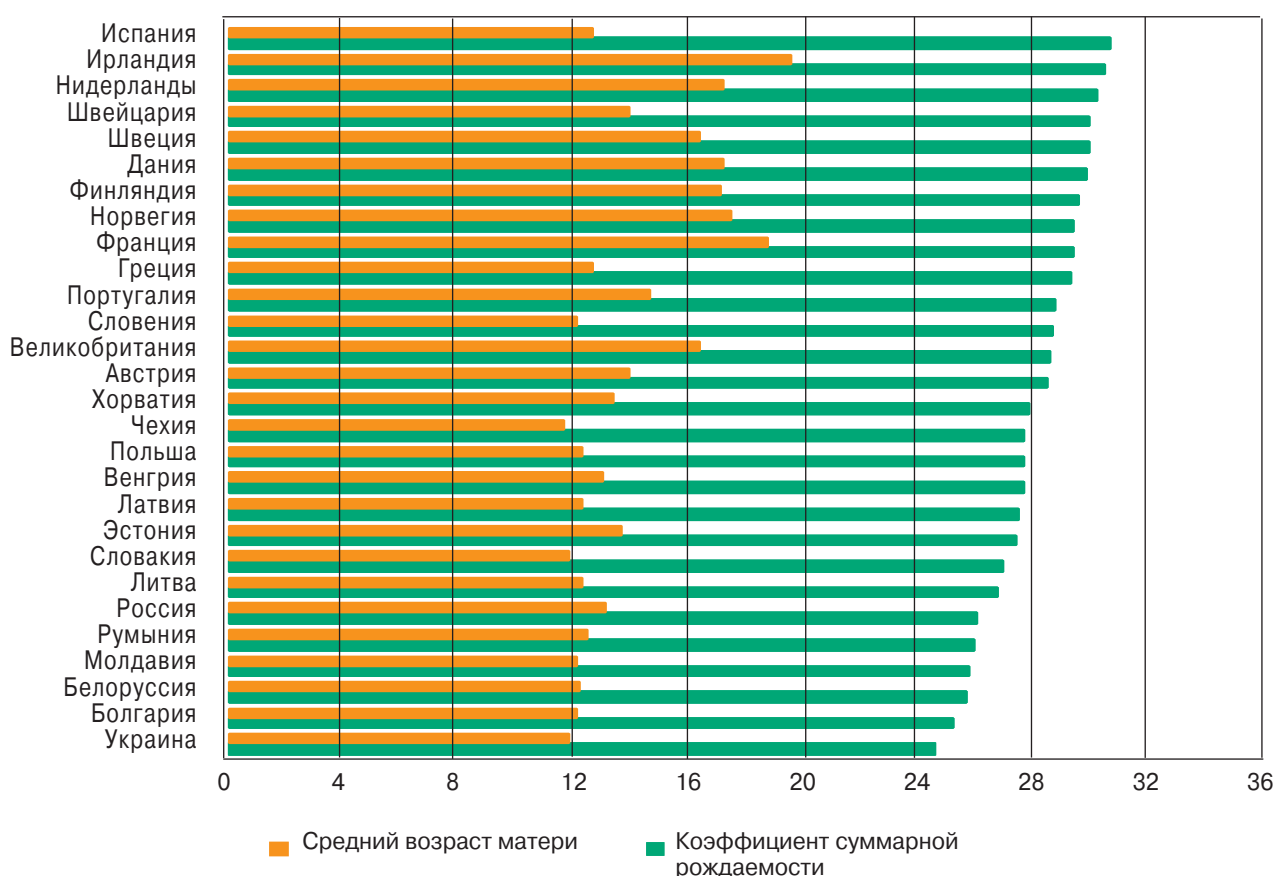
стить одного, двоих или троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей в молодом возрасте, как это было принято прежде.

На первом этапе, когда рождаемость омолаживалась, Россия шла вместе со всеми странами. В начале 1980-х годов наметился такой же, как и в других странах, поворот в противоположную сторону. Но, по-видимому, он был прерван мерами проводившейся тогда демографической политики, которая способствовала более раннему рождению детей, и возобновился только после 1994 года. К этому времени более низкий средний возраст матери был лишь на Украине и в Болгарии.

Сейчас средний возраст матери при рождении ребенка в России уже выше, чем был в 1986–1987 гг., накануне последовавшего затем его сокращения. Но она все еще принадлежит к числу стран с наиболее «молодой» рождаемостью, уступая только Украине, Белоруссии, Молдавии, Болгарии и Румынии.

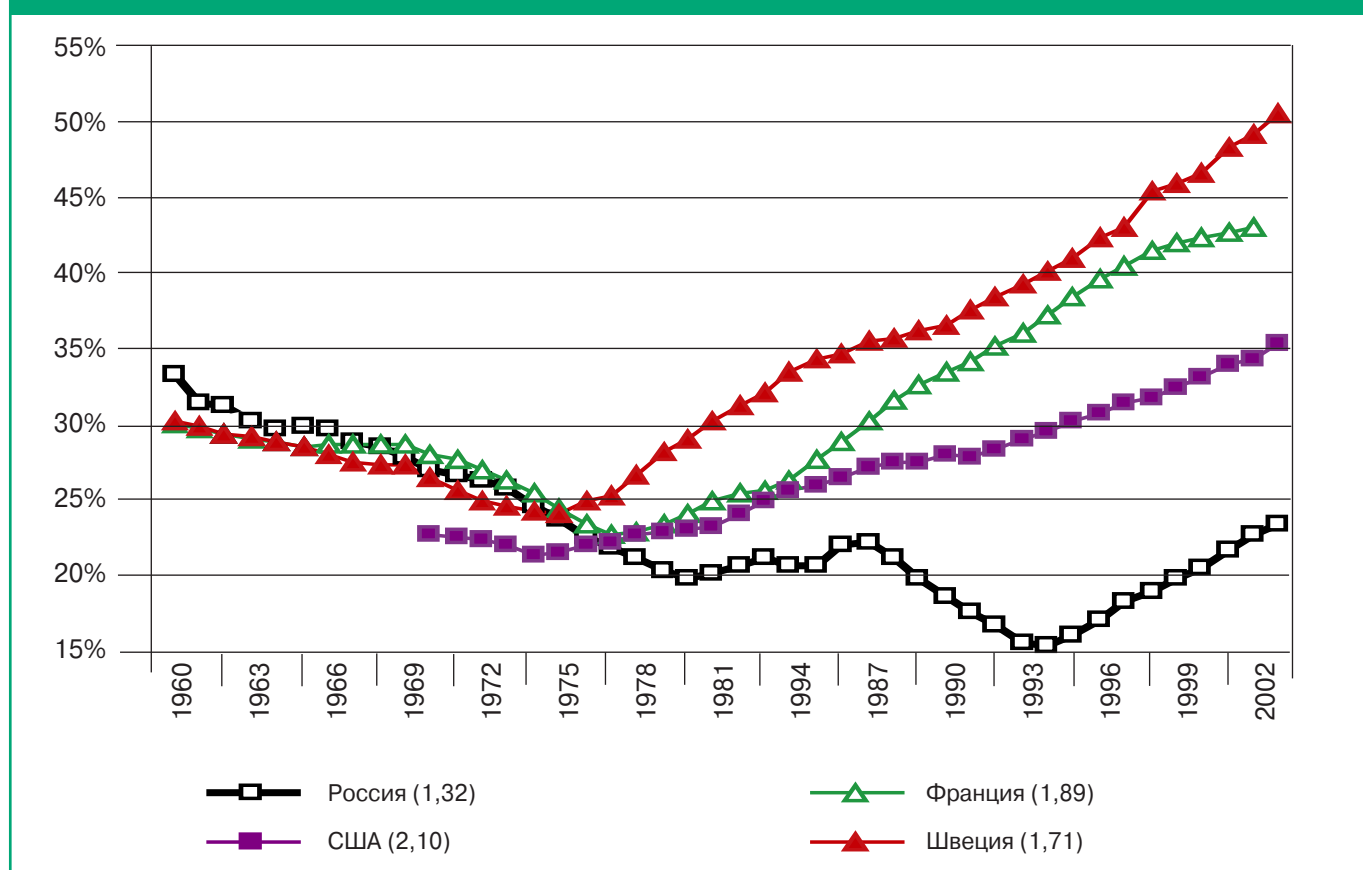
Хотя говорить о жесткой связи между средним возрастом матери и уровнем рождаемости нет оснований, все же определенная корреляция налицо. На рис. 11 представлены данные по 28 странам за 2002 г., и ясно видно, что большинство стран с более высокой рождаемостью расположены в верхней части графика, где сосредоточены страны с более высоким средним возрастом матери.

Рис. 11. Средний возраст матери и коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах в 2002 году

В этих условиях кажется странной настойчивая ориентация мер демографической политики в России на «молодые семьи», под которыми обычно понимаются семьи, где оба супруга моложе 30 лет. В странах, имеющих относительно более высокую рождаемость, все большая доля детей рождается у матерей старше 30 лет – в США более 35%, во Франции – около 45%, в Швеции – больше половины (рис. 12).

Рис. 12. Доля детей, родившихся у матерей в возрасте 30 лет и старше (в скобках – коэффициент суммарной рождаемости в 2003 году)

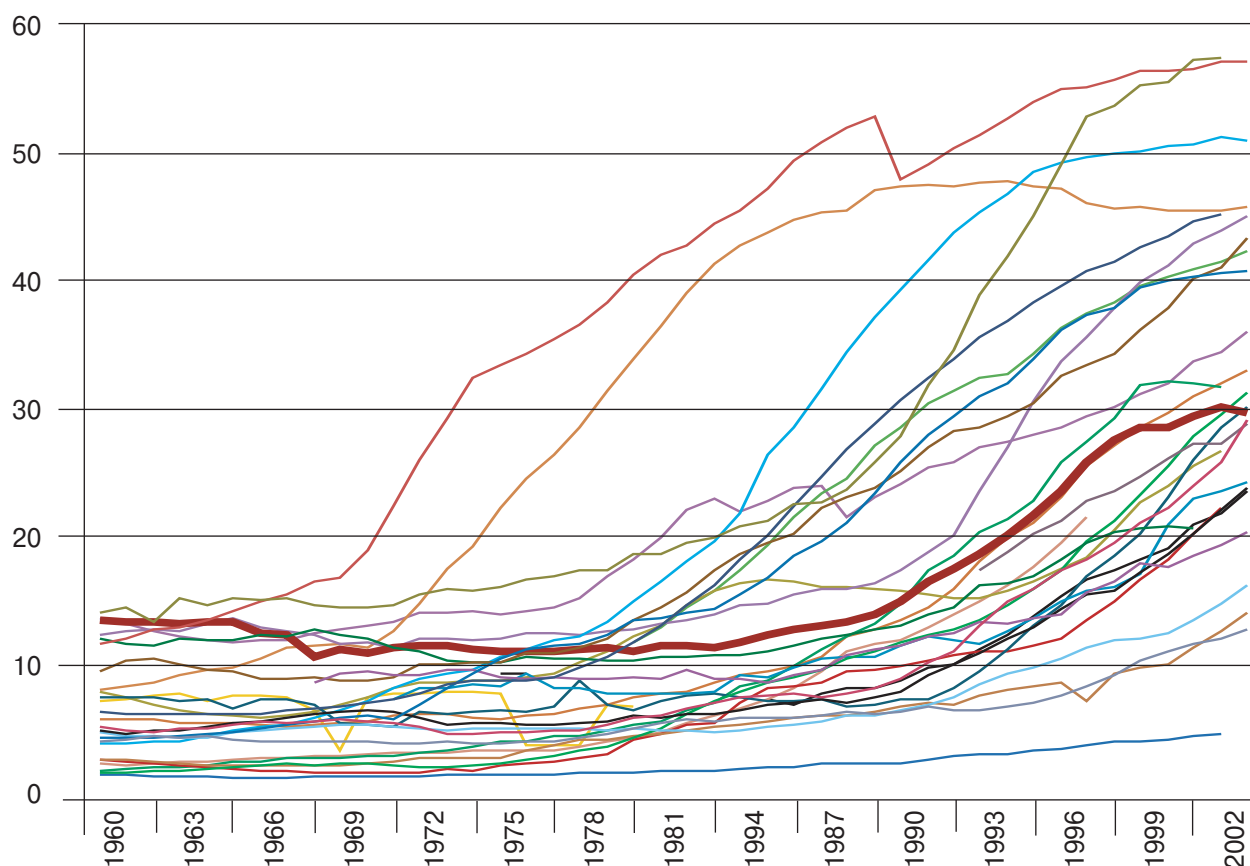
Внебрачная рождаемость

В послевоенный период Россия выделялась среди других стран относительно высоким уровнем внебрачной рождаемости, что связывалось с вынужденной послевоенной «безотцовщиной». В 1960 году этот уровень был выше только в Эстонии.

Однако к концу 1960-х годов в Европе дало о себе знать новое явление: массовое добровольное рождение детей вне зарегистрированного брака. Примерно до середины 1980-х годов это явление не затрагивало Россию, однако затем доля детей, рожденных вне брака, стала быстро нарастать и здесь (рис. 13).

Сейчас по доле внебрачных детей (около 30%) Россия занимает среднее положение в Европе. В Швеции и Эстонии она превысила 55%, в Греции не достигает и 5%.

Рис. 13. Число детей, родившихся вне зарегистрированного брака, на 100 родившихся (жирная линия соответствует России)

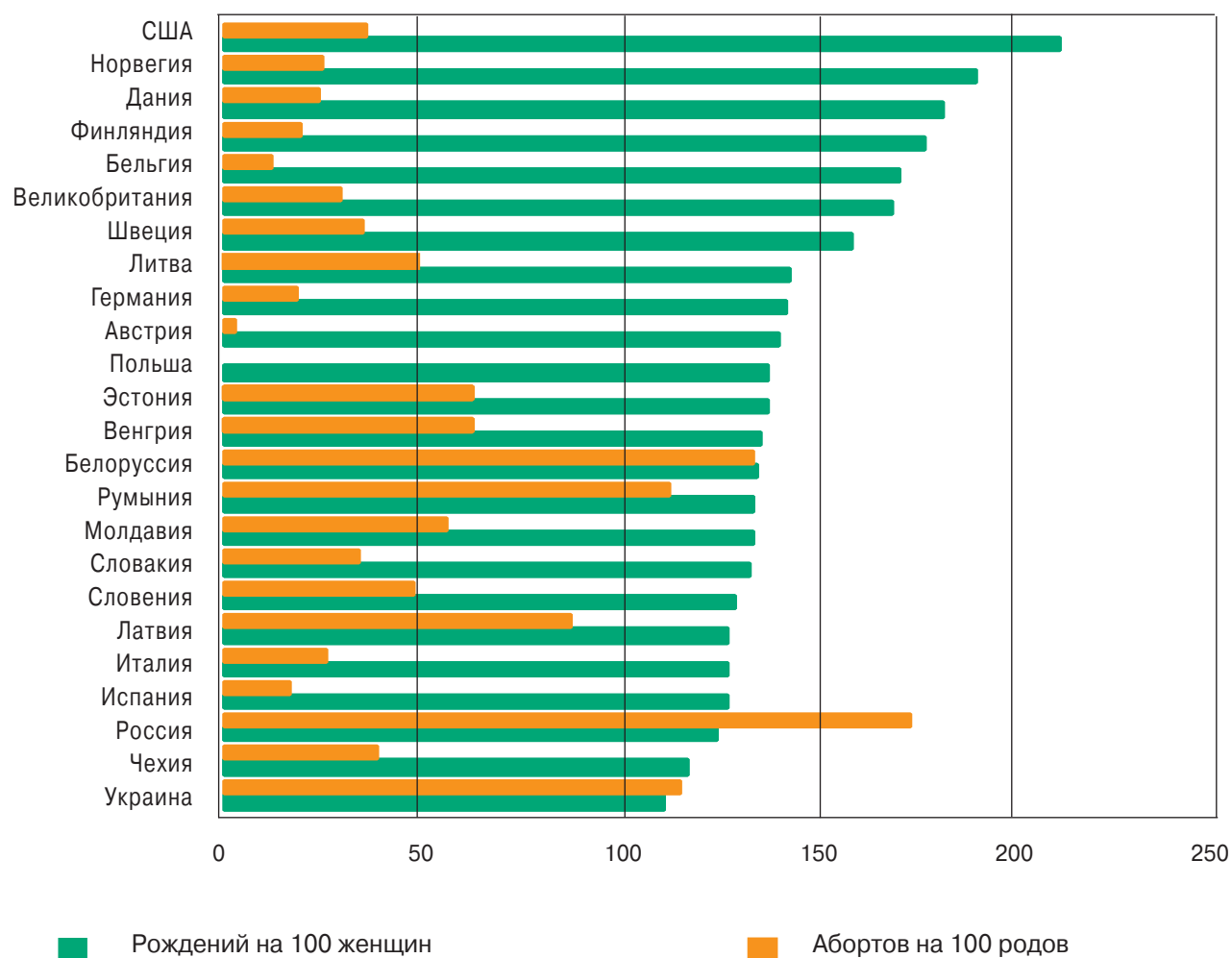
Рост числа незарегистрированных браков и, соответственно, внебрачных рождений – тенденция, которая ассоциируется с так называемым «вторым демографическим переходом». Частично она отражает отсутствие фактических браков, частично – лишь отказ от их регистрации. Нельзя утверждать, что эта тенденция, равно как и ее демографические и социальные последствия, хорошо изучены и до конца поняты. Но то, что ее нельзя считать особенностью России или вообще каких-либо отдельных стран, не вызывает сомнения, она имеет универсальный характер.

Высокая доля искусственных абортов

Этого нельзя сказать о такой черте российской рождаемости, как чрезмерное использование для ее регулирования искусственного аборта. Аборт как крайняя мера, к которой прибегают женщины, чтобы избежать нежеланного рождения, применяется практически во всех развитых странах. Распространенность этой меры, которая повсеместно считается нежелательной по нравственным, религиозным и медицинским соображениям, в разных странах не одинакова. Но даже с учетом этой неодинаковости Россия на общем фоне выглядит белой вороной.

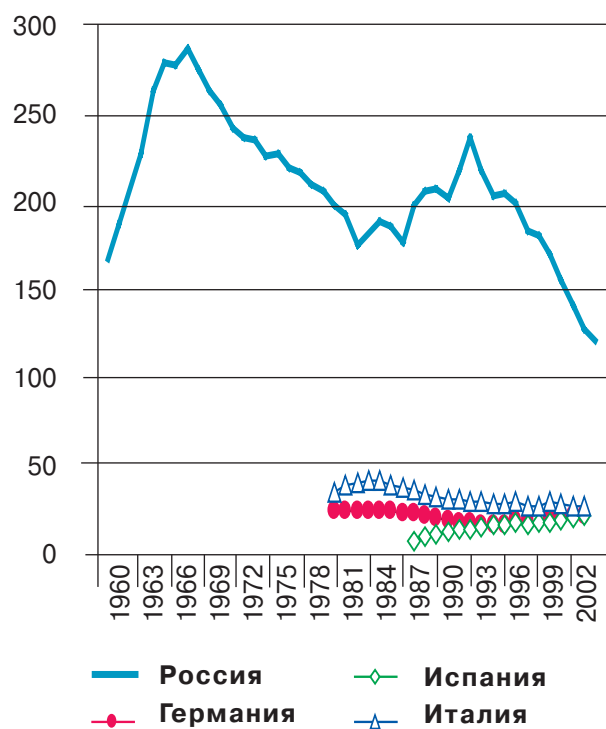
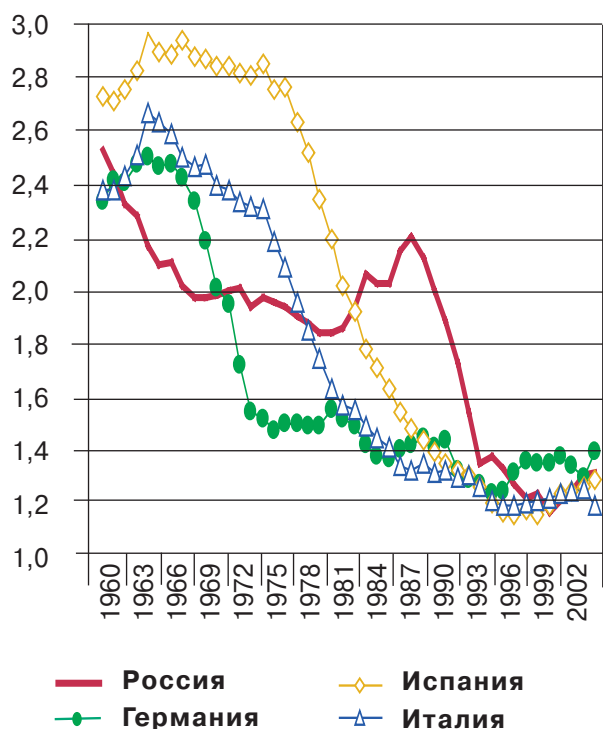
Низкая российская рождаемость в этом смысле ничего не объясняет. В большинстве индустриальных стран произошла «контрацептивная революция», которая вытеснила аборт на обочину методов регулирования деторождения, и сейчас никакой связи между уровнем рождаемости и распространенностью аборт уже не существует (рис. 14).

Рис. 14. Коэффициент суммарной рождаемости (на 100 женщин) и число аборт на 100 родов в 24 странах, 2000 г.

Никак не связаны между собой и изменения в уровне рождаемости и распространенности аборт. Как видно из рис. 15, уровень рождаемости в России, Германии, Испании и Италии между 1960 и 2002 гг. сократился примерно на одинаковую величину и сейчас практически одинаков в этих четырех странах. Но при этом число аборт на 100 родов в России было и остается в разы выше, чем в Германии, Испании или Италии.

Рис. 15. Коэффициент суммарной рождаемости (левая панель) и число аборт на 100 родов (правая панель) в России, Германии, Испании и Италии

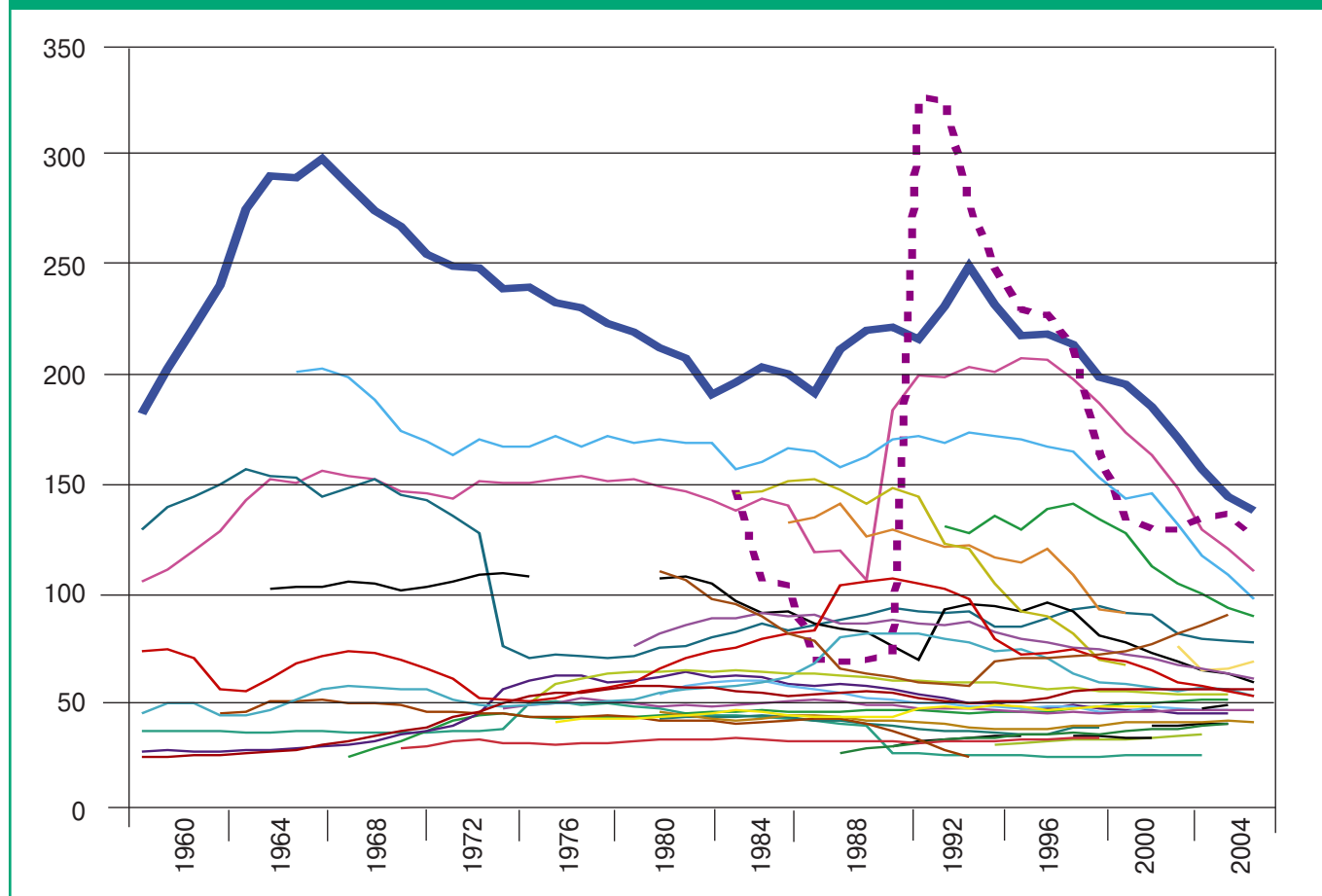

Хотя число абортов в последнее время снижается, Россия была и остается страной с недопустимо высокой интенсивностью абортов. В 2003 году на 100 родов приходилось 120 абортов. Это – небывало низкий для России уровень (в 1960 – 1970-е годы число абортов здесь превышало 200, в том числе в 1964–1970 гг. было выше 250 на 100 родов), но при таком же, как в России, уровне рождаемости, в Италии приходится 24 аборта на сто родов, в Германии и Испании – 18.

В целом, имея на протяжении многих десятилетий один из самых низких в мире уровень рождаемости, Россия демонстрирует тем самым широчайшее распространение практики внутрисемейного регулирования деторождения. И все это время государство, его система здравоохранения старались не замечать этого и не идти навстречу новым потребностям людей. По существу, они заблокировали «контрацептивную революцию», через которую прошло подавляющее большинство развитых стран, обрекая ежегодно миллионы россиянок на нравственно ущербный, вредный для психического и физического здоровья путь искусственного аборта. Сравнительная статистика абортов в разных странах говорит сама за себя (рис. 16).

Рис. 16. Число легальных аборт на 100 родов в 29 странах (жирная линия соответствует России, пунктир – Румынии)

Заключение

В целом снижение рождаемости в России находится в русле общего снижения рождаемости во всех промышленных и урбанизированных странах, причем, как правило, Россия опережала в этом снижении большинство из них и сейчас находится в числе индустриальных стран с самым низким числом детей в семье. К неблагоприятным особенностям российской рождаемости можно отнести очень высокую долю первых при низкой доле вторых и всех последующих рождений. Безусловно, негативной чертой российской рождаемости остается чрезвычайно высокая роль аборта как способа регулирования деторождения. Сложнее дать оценку особенностям динамики среднего возраста матери при рождении ребенка, но, судя по тому, что сейчас более высокая рождаемость отмечается в странах с относительно более поздним материнством, эти особенности заслуживают критического отношения.

Вообще создается впечатление, что прокреативное поведение россиян, по разным причинам, недостаточно гибко реагирует на изменяющиеся условия существования семей, что, хотя и

не изменяет общих тенденций, порождает эффекты запаздывания с последующими резкими перепадами («наверстывание»), дестабилизирующими весь процесс прокреации.

Можно ли рассчитывать на повышение уровня рождаемости в России, в том числе и с помощью мер пронаталистской демографической политики? Этот вопрос распадается на два под-вопроса:

- можно ли вообще рассчитывать на повышение рождаемости, например, до уровня лучших современных европейских показателей? Сама такая постановка вопроса предполагает положительный ответ, потому что имеются примеры стран с таким уровнем рождаемости, и нет оснований утверждать, что Россия может добиться того же. Это, конечно, не означает, что повысить уровень российской рождаемости до нынешнего уровня Франции или Великобритании будет просто, но в принципе это возможно;
- можно ли рассчитывать на повышение рождаемости хотя бы до уровня замещения поколений, простого воспроизводства населения? Дать положительный ответ на этот вопрос намного сложнее, так как современным индустриальным странам, в том числе и десятилетиями проводящим довольно щедро финансируемую пронаталистскую семейную политику, не удается достичь такого результата. Едва ли он достижим в ближайшем будущем и в России.

Тем не менее, проведение подобной политики в России, по-видимому, необходимо. В обществе существует запрос на такую политику, и государство должно ответить на этот запрос. Но при этом следует иметь в виду, что речь идет о воздействии на очень сложные виды социального поведения, соответственно и меры воздействия должны быть хорошо продуманы и тщательно выверены. Одно из неперенных условий проектирования семейной политики – знание всех аспектов новейших тенденций рождаемости и понимание объективных факторов, определяющих прокреативный выбор современных женщин и мужчин. Попытки изменения этих тенденций с помощью произвольно выбранных мер обречены на неудачу.

Питер МАКДОНАЛЬД

Профессор демографии Австралийского национального университета. Недавно был избран Вице-президентом (на период 2006–2009 гг.) и Президентом (на период 2010–2013 гг.) Международного Союза по изучению народонаселения (International Union for the Scientific Study of Population) – международной ассоциации профессиональных демографов.

Помимо работы в Австралии, профессор Макдональд часто консультирует правительства разных стран, в особенности в Европе и Восточной Азии, по вопросам прогнозов в области народонаселения (причины, следствия и методики). Является ведущим экспертом по политике в области народонаселения, в том числе по вопросам предложения труда, в странах с крайне низким уровнем рождаемости. Его деятельность изменила саму природу дискуссий в области народонаселения в Австралии, так как ранее эти дискуссии носили в основном риторический характер, а он вынес на повестку дня демографические реалии. Обладает большим авторитетом в области трудовой и семейной политики, а также политики, касающейся будущего предложения труда. Его теоретические исследования причин крайне низких уровней рождаемости широко цитируются в различных научных статьях и на международных конференциях и признаны правительствами многих стран мира, где государствам приходится решать проблемы, связанные с низкой рождаемостью.

НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ И ГОСУДАРСТВО: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ¹

В настоящее время примерно в 30 странах уровень рождаемости составляет менее 1,5 детей, рожденных одной женщиной. Правительства каждой из этих стран сообщили в Организацию Объединенных Наций, что они считают такой уровень рождаемости «слишком низким» (United Nations 2004). Если рождаемость лишь незначительно ниже уровня воспроизводства населения, то сокращение размера последующих поколений происходит медленно, и тогда, в случае необходимости, есть шанс восполнить размер конкретного поколения за счет миграции. Однако, если уровень рождаемости так и остается очень низким, происходит быстрое сокращение численности населения, и для того, чтобы как-то скомпенсировать этот процесс, потребуется массовый приток мигрантов (United Nations 2000). Таким образом, мы можем рассматривать проблему низкой рождаемости с точки зрения некой «зоны безопасности». Динамика развития народонаселения подтверждает мнение правительств о том, что «зоной безопасности» является уровень рождаемости, превышающий 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной.

Существуют доказательства, что в целом очень низкая рождаемость не соответствует действительным устремлениям отдельных людей, за счет которых она возникает (van Peer 2002; d'Addio and d'Ercole 2005). В то время как в экономическом анализе, проведенном на индивидуальном уровне, во внимание принимаются только выявленные (реализованные) установки и пожелания людей, фактическое фертильное поведение населения (выявленные установки) реали-

зуется в конкретных социально-общественных условиях. В среднем, описывая свои «идеальные жизненные установки», женщины, на самом деле, комментируют характер социально-общественных условий, в которых они планируют завести детей. Они говорят, что в других общественных условиях они, безусловно, завели бы большее количество детей. Главная идея этой моей статьи заключается в том, что создание таких общественных условий, которые были бы более благоприятны для рождения детей, и желательно, и вполне осуществимо. У людей есть много нереализованных желаний. Почему же именно эта конкретная нереализованная мечта вызывает такое беспокойство? Я придерживаюсь той точки зрения, что если идеальные репродуктивные устремления людей будут ближе к своему воплощению, это пойдет на благо не только самим этим людям, но и всему обществу в целом. Если граждане не заводят то количество детей, которое им хотелось бы иметь, даже при том, что речь идет всего лишь об одном, двух или трех детях, возникают очень жесткие вопросы относительно характера социальной организации общества. Это момент достаточно щекотливый, поскольку в рассматриваемых нами обществах граждане не лишены права иметь детей, в отличие от тех, где граждане лишены других личных свобод. Наоборот, моя идея заключается, скорее, в том, что идеальные установки населения не реализуются вследствие определенных противодействующих механизмов, присущих характеру современного общества. Низкая рождаемость является скорее непреднамеренным, чем планируемым результатом изменений социальных и экономических институтов государства.

Несмотря на то что в большинстве развитых стран выявленные репродуктивные установки не совпадают с идеальными, в настоящее время появляются доказательства, что в тех случаях, когда очень низкая рождаемость сохраняется в течение длительного периода времени, идеальные репродуктивные установки населения могут начать меняться: люди уже меньше хотят заводить детей или вовсе предпочитают бездетность. Так, Голдстейн, Лютц и Теста (Goldstein, Lutz and Testa 2003) показали, что после того как в Германии в обществе снизился уровень поддержки деторождения, а немецкие семьи ответили на это уменьшением количества детей или бездетностью, в последние три-четыре десятилетия общество в Германии стало менее дружелюбным по отношению к детям, и представители более молодых поколений уже не хотят их заводить, чего не наблюдалось ранее. В тех случаях, когда социальная организация общества достигла такой стадии, преодоление крайне низкого уровня рождаемости становится гораздо более проблематичным.

С точки зрения макроэкономики крайне низкая рождаемость в будущем приводит к острой нехватке рабочей силы, в особенности молодых квалифицированных кадров при одновременном быстром старении населения. В настоящее время несколько европейских государств уже были вынуждены сократить размер пенсионного обеспечения по старости, что привело к ряду политических проблем. Попытки некоторых европейских стран компенсировать нехватку трудовых ресурсов за счет существенного увеличения притока иммигрантов также вызвали враждебность со стороны местного населения. По оценке Макдональда и Киппена (McDonald and Kirpen 2001), в течение последующих 50 лет трудовые ресурсы Японии сократились бы на 22 миллиона, а Италия и Германия потеряли бы по 11 миллионов экономически активного насе-

ния, если бы рождаемость и доля участия в рабочей силе в общей численности населения этих стран остались на уровне конца 1990-х годов. Следует отметить что основное прогнозируемое сокращение трудовых ресурсов происходит за счет сокращения молодых кадров. Значимость молодых квалифицированных кадров для поддержания экономической конкурентоспособности страны на мировом рынке подчеркивается утверждением о том, что 80 процентов новейших технологий устаревают за десять лет – и это при том, что 80 процентов работников получили свои профессиональные навыки более десяти лет назад (Larsson 2003). С точки зрения новых технологий переподготовка старых кадров является относительно неэффективным способом замены молодых трудовых ресурсов (Skirbekk 2003). При появлении каждого нового поколения технологий эти технологии обычно осваиваются именно молодыми кадрами, работающими совместно со старшим поколением, которое, в свою очередь, обладает соответствующим профессиональным опытом, знаниями и идеями по применению новых технологий. По мере развития науки растут и темпы технологических преобразований. Страны, игнорирующие эти реалии, в условиях глобальной экономической конкуренции создают для себя реальную угрозу, и в настоящее время большинство стран с крайне низким уровнем рождаемости, кажется, начали это осознавать.

С другой стороны, незаметно, чтобы в этой связи принимались какие-то активные меры. С 1976 по 1996 г. только семь стран – участников ОЭСР сообщили ООН, что они разработали и внедрили политику, направленную на поддержание или повышение уровня рождаемости. Тем не менее к 2003 году число таких стран возросло до 13, и начиная с 2003 года все больше государств объявляют о реализации у себя политики по повышению рождаемости (d'Addio and d'Ercole 2005: 47). Примечательно, что в своем Обращении к нации 2006 г. Президент Путин объявил о новых мерах, направленных на повышение рождаемости (*Population and Development Review* 2006). Правительство Южной Кореи также активно занимается определением нового комплексного подхода к решению этой проблемы (Lee 2005).

Почему государства не торопятся принимать меры?

Есть четыре причины, по которым так долго не предпринимались политические меры по преодолению низких уровней рождаемости. Во-первых, в 1970-е и 1980-е годы демографы были склонны считать низкую рождаемость явлением временным, связанным с откладыванием создания семьи и рождения детей на более поздний срок (так называемый «эффект отсроченной рождаемости»). Так как рождение детей просто-напросто откладывалось, то рождаемость должна была повыситься в какой-то более поздний момент, когда родители, наконец, решат реализовать свои репродуктивные намерения. Эту точку зрения подтверждал рост показателей рождаемости в нескольких странах (во всех странах Северной Европы, Соединенных Штатах, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге) во второй половине 1980-х годов.

В других странах, где к началу 1980-х рождаемость упала ниже уровня в 1,5 ребенка, рожденного одной женщиной (Германия, Австрия, Италия), предполагалось, что проблема низкой рождаемости решится сама по себе, с компенсацией эффекта отсроченной рождаемости. Тем

не менее рождаемость в этих странах продолжала сокращаться до еще более низких уровней и уже более 20 лет (т.е. практически целое демографическое поколение) остается на уровне 1,5 детей, рожденных одной женщиной. С тех пор к этим странам добавились другие государства Южной Европы, восточно-азиатские государства и большая часть Центральной и Восточной Европы. Таким образом, ожидание проявления «эффекта отсроченной рождаемости» начинает напоминать ожидание Годо. Крайне низкая рождаемость на протяжении 20 лет уже нанесла существенный ущерб возрастной структуре страны, так как годовое количество рожденных детей формируется на основании рождаемости во всех возрастных группах населения.

Вторая важная причина, по которой страны не торопились принимать меры по решению данной проблемы, связана с распространенной среди демографов и экономистов точкой зрения, что политика, направленная на повышение рождаемости, является и дорогостоящей, и неэффективной. Исторически эта точка зрения, возможно, уходит корнями в 1930-е годы, когда Дэвид Гласс дал свою оценку политике, направленной на повышение рождаемости (Glass 1940). Однако в настоящее время такая позиция кажется достаточно нелепой: получены весомые доказательства (о которых речь пойдет ниже), что в большинстве стран эта политика, проводилась ли она прямо или косвенно, оказалась эффективной. Конечно, ее реализация может быть дорогостоящей, но то же самое можно сказать про большинство мер в области социальной политики. Ведь вопрос тут состоит в том, оправдывает ли эта политика такие расходы, – или, если перевести это в более реалистичную плоскость, – какой риск выше: риск бездействия или риск того, что данная политика не принесет ожидаемых результатов. Более того: меры, направленные на повышение рождаемости, оправданы и по ряду других причин, среди которых можно назвать обеспечение равенства между лицами, имеющими и не имеющими детей, а также улучшение условий для родителей, в особенности для матерей, связанных с возможностью совмещать создание семьи и оплачиваемую занятость. Так, например, в странах Северной Европы меры, не направленные напрямую на стимулирование рождаемости, традиционно относят к области семейной политики. Аналогичная тенденция наблюдается и в Австралии.

В-третьих, в некоторых странах меры по стимулированию рождаемости считались щекотливым с политической точки зрения вопросом, поскольку в прошлом это ассоциировалось с фашизмом и евгеникой (Lutz and Scherbov 2003). Проще говоря, власти считали, что не их дело вмешиваться в частную жизнь людей, и когда рождение детей аргументировалось тем, что «женщины должны выполнить свой гражданский долг», это вызывало вполне оправданную реакцию со стороны женских организаций.

Наконец, было заявлено, что низкую рождаемость можно компенсировать за счет повышения притока мигрантов. Да, миграция может частично решить проблему нехватки молодой рабочей силы, особенно если речь идет о краткосрочной перспективе, но, за редким исключением, ее нельзя считать долгосрочным решением проблемы нехватки трудовых ресурсов, связанной с крайне низким уровнем рождаемости. Кроме того, во многих странах с очень низким уровнем рождаемости возникла политическая оппозиция широкомасштабной иммиграции. Кроме того, поскольку с проблемой нехватки молодых рабочих кадров многие страны столкнутся одно-

временно, в будущем между ними разгорится нешуточная конкуренция за привлечение иммигрантов этой категории. Короче говоря, одним из средств решения этой проблемы в странах с очень низкой рождаемостью должно стать повышение показателей рождаемости. В странах же, где уровень рождаемости в данный момент можно считать лишь относительно низким (1,7–2,0), целесообразно было бы этот уровень поддерживать.

Причины низкой рождаемости

Я считаю, что низкий уровень рождаемости связан с двумя волнами социальных изменений, которые за последние 40 лет оказали сильное влияние на поведение, касающееся создания семьи. Первой волной – она началась в 1960-х годах и набрала силу в 1970-х – был быстрый рост социального либерализма (другое название этого явления – «рефлексивная модернизация»). Вторая волна началась в 1980-е и набрала силу в 1990-е годы – это был быстрый и резкий переход к дерегулированию экономики, и в том числе (что в данном случае наиболее важно) к дерегулированию рынка труда (которое именуется также «новый капитализм»). Далее в этой статье я подробно описываю каждую из этих волн и анализирую их совокупное влияние на рождаемость.

Социальный либерализм, или рефлексивная модернизация

Первой серьезной волной социальных изменений, происшедших за последние четыре десятилетия, стали переоценка ценностей и связанные с этим институциональные и законодательные изменения, которые Ван де Каа и Лестег (van de Kaa и Lesthaeghe), вслед за работой Ингельгарта (Inglehart 1977) о переориентации ценностей молодых людей с материализма на постматериализм, описали как второй демографический переход (Lesthaeghe and van de Kaa 1986; van de Kaa 1987). Эта волна изменений, которую некоторые социологи (Бек, Гидденс и Лэш (Beck, Giddens, and Lash 1994) называют «рефлексивной модернизацией», возникла в условиях жесткого общественного строя, при котором и в 1950–1960-е годы, и за десятки лет до этого господствовала модель семьи, где основным кормильцем был мужчина. Рефлексивная модернизация – это модернизация принципов индустриального общества, включающая переоценку отдельными лицами или группами лиц пригодности существующих общественных институтов для современной жизни. Она резко увеличила потенциал человека в плане достижения им личной независимости и возможности самостоятельно строить свою личность, вместо того чтобы существовать в рамках стереотипов, установленных для него социальными нормами и общественными институтами.

В условиях рефлексивной модернизации индивидуум освобожден от институциональных и нормативных ограничений и становится в большей степени ответственным за результаты своих действий. В этой связи уровень рисков для человека возрастает, и, по определению Бека (Beck 1992), общество становится обществом риска, а люди становятся восприимчивыми к этому риску, и большинство из них стремится его избежать. Например, на личностном уровне женщины,

осознающие высокий риск возможного развода, будут более осторожно подходить к выбору супруга и в большей степени стремиться к получению квалификации, востребованной на рынке труда, а также к созданию такого профессионального послужного списка, который позволил бы им, в случае необходимости, стать экономически независимыми.

Что касается формирования семьи, рефлексивная модернизация ослабила ограничения, связанные с возможностью развода, который раньше не поощрялся как государством, так и обществом. Многие страны приняли законы, разрешающие односторонний развод, для которого не требовалось наличия вины одной из сторон и при котором подтверждением необратимого распада семьи служило относительно недолгое раздельное проживание супругов. Кроме того, в 1970-е годы модель раннего брака и раннего рождения детей, характерная для 1950–60-х годов, быстро уступила место совместному проживанию без оформления брака и откладыванию рождения детей. Одновременно был законодательно расширен ряд прав в отношении проживающих совместно пар и детей, рожденных вне брака. Пары, решавшие просто пожить вместе, не оформляя брака до поры до времени, стремились сохранить свою личную независимость и одновременно испытать на прочность свои чувства и альтруистичность, так необходимые для семейной жизни. Таким образом, рост числа гражданских браков может рассматриваться как результат стремления избежать риска, характерного для периода рефлексивной модернизации. Совместное проживание партнеров до заключения брака стало своего рода экспериментом – оно стало формой близких отношений, позволявшей получить большую личную независимость (McDonald 1988). В этом смысле совместное проживание не является альтернативой браку и может рассматриваться как путь поддержания института брака в более рискованной социальной среде (McDonald 2003).

Наиболее важной чертой рефлексивной модернизации была как минимум частичная реализация требований женщин, касающихся обеспечения большего гендерного равенства при распределении благ, предоставляемых модернизацией, в частности путем оплачиваемого трудоустройства. Структуры, подвергавшие женщин дискриминации на рабочих местах, постепенно ликвидировались. Последовавшие за этим изменения в жизни женщин были подкреплены революцией в технологии контрацепции, а также выходом соответствующих судебных постановлений и законодательных актов, обеспечивавших более свободный доступ к абортам. Возможность контролировать свою фертильность позволила женщинам с большей уверенностью планировать и организовывать свою жизнь. Молодых женщин начали поощрять к расширению перспектив своего трудоустройства путем получения более высокого уровня образования, который в результате резко возрос и теперь в большинстве развитых стран превышает уровень образования молодых людей. Доля работающих женщин и размер их заработной платы по сравнению с аналогичными показателями у мужчин также резко возросли (OECD 2002; Масупович 1996). Тем не менее для отдельных общественных институтов все еще характерна довольно высокая степень гендерного неравенства. К таким институтам относятся собственно семья, система перераспределения доходов с помощью налогового регулирования, а также организация и условия работы (McDonald 2000a, 2000b). При том, что в условиях социального либерализма личные

риски возрастают как у мужчин, так и у женщин, в большей степени они затрагивают именно женщин: гендерное неравенство распространяется и на распределение этих рисков.

Заслугой рефлексивной модернизации считается то, что она предоставила людям возможность создания «чистых взаимоотношений», которые строятся не на ограничениях, установленных обществом, а на основании добровольной близости (Giddens 1992). Одновременно это высмеивалось как эгоистическая попытка самореализации за счет других – в частности, за счет института семьи (Рорепое 1987). Есть и промежуточная точка зрения – рефлексивная модернизация рассматривается с точки зрения кантовского понимания независимости, которая расширяет возможности человека в плане саморегуляции поведения. Эти возможности могут быть использованы как во благо, так и во зло. И это уже не индивидуальный, а общественный риск, который связан с предоставлением человеку личной независимости. Дилемма, стоящая перед нами сегодня, та же самая, с которой столкнулись философы эпохи Просвещения: «как увязать цель достижения личной независимости с убеждением, что и мужчины, и женщины являются неодолимо общественными [существами]» (McDonald 1988: 44).

Экономическое дерегулирование, или новый капитализм

В 1980-х и первой половине 1990-х большую часть мира захлестнул процесс, который стал впоследствии известен под названием «новый капитализм». В соответствии с концепцией неолиберальной философии, состоящей в том, что свободный рынок является наиболее действенной и эффективной формой экономической организации, в последние 20 лет объем правил и ограничений был сокращен таким образом, чтобы обеспечить свободное движение капитала с целью максимального увеличения эффективности и прибыльности предпринимательской деятельности. Согласно этой теории прибыльность предприятия подразумевает улучшение возможностей трудоустройства и повышение зарплат, а значит, и экономическое благополучие населения. Основными характеристиками этой новой экономической системы являются свободный поток капитала через государственные границы, свободная торговля, право работодателей и работников обсуждать размер заработной платы и условия работы при ослаблении вмешательства государства в экономику, а также сокращение объема социального обеспечения, финансируемого государством.

Принципы старого капитализма, который, наверное, лучше всего описывается термином «капитализм государства всеобщего благосостояния», были тщательно изучены и признаны негибкими и «традиционалистскими». Под прогрессом подразумевалось устранение неэластичности рынка путем предоставления фирмам, инвесторам и работникам большей независимости для получения наиболее прибыльных результатов. В то время как структура старого капитализма (стабильность промышленности и структуры компаний, пожизненное трудоустройство, рутинная работа, профсоюзы, тарифы, валютный контроль, ограничения инвестирования, относительно высокий размер налогообложения, а также государственное социальное обеспечение) была ориентирована на то, чтобы обеспечить защиту как фирмам, так и работникам, новый ка-

питализм, как сказал Бек (Beck 1992:19), означал, что общественное производство материальных ценностей стало систематически сопровождаться общественным производством риска.

Если говорить о создании и распаде семьи, то самым важным аспектом нового капитализма является его влияние на рынок труда. К результатам этого влияния относятся реструктуризация промышленности с быстрым ростом сектора услуг и спадом промышленного производства; возможность прямых переговоров между работниками и работодателями, ослабление роли крупных профсоюзов; изменение структуры спроса на рабочую силу, при котором востребованным оказывается человеческий капитал более высокого уровня; гибкость трудоустройства, позволяющая легко передвигаться внутри системы, а также гибкость в плане назначения на должность, увольнения сотрудников, содержания, условий, а также графика работы, при одновременной концентрации всех усилий на выполнении определенных краткосрочных задач; снижение важности сокращения затрат до уровня краткосрочной стратегии; конец эпохи, когда работа на одном и том же месте была «пожизненной»; а также наем по контракту в небольшие узкоспециализированные фирмы. Новый капитализм щедро вознаграждает тех, кто добивается успеха, подчиняясь его условиям, и беспощаден к тем, кого отвергает. В этой связи еще одной важной чертой нового капитализма стал рост неравенства доходов.

Сеннет (Sennett 1998: Глава 8) утверждает, что на личностном уровне результаты работы в условиях нового капитализма привели к «коррозии личности», включая потерю чувства пожизненного самоопределения, утрату веры в людей, потерю ощущения важности служения другим людям (альтруизма), снижение роли общественности (см. также Putnam 2000), презрительное отношение к «иждивенцам» и боязнь потерпеть неудачу или «отстать от жизни». Как и Бек, Сеннет описывает новый капитализм как явление, ведущее к росту чувства риска. Это чувство риска подкреплялось самыми разными факторами: например, если друзья или коллеги, занимавшие должности среднего или даже высшего звена, теряли работу; если период безработицы длился достаточно долго; если человек сталкивался с презрительным отношением к безработным; если он видел последствия экономической рецессии; и, наконец, если случался крах крупных корпораций – из-за коррупции, неэффективности управления или просто были тяжелые времена. С другой стороны, с точки зрения распределения доходов новый капитализм вознаграждает новаторство и упорный труд и, следовательно, обеспечивает стимулы и для того, и для другого. Работа стала менее рутинной, более интересной и увлекательной. Работник получает больше свободы с точки зрения возможностей продажи своих профессиональных знаний и умений тому работодателю, который предложит ему наилучшую цену, а использование компьютерных технологий повышает производительность труда. Таким образом, люди становятся также и свидетелями успехов, связанных с трудовой деятельностью в условиях нового капитализма. Участие в азартной игре может принести целое состояние, но может и лишить всего. Отличительной чертой жизни в условиях рефлексивной модернизации и нового капитализма является то, что при них не общество, а сам человек отвечает за последствия своих действий и несет за это всю ответственность.

И Бек, и Сеннет подчеркивают негативные последствия этих социальных тенденций как для отдельной личности, так и для «общества» в целом. Они мало что говорят об аналогичных последствиях для семьи, хотя неявным образом в их утверждениях подразумевается, что семья, как источник альтруизма, испытывает огромное давление. Работодатели, в массе своей, возможно, никогда не оказывали особенной поддержки семьям, однако при «капитализме государства всеобщего благосостояния», который господствовал до 1970-х годов, вмешательство государства так или иначе имело место, и целью такого вмешательства была защита рабочих мест и заработной платы работников – на основании тех соображений, что каждому работнику необходимо содержать жену и детей. При новом капитализме власти ликвидировали подобные механизмы защиты работников, подразумевая тем самым, что работодатели практически не несут ответственности за семейную жизнь своих сотрудников. Так же как и рефлексивная модернизация, новый капитализм получил поддержку со стороны органов власти посредством внесения изменений в законы, связанные с производственными отношениями, торговлей, финансовыми институтами, налогообложением и правами на социальное обеспечение.

Тем не менее в некотором смысле при новом капитализме был достигнут ряд очень положительных результатов. В условиях нового капитализма продолжается рост уровня жизни. Молодые люди, пожинающие его плоды (а таких огромное количество), вносят существенный вклад в рост потребления, в результате чего произошел рост материальных запросов и экономических устремлений молодежи в целом. Однако все эти выгоды молодые мужчины и женщины получили в обмен на снижение гарантий трудоустройства, меньшую защищенность в плане обеспечения адекватного уровня заработной платы, отказ от нормированного рабочего дня, а также отмену некоторых льгот, предоставляемых работодателем. В условиях постоянно растущих амбиций, для того чтобы поддержать свое экономическое положение на одном уровне со своими сверстниками, молодые люди должны полностью посвятить себя тому, чтобы все более и более наращивать свой человеческий капитал. А это означает отказ или, как минимум, отсрочку реализации более альтруистических планов – таких, например, как создание семьи.

Общественный либерализм, реструктуризация экономики и возникновение проблемы крайне низкого уровня рождаемости

Общественный либерализм и реструктуризация экономики привели к двум ключевым изменениям в жизни людей: к обеспечению гендерного равенства путем предоставления женщинам возможности реализовать себя за пределами домашнего хозяйства и к все большему стремлению молодых людей обоих полов избежать рисков, возникающих в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда. На динамику рождаемости эти изменения повлияли следующим образом.

Гендерное равенство

В большинстве развитых стран в недавнем прошлом имела место дифференциация социальных ролей в семье: мужчины занимались, главным образом, зарабатыванием денег, а женщины вели домашнее хозяйство и заботились о близких – главным образом, о детях. В 1960–70-е годы, как элемент общего протеста против навязывания обществом мужчине и женщине определенных стереотипов поведения и движения за предоставление личности больших свобод, жесткая дифференциация ролей мужчины и женщины была поставлена под сомнение. В результате уровень образования женщин резко вырос, и для них открылись возможности в сфере оплачиваемого трудоустройства, вследствие чего как в сфере образования, так и на рынке труда женщинам удалось добиться значительного равенства. Однако движение за гендерное равенство сосредоточило свои усилия преимущественно на социальных институтах, ориентированных на отдельного индивидуума. Соответственно, для общественных институтов, относящихся к семье, и прежде всего для самой семьи, по-прежнему характерно гендерное неравенство. К тому времени, когда женщины начинают задумываться о создании семьи, они уже в значительной степени успевают вкушать свободы и гендерного равенства и, следовательно, четко сознают, что с появлением ребенка эти достижения будут в значительной степени ущемлены. (McDonald 2000a, 2000b). Это особенно характерно для тех рынков труда, где нет или почти нет механизмов, позволяющих женщине совмещать работу и семейную жизнь. Таким образом, экономический аспект играет в гендерном споре значительную роль, поскольку в результате рождения детей женщина зачастую навсегда теряет возможность заработать.

В таких условиях женщина тщательно контролирует свою фертильность, откладывает создание семьи на более поздний срок и предпочитает иметь меньше детей, – и это приводит к общему падению рождаемости до очень низких уровней. В некоторых регионах, например в Восточной Азии, где считается, что незамедлительное рождение ребенка является естественным результатом заключения брака, женщины могут просто оставаться незамужними. Основная проблема заключается в том, что для женщины создание семьи сопряжено с большими рисками, чем для мужчины. В этой связи женщины подходят к вступлению в брак и рождению детей очень осторожно, если не чувствуют уверенности в своей способности совмещать семейную жизнь с другими открывшимися им возможностями, особенно в сфере оплачиваемой занятости.

Если говорить о рождаемости, то рефлексивная модернизация предоставила женщинам гораздо больше возможностей выбора помимо материнства. При этом женщина осознает, какое противоречие возникает между этими широкими возможностями и материнством. Считается, что она сама несет ответственность за то, что раннее рождение ребенка может не позволить ей реализовать свой потенциал в сфере образования и карьеры. Опять же, если она делает выбор в пользу образования и карьеры, отказавшись от материнства, то ответственность за этот выбор также несет она сама. В последние годы книги, написанные сделавшими блестящую карьеру женщинами (как и книги о таких женщинах), которые отказались от возможности иметь детей и впоследствии пожалели об этом, становятся бестселлерами (Hewlett 2002;

Crittenden 2002; Haussegger 2005; Macken 2005). В результате рефлексивной модернизации женщины столкнулись с противоречием между возможностями и рисками, связанными с созданием семьи и оплачиваемой работой. С наступлением эпохи рефлексивной модернизации ответственность за свои поступки и, соответственно, связанные с этим риски перешли на отдельного индивидуума.

Стремление избежать риска в условиях дерегулирования рынка труда

В результате процессов глобализации и резкого повышения уровня образования населения у молодых людей увеличилось стремление к достижению более высокого уровня материального благополучия. При этом дерегулирование рынка труда привело к существенным различиям в размерах их заработка, степени стабильности работы и возможностей карьерного роста. Участие в рынке труда теперь считается сопряженным со все более высоким риском. В этих условиях молодые люди стремятся избежать риска, т.е. выбирают пути, связанные с меньшей степенью риска. Кроме того, жизнь в обществе, где недавно уровень безработицы среди молодежи был довольно высоким, значительно усугубляет чувство риска. Личный опыт отсутствия работы насаждает на проблемы, связанные с нехваткой средств и потерей места на конкурентном рынке труда, усиливая тем самым чувство неуверенности в завтрашнем дне. При том, что достижение молодым человеком успеха на рынке труда в более раннем возрасте может способствовать более раннему созданию семьи (Kravdal 1994; de Wit and Ravanera 1998), для общества в целом характерно более позднее достижение человеком экономической стабильности – в условиях, когда стабильность определяется с учетом сильно возросших экономических запросов населения (Kravdal 1994; de Wit and Ravanera 1998).

Инвестирование в свой человеческий капитал (образование и опыт работы) рассматривается как существенная защита от этих рисков и оптимальный способ их избежать. Такое инвестирование в значительной степени подразумевает ориентацию как на собственные интересы, так и на интересы своего работодателя, особенно когда выбор делается в пользу более длительного рабочего дня, а не в пользу каких-то более альтруистических аспектов – скажем, создания семьи и служения своим близким. В результате в течение периода накопления человеческого капитала создание семьи автоматически откладывается. Когда между мужчиной и женщиной возникают близкие отношения, каждый из них беспокоится о возможности другого получать доход и, таким образом, стремление избежать риска все более растет. Одинокие женщины, понимая, что в первые годы после рождения ребенка их собственный доход, скорее всего, снизится, будут стремиться к заключению союза с мужчиной, имеющим стабильный доход. В то время как создание семьи по-прежнему остается целью для большинства людей, в условиях тех возможностей и рисков, которые присущи новому капитализму, реализация этой цели может откладываться на столь поздний срок, что в результате количество детей в семье будет меньше того, которое парам хотелось бы иметь в идеале.

Противоречие между независимостью и созданием близких отношений

Несмотря на все эти социальные и экономические изменения, семья продолжает занимать центральное место в жизни большинства людей, даже в странах с наиболее либеральным обществом. Исследования показывают, что подавляющее число молодых людей в большинстве промышленно развитых стран по-прежнему заявляют, что предпочли бы иметь длительные близкие отношения (в большинстве этих стран речь идет именно о браке) и хотели бы иметь как минимум двоих детей (van Peer 2002; d'Addio and d'Ercole 2005). Уход и поддержку пожилым людям главным образом по-прежнему осуществляют члены их семей (McDonald 1997). Семья продолжает занимать главное место в жизни большинства людей, и качество семейных отношений в значительной степени зависит от качества жизни в целом (Nolan 2002).

Какими бы привлекательными ни казались новые альтернативы, ценности, связанные с семейной жизнью, так и не были окончательно сметены растущими волнами рефлексивного материализма и нового капитализма. Они представляют третий доминантный аспект социальных ценностей. Семейные ценности очень живучи и эластичны потому, что люди по своей природе являются исключительно социальными существами и испытывают острую потребность в близких отношениях. Одиночество и изоляция являются нежелательными явлениями в жизни человека, и для большинства людей избежать их удастся преимущественно путем создания близких или семейных отношений. Кроме того, для большинства людей очень большую ценность представляет эмоциональное удовольствие, связанное с воспитанием детей. Очень показателен в этом смысле недавно опубликованный отчет, где анализируется ситуация в Австрии и странах Центральной Европы:

Что же действительно важно для австрийцев и граждан ЕС, особенно в странах, являющихся кандидатами на вступление в ЕС?... Заключение: В Австрии и в Центральной Европе доминирующими являются ценности, связанные с семьей/близкими отношениями, свободой/независимостью, а также финансовая стабильность (Austrian Institute for Family Studies, 2003).

Свобода и независимость – это цели рефлексивной модернизации. Большая финансовая стабильность – одна из целей нового капитализма (хотя зачастую добиться ее так и не удастся). Семейные ценности являются третьей главной составляющей этого «триединства»; тем не менее они не получили той поддержки со стороны государств, которая была оказана первым двум категориям ценностей. Когда такой поддержки нет, рефлексивная модернизация и новый капитализм оказывают на институт семьи огромное давление. При новом капитализме людям приходится максимально увеличивать свою полезность для рынка. От человека требуется концентрация всех усилий на приобретении востребованных знаний и навыков, опыта работы и отвечающей требованиям рынка профессиональной биографии. Рефлексивная модернизация предоставляет людям свободу с точки зрения их стремлений к достижению личных целей. Семейная же жизнь, наоборот, требует от человека проявлений альтруизма – т.е. свои время и деньги он

должен отдавать другим. В то время как новый капитализм и рефлексивная модернизация могут привести к тому, что человек одновременно и идет на риск, и пытается его избежать, пойти на риск существенно проще, если последствия твоих действий не затрагивают других близких тебе людей (включая будущих потенциально близких людей, т.е. детей). Поэтому общее стремление к близким отношениям и созданию семьи заставляет большинство людей стараться по возможности избегать риска. А так как рождение ребенка оказывает на жизнь женщины большее влияние, чем на жизнь мужчины, то женщины в большей степени, чем мужчины, склонны избегать риска (McDonald 2002).

Обеспечение чувства уверенности в завтрашнем дне, необходимого для создания семьи

Приведенные выше аргументы показывают, что в отношении откладывания создания семьи на более поздний срок справедливы те же соображения, которыми люди руководствуются при осуществлении любых других инвестиций. То есть решение о том, создавать или не создавать семью, связано не столько с существующим экономическим положением, сколько со степенью уверенности потенциальных родителей в том, что у них есть достаточные возможности создать семью, не подвергая себя при этом финансовому риску или риску не суметь реализовать свои личные устремления. В чем же заключается решение: в снижении планки в отношении своих запросов или в обеспечении более высокого уровня стабильности и уверенности в завтрашнем дне? Часто высказывается предположение, что рождаемость среди молодых людей такая низкая потому, что их ценности «слишком материалистичны». Однако растущее стремление молодежи достичь материального благополучия и материализм сосуществуют с незапамятных времен, а в настоящий момент они просто поощряются новым капитализмом. Таким образом, было бы грубым противоречием поддерживать новый капитализм и при этом говорить, что молодые люди материалистически настроены. Молодые люди прекрасно понимают, что, если они заведут детей, уровень их материального благополучия почти неизбежно снизится, но большинство из них готовы пойти на это – разумеется, если при этом они не лишат себя навсегда возможности реализовать свои будущие устремления. В частности, они хотели бы быть уверены, что будут достаточно обеспечены в финансовом смысле в первые годы жизни детей и что период, в течение которого им придется мириться с различными потерями, будет лишь временным.

Таким образом, решение проблемы низкой рождаемости заключается в предоставлении молодым мужчинам и женщинам чувства уверенности в том, что в случае, если они вступят в брак и решат завести детей, общество поддержит их в этом важном как для них самих, так и для общества решении. Если же вместо этого они столкнутся с такими общественными механизмами, которые ставят тех, кто решился завести детей, в крайне невыгодные условия, то и впредь будут откладывать создание семьи до тех пор, пока не почувствуют, что их положение достаточно стабильно для того, чтобы они смогли взять на себя все затраты, сопряженные с этим шагом. Отсрочка реализации репродуктивной функции каждого отдельного индивидуума означает

крайне низкий уровень рождаемости в обществе в целом. Так как именно власти сыграли ключевую роль в создании условий, приведших к появлению низкой рождаемости в стране, то они и должны взять на себя инициативу по обеспечению у молодежи большего чувства стабильности и уверенности в будущем. Фактически это означает перераспределение государственных средств в пользу тех, кому приходится заботиться о маленьких детях. Участие в этом процессе должны принимать и другие структуры – особенно те, что связаны с занятостью. Кроме того, здесь есть широкое поле деятельности с точки зрения необходимости проведения разъяснительной работы с молодыми людьми, направленной на повышение уровня осознания ими еще одного грозящего им риска, связанного с отсрочкой реализации ими своей репродуктивной функции, т.е. риска того, что, когда пары, наконец, захотят иметь детей, они уже просто не смогут это осуществить. С рождением и воспитанием детей также ассоциируются и многие другие страхи и риски, но если общество способно заниматься решением этих проблем, его шансы повысить уровень рождаемости увеличиваются.

Эмпирические исследования в поддержку необходимости осуществления государственной политики, направленной на стимулирование рождаемости

В ходе комплексного исследования, которое провели Базан, Мишейлин и Биллари (Baizan, Michielin, Billari 2002) среди молодых людей в Испании, было выявлено, что то время, которое люди тратят на получение образования, значительно возросло. По сравнению с когортой лиц, рожденных в 1950–54 гг., количество месяцев, потраченных на образование лицами в возрасте с 15 до 30 лет, рожденными в 1960–64 годах, увеличилось в среднем с 15,4 до 25,6 месяцев среди мужчин и с 10,6 до 25,4 месяцев среди женщин. Одновременно при сравнении этих двух когорт видно, что количество случаев безработицы и количество случаев смены места работы также существенно возросли. Авторы исследования отмечают также рост гетерогенности опыта от старшей когорты к более молодой, особенно в вопросах трудоустройства. И, наконец, они отмечают, что карьера женщин все более становится схожей с карьерой мужчин. Они приходят к выводу, что все эти тенденции в сочетании с испанской системой семейных отношений и стоимостью жилья привели к отсрочке создания семьи и домашнего хозяйства. Молодые люди, как мужчины, так и женщины, прежде чем вступать в брак и заводить детей, хотят добиться устойчивого положения на работе. Кроме того, Ан и Мира (Ahn and Mira 2001) отмечают, что в Испании отсутствие стабильной работы у мужчин является одним из главных факторов, которые вынуждают молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей. Между 1987 и 1995 годами доля работающих испанских мужчин в возрасте 25–39 лет, которые имели постоянную работу, сократилась с 55 до 37 процентов. Ан и Мира (Ahn and Mira 2001: 15) пришли к выводу, что ключевым способом увеличения количества создаваемых семей в Испании является «повышение степени уверенности молодых работников в будущих перспективах трудоустройства».

В Швеции среди молодых людей также стало нормой стремление сначала обеспечить себе хороший доход, а уж потом обзаводиться детьми (Andersson 2002). В частности, Андерссон отмечает, что в тех случаях, когда оплата отпуска по уходу за ребенком связана с размером заработной платы, у молодых людей появляется стимул отложить рождение первого ребенка до тех пор, пока не будет достигнут более высокий уровень дохода. Де Вит и Раванера (De Wit и Ravanera 1998) также считают, что молодые канадцы, прежде чем заводить детей, склонны подождать, пока не добьются определенной стабильности. Более того, молодые канадцы, которым удалось добиться хороших доходов и хорошего положения на работе в относительно молодом возрасте, вступают в брак и заводят детей раньше. Это подтверждает гипотезу об увеличении гетерогенности среди молодых людей. Так, в Нидерландах Лиефброер (Liefbroer 1998), используя оценочные данные, полученные в ходе панельного исследования, обнаружил, что на времени рождения первого ребенка сказываются воспринимаемые издержки рождения ребенка с точки зрения карьерных возможностей родителей, но при этом дети рассматриваются как фактор, снижающий у родителей чувство неопределенности в жизни в связи с тем стабилизирующим влиянием, которое оказывает их появление.

Результаты этих исследований оказались созвучны интересной теоретической дискуссии. Так, Хэппел, Хилл и Лоу (Happel, Hill and Low 1984) представили теоретические аргументы и эмпирические доказательства того, что в Соединенных Штатах в тех случаях, когда женщины устраиваются на высокооплачиваемую работу, у супружеских пар появляется стимул отложить рождение ребенка из-за потенциальной потери в доходах, а также ухудшения профессиональных навыков в результате отсутствия женщин на работе в течение какого-то периода. Кравдал же, используя более надежные данные, обнаружил, что накопленные экономические и материальные ресурсы оказывают огромное влияние на время рождения первого ребенка, в то время как потенциальные экономические последствия его рождения большого значения не имеют (Kravdal 1994). Сигно и Ермисх (1989) утверждают то же самое в отношении Великобритании, однако имеющихся данных для целей этой дискуссии оказалось недостаточно. Как было изначально заявлено Хэппелом, Хиллом и Лоу, в данном случае можно прийти к компромиссу – при наличии возможности оплачивать услуги по уходу за ребенком и удовлетворять другие потребности, связанные с рождением и воспитанием ребенка, которые появляются у женщины, когда у нее накапливается определенный уровень материальных благ и когда муж получает высокий доход. Битс и Даурлейн (Beets and Dourleijn 2001) документально подтвердили увеличение продолжительности и рост уровня образования в Нидерландах и влияние этого на время рождения первого ребенка. Объясняя падение рождаемости в Швеции в 1990-х, Бритта Хоэм (Britta and Hoem 2000) говорит о значительном увеличении количества молодых женщин, стремящихся получить высшее образование в то время, когда уровень безработицы в отдельных отраслях шведской экономики возрос. В 1989 году 14 процентов шведских женщин в возрасте от 21 до 24 лет получали пособие на получение образования, которое выплачивалось всем взрослым студентам (в возрасте 20–25 лет). В 1996-м эта цифра выросла до 41 процента. Среди женщин в возрасте 25–28 этот показатель изменился с 9 до 22 процентов. Используя муниципальные данные, Хоэм отмечает также положительную корреляцию отсрочки деторождения с региональными уровнями без-

работицы. Аналогичные результаты наблюдений в отношении Швеции получили Андерссон и Лиу (Andersson and Liu 2001).

Данные результаты позволяют предположить, что по мере роста уровня образования молодых людей в ответ на требования свободного рынка труда рождение первого ребенка будет откладываться на еще более продолжительный срок. При слишком длительной отсрочке возрастают шансы того, что первый ребенок так никогда и не родится. Это наиболее вероятно в тех случаях, когда молодые люди плохо представляют себе, что означает снижение плодovitости женщины (т.е. биологической способности к воспроизводству) по мере того, как ее возраст приближается к 40 годам. Битс и Даурлейн (2001) документально подтвердили данные, указывающие на относительно слабые представления молодых людей в Нидерландах в отношении этого вопроса, и предложили, чтобы информация о снижении плодovitости была включена в школьные программы наряду с информацией, касающейся планирования семьи.

В то время как в будущем развитые страны, по-видимому, будут в большей степени разниться по уровням бездетности, полученные данные указывают на то, что основная разница между странами с умеренно низкой рождаемостью и странами с очень низкой рождаемостью состоит в количестве вторых, третьих и большего числа детей, которые рождаются у женщин, родивших первого ребенка в более позднем возрасте (Lesthaeghe 2001). Недавние исследования, проведенные в Европе, были сосредоточены на изучении этих основных детерминирующих факторов, а также того, как скоро происходит рождение второго ребенка относительно первого и третьего ребенка относительно второго. Полученные данные позволяют предположить, что более высокий уровень образования у женщины не приводит к тому, что время рождения детей, старших по порядку рождения, откладывается на больший срок. На самом деле, достаточно часто встречается как раз обратное явление. Например, Хэнк и Крейенфельд (Hank and Kreyenfeld 2003) обнаружили положительную корреляцию между уровнем образования западногерманской женщины и тем, как скоро она решается завести второго ребенка. Кравдал (2001) утверждает, что следует обратить внимание на комбинированное воздействие того, как скоро происходит появление на свет следующих по порядку рождения детей с учетом селективности в отношении рождений детей низших порядков рождения. Он утверждает, что в Норвегии среди образованных женщин более высок уровень бездетности и что они в более позднем возрасте заводят первого ребенка, и данные факторы оказывают влияние на снижение уровня рождаемости в целом, при том что различия в темпе перехода к рождению следующего ребенка очень незначительны с точки зрения уровня образования, когда речь идет о рождении детей, более старших по порядку рождения. То, что образованные женщины заводят первого ребенка в более позднем возрасте, означает, что исследование вероятности рождения следующих по порядку детей в более позднем возрасте – в некотором смысле проблема надуманная.

Сравнивая Францию и Италию, Giraldo, Mazzuco и Michielin (2005) пришли к заключению, что более высокая рождаемость во Франции была связана с институциональными факторами, которые облегчали французским женщинам возможность совмещать работу и воспитание детей. Аналогично Дель Бока (Del Boca 2002) в своем исследовании тенденций рождаемости в

Италии отмечает, что доступность служб и учреждений дошкольного воспитания, а также возможность работать неполный рабочий день увеличивают вероятность того, что женщина будет и работать, и растить ребенка.

Культурные различия

Если аналогичные перемены характерны для всех развитых стран, то почему в каких-то из них рождаемость очень низкая, а в других умеренно низкая? Есть определенные доказательства, что коэффициенты рождаемости в развитых странах преимущественно коррелированы с уровнем поддержки, оказываемой семьям властями и работодателями. В Таблице 1 развитые страны с высоким уровнем дохода поделены на две группы: страны с суммарным коэффициентом рождаемости выше и ниже 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной. Между этими странами существуют культурные различия. К странам с коэффициентом рождаемости, равным или превышающим 1,5 (Группа 1), относятся все страны Северной Европы, все англоязычные страны, а также все франко- и голландскоязычные страны Западной Европы. К странам с уровнем рождаемости ниже 1,5 (Группа 2) относятся все развитые восточно-азиатские, все южно-европейские страны и все германоговорящие западноевропейские страны.

В широком смысле страны входящие в Группу 2, объединяет традиция, согласно которой семья и государство являются отдельными субъектами, и предполагается, что семья сама осуществляет поддержку своих членов без вмешательства со стороны государства. В связи с этим данные государства не спешили принимать меры, направленные на оказание помощи семье. За некоторыми исключениями, для Группы 1 характерна обратная ситуация. В целом их отличает наличие институциональных механизмов, направленных на поддержание семьи, которые эти страны реализуют в течение последних 20 лет, а также относительно высокий уровень гендерного равенства в семьях. В странах Группы 2 ответственность за заботу о семье и ведение домашнего хозяйства (за исключением получения доходов) лежит почти исключительно на женщинах, т.е. в этих странах сохранилась неизменной та модель семьи, при которой в роли кормильца выступает мужчина. Так как предполагается, что при этом женщина сама будет осуществлять всю работу по дому и заботу о семье, то сфера услуг и государственный сектор в странах Группы 2 не так развиты, как в странах Группы 1 (Bettio and Villa 1998). В странах Группы 1 в этих секторах чаще принимают на работу женщин и создают для них благоприятные для семейной жизни условия работы. Поэтому неудивительно, что как уровень рождаемости, так и доля работающих женщин в странах Группы 2 ниже. Как ни парадоксально, но страны Группы 2 считают, что у них развита глубоко традиционная система «семейных ценностей». Подобное представление о себе затрудняет процесс политических перемен, связанных с отходом от традиционной организации семьи. Помимо всего прочего, глубокие исторические корни, лежащие в основе культурных различий между странами Группы 1 и Группы 2, также указывают на то, что изменение подобной ситуации, вероятно, не будет легким. Терборн (Therborn 1993) теоретически допускает, что в западных странах существует тесная связь между развитием прав ребенка

и формами правового патриархата, которые применялись в начале XX века и которые в той или иной степени сохраняются по сей день. Применяемая Терборном классификация стран, основанная на времени перехода страны к обеспечению прав ребенка и отхода от патриархата, очень похожа на распределение стран по группам с учетом коэффициентов рождаемости в настоящее время.

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 2003 году: две группы стран

Группа 1	СКР	Группа 2	СКР
США	2,01	Португалия	1,44
Исландия	1,99	Швейцария	1,41
Ирландия	1,98	Мальта	1,41
Новая Зеландия	1,96	Австрия	1,39
Франция	1,89	Германия	1,34
Норвегия	1,80	Испания	1,29
Дания	1,76	Италия	1,29
Финляндия	1,76	Япония	1,29
Австралия	1,75	Греция	1,27
Нидерланды	1,75	Сингапур	1,26
Швеция	1,71	Южная Корея	1,19
Британия	1,71	Гонконг	0,94
Люксембург	1,63		
Бельгия	1,61		
Канада	1,50		

Источник: Составлено автором на основании различных официальных статистических источников, включая «Евростат» и информацию государственных статистических служб.

Терборн в своей классификации Восточную Азию не рассматривал, но в том, что касается прав ребенка, этот регион отстает еще больше. Такое культурное разделение указывает на то, что различия между странами с очень низким уровнем рождаемости и странами с умеренно низкими уровнями рождаемости скорее являются результатом воздействия институциональных факторов, а не факторов, имеющих место вследствие поведения отдельных людей. Таким образом, было бы логично, чтобы именно государство, которое отвечает за функционирование общественных институтов страны, было инструментом осуществления эффективных преобразований.

Помимо того, что в странах Группы 1 действует более развитая политика в области поддержки семьи, они являются также и более «продвинутыми» с точки зрения уровня социального

либерализма. В странах Группы 1 выше уровень разводов и больше случаев совместного проживания и рождения детей вне брака. Означает ли это, что страны Группы 2 должны содействовать развитию социального либерализма, если хотят добиться более высоких показателей рождаемости? Или, что более важно, действительно ли более развитая политика в области поддержки семьи появится скорее в странах с большей степенью социальной свободы? Я считаю, что проблемы, возникающие в странах Группы 2 в связи с низкими уровнями рождаемости, выражены настолько ярко, что эти страны просто не могут себе позволить ждать, пока появятся ответы на все эти вопросы. Трудно себе представить, чтобы государства Группы 2 стали поощрять более высокие уровни разводимости, совместного проживания и рождения детей вне брака в качестве средства увеличения рождаемости. С гораздо более высокой вероятностью можно предположить, что они будут способствовать разработке и реализации политики, направленной на поддержку семьи – что многие из них уже начинают делать.

Влияние государственной политики на уровень рождаемости в стране

За последние 40 лет уровень рождаемости упал почти во всех развивающихся странах. То, что в большинстве случаев большую роль в этом удивительном феномене сыграла государственная политика, сейчас является общепризнанным фактом. Эта тема постоянно муссируется в книге *Global Fertility Transition* (Bulatao and Casterline 2001) и в обзоре, опубликованном Колдвеллом (Caldwell 2005), ей также уделяется особое место. Однако осознание этого факта пришло с большим опозданием. В первые десятилетия реализации поддерживаемых государством программ в области планирования семьи отношение многих демографов к тому, что власти могут как-то повлиять на уровень рождаемости, с учетом традиционно высокой поддержки многодетности, было весьма скептическим. Ходжсон описал эту ситуацию как разделение демографов на два лагеря – «девелопменталистов» и «планировщиков семьи» и проницательно охарактеризовал ее как «выражение противоречий, сопутствующих проведению исследований в области эффективности государственной политики в рамках конкретной научной дисциплины» (Hodgson 1983: 1).

Поэтому не удивительно, что сегодня многие представители одной и той же профессии подвергают сомнению эффективность государственной политики, нацеленной на увеличение или поддержание уровней рождаемости в развитых странах. Их аргументы аналогичны тем, которые использовались, чтобы опровергнуть эффективность политики, направленной на снижение рождаемости: традиционные культурные ценности поддаются изменению с большим трудом, а неопровержимых эмпирических доказательств нет. В развивающихся странах реализация правительственных программ в области планирования семьи продолжалась на том основании, что принятие срочных мер откладывать было нельзя. И хотя доказательства эффективности этих программ были неполными, их оказалось достаточно, чтобы оправдать инвестирование дефицитных ресурсов, выделяемых на развитие страны, в политику планирования семьи. Ставка –

пусть так! – оказалась выигрышной, и теперь ожидается, что к 2050 году население планеты составит около 9 миллиардов человек – по сравнению с теми 16 миллиардами, которые прогнозировались в середине 1960-х годов. Задним числом можно сделать вывод, что решение ряда стран продолжить активную реализацию программ в области планирования семьи даже тогда, когда доказательства их эффективности были неполными, оказалось правильным. На самом деле подобная ситуация с реализацией той или иной социальной политики отнюдь не редкость. Ведь социальная политика зачастую осуществляется на основании гипотез, которые еще только предстоит доказать. Собственно говоря, реализация часто является единственным способом проверить, является ли та или иная политика эффективной, но даже и после этого могут потребоваться многие годы, чтобы появилось убедительное доказательство ее правильности.

Как писал Ходжсон (Hodgson (1983: 1), «давать советы относительно того, как лучше проводить социальные преобразования без насилия над «фактами» в том виде, в котором они известны, – задача трудная и утомительная». Тем не менее, нежелание демографов давать какие-либо рекомендации в отношении мер по удержанию рождаемости на умеренно низком уровне или ее повышению с очень низких до умеренно низких уровней, представляется научной консервативностью: ведь, как правило, доказательства эффективности таких политик оказываются положительными. Так, ряд демографов проанализировали эффективность принятой в Венгрии в 1965 году политики, направленной на повышение рождаемости. Ученые пришли к выводу, что проведенные меры действительно остановили падение рождаемости в Венгрии, которое наблюдалось в то время (Andorka and Vukovich 1985). Бюттнер и Лутц (Büttner and Lutz 1990) пришли к заключению, что комплекс принятых в Восточной Германии в 1976 году политических мер, непосредственно направленных на повышение рождаемости, привел к повышению рождаемости в этой стране в период с 1977 по 1987 год на 15–20 процентов.

Если говорить в более широком смысле, то, как пишут Готье и Хатциус (Gauthier and Hatzius 1997), «результаты исследования, полученные на основании эконометрической модели, примененной к данным по 22 развитым странам за период с 1970 по 1990 год, позволяют предположить, что денежные выплаты, осуществляемые в форме пособий на детей, безусловно оказали положительное влияние на уровень рождаемости» (стр. 304). Они отмечают также «дополнительный эффект... от реализации более широкого пакета денежных и материальных пособий семьям» (там же). Однако несмотря на эти выводы, данное исследование часто цитируется как доказательство неэффективности подобной политики. Объясняется это тем, что согласно результатам исследования эффект от реализации политики представляется авторам незначительным. По подсчетам Готье и Хатциуса, в результате увеличения суммы выплат на детей на повышение рождаемости на 0,07 ребенка приходится 25-процентный рост затрат государства. Дополнительный эффект от реализации более широкого комплекса мер подсчитан ими не был, но похоже, что комплексная семейная политика, основанная на 25-процентном повышении правительственных затрат, могла бы привести к росту рождаемости, соответствующему 0,1 ребенка. И это совсем не мало, поскольку в большинстве стран с очень низкой рождаемостью повышение суммарного коэффициента рождаемости на 0,4 привело бы к увеличению СКР более чем до 1,5. Я хо-

чу подчеркнуть, что от реализации данной политики требуется получение именно небольших результатов. Перед нами не стоит задача добиться очередного бэби-бума или довести рождаемость до уровня простого воспроизводства населения. В своем более недавнем (2005) анализе влияния реализации семейной политики на уровень рождаемости Готье отмечает, что при отсутствии контрфактивных данных определить конкретное влияние любых изменений в политике на уровень рождаемости всегда сложно: а что бы было, если бы политика не изменилась? Кроме того, трудно собрать достаточное количество информации относительно изменений в политике разных стран, и еще более проблематичным представляется перевод полученных результатов в количественные показатели, которые были бы сравнимы между собой. Тем не менее Готье еще раз подчеркивает, что выплата денежных пособий на детей положительно влияет на уровень рождаемости и что «на основании опубликованных данных можно предположить, что меры, направленные на поддержку работающих родителей, иногда положительно сказываются на росте рождаемости» (2005: 106), хотя в данном случае картина представляется неоднозначной.

Как указал Каслз (Castles 2003), еще одной методологической проблемой оценки влияния политики, направленной на повышение рождаемости, является вопрос причинной упорядоченности. Он утверждает, что политику, направленную на повышение рождаемости, государство, скорее всего, будет проводить в то время, когда уровень рождаемости низок. Соответственно, в первые годы реализации такой политики значительная часть мер может быть связана с низким уровнем рождаемости. Если при рассмотрении эффективности политики не учитывать время ее реализации, то может возникнуть ассоциация между низкой рождаемостью и политикой, которая в долгосрочном плане приводит к ее росту. Исследование, проведенное Готье и Хатциусом, основано на данных, полученных в 1970–90-х годах. Вполне вероятно, что это и были те самые «первые годы» реализации политики, если использовать терминологию Каслза. Более позднее эконометрическое исследование, проведенное по нескольким странам, которое базируется на данных 1990-х годов (Adkins 2003 – см. ниже), свидетельствует о более сильном влиянии финансовых выплат на уровень рождаемости, чем отмечено у Готье и Хатциуса.

В последние годы появляется все больше исследований эффективности мер государственной политики. По мере того, как реализация политики становится все более комплексной и всеобъемлющей, доказательства позитивности ее результатов становятся надежнее, чем можно было бы предположить на основании утверждения о причинном упорядочении. Каслз (2003) обнаружил, что политика, благоприятствующая развитию семьи, практически объясняет положительную связь между уровнем рождаемости и долей участия женщин в качестве рабочей силы в 21 стране – члене ОЭСР. Он отмечает «чрезвычайно сильную положительную взаимосвязь между рождаемостью и должной организацией услуг по уходу за ребенком», и меньшую коррелированность между рождаемостью и мерами, направленными на создание на работе условий, благоприятных для семьи, – например, предоставление гибкого рабочего графика (там же: 222). Результаты комплексного исследования, проведенного Rand Corporation (Grant et al. 2004: xv), показали, что «государственная политика может оказывать влияние на уровень рождаемости». В данном отчете указывается, что сворачивание политики поддержки

семей в Польше, Восточной Германии и Испании способствовало падению рождаемости в этих странах. В отношении Франции же там говорится следующее: «Реализация семейной политики была одним из приоритетных политических целей страны с момента [принятия Семейного кодекса в 1939 году], что привело к относительно высоким показателям рождаемости» (Grant et al. 2004: xv).

В комплексном обзоре исследований эффективности семейной политики Слибос (Sleebos 2003) приходит к следующему выводу:

Результаты большинства исследований позволяют предположить слабую позитивную связь репродуктивного поведения населения и разнообразия денежных пособий и мер в области налоговой политики. Последствия реализации политики, благоприятствующей развитию семьи, представляются более противоречивыми: в некоторых исследованиях указано значительное позитивное влияние на рождаемость высокой доступности услуг и учреждений по уходу за ребенком, но более слабое или неоднозначное влияние предоставления матери или отцу отпуска по уходу за ребенком.... Необходима последовательная реализация комплекса хорошо проработанных и связанных между собой мер (стр. 5).

В полном соответствии с моим разделением стран на Группу 1 и Группу 2, Нейер (Neuer 2003), на основании результатов исследования реализации семейной политики в различных странах, пришел к следующему заключению: «Похоже, что страны, которые считают свою семейную политику частью политики в области рынка труда, политики социального обеспечения и гендерной политики, добиваются больших успехов в поддержании уровней рождаемости выше крайне низких отметок» (стр. 32).

Адкинс (Adkins 2003) в своем многоуровневом анализе 18 европейских стран также обнаружил, что разницу в уровне рождаемости между странами можно объяснить, в том числе, и институциональными различиями на государственном уровне (политика). Он отметил «весьма существенное, важное позитивное влияние [на рождаемость] среднего размера государственного пособия на ребенка, помимо контроля прочих взаимосвязанных факторов» (Adkins 2003: 27). В частности, он подсчитал, что на каждые 10% повышения размера пособия на ребенка как доли семейного дохода приходится 25% повышения фертильности женщины. Однако он обнаружил также, что осуществление выплаты пособий на ребенка при условии, что мать не будет работать, является неправильным подходом, так как это служит обратным стимулом для женщины в том случае, если она после рождения ребенка хочет вернуться на работу. С этим соглашаются Лярок и Саланье (Laroque and Salanie 2005: abstract): «Полученные нами результаты позволяют предположить, что во Франции финансовые стимулы играют осязаемую роль в принятии решений, связанных с рождением ребенка».

То, что прямое финансовое поощрение может быть эффективным способом повышения рождаемости, подтверждается и результатами других исследований (Lutz 1999; Milligan 2002).

Прямые финансовые субсидии помогают покрыть расходы семьи на рождение и воспитание детей, в то время как меры, которые позволяют женщинам совмещать материнство с работой, сокращают издержки, которые могут быть связаны с упущенными возможностями (Ermisch 1989). Потери, связанные с упущенными возможностями, тем выше, чем выше заработок женщины. При этом прямые затраты на детей менее чувствительны к повышению доходов, за исключением случаев, когда более обеспеченные родители существенно повышают их по собственному желанию. Это означает, что, чем выше уровень доходов, тем больше вероятность, что женщина предпочтет совмещать работу и заботу о ребенке, вместо того чтобы просто сидеть дома, получая прямые субсидии на детей. Таким образом, необходимо осуществить полный комплекс мер по стимулированию рождаемости (финансовая поддержка, услуги, соответствующие договоренности на работе) – ведь все они в той или иной степени выгодны для женщин, в зависимости от их потенциального заработка и предпочтений в области трудоустройства. Кроме того, эти меры следует организовать в насколько возможно единую, универсальную систему; это нужно для того, чтобы у родителей не возникало каких-либо препятствий, т.е. чтобы указанные льготы у них безусловно сохранялись вне зависимости от изменений их участия в рабочей силе или уровня дохода.

Результаты ряда исследований, проведенных в Норвегии, свидетельствуют о важности доступности услуг по уходу за ребенком и детских дошкольных учреждений с точки зрения повышения уровня рождаемости. Так, Кравдал (1996) обнаружил, что если количество детей, посещающих детские дошкольные заведения, увеличивается на 20%, то плодовитость когорты возрастает на 0,05 ребенка.

На основании данных Норвежской Регистрационной Системы и Муниципальной базы данных Риндфусс (Rindfuss) и его коллеги (2004) выявили, что женщины, живущие в городах с наиболее развитым доступом к службам и учреждениям по уходу за ребенком, чаще заводят детей в более раннем возрасте.

Большинство исследователей склоняются к тому, что женщины тем скорее переходят от рождения первого к рождению второго ребенка и от рождения второго к рождению третьего ребенка, чем более развит для них доступ к средствам, которые позволяют им совмещать работу и семейную жизнь. Baizan, Michielin и Billari (2002: 202) считают, что в Испании из-за отсутствия служб по уходу за детьми рождение ребенка влечет высокие затраты, связанные с упущенными возможностями. Ронсен (Rønssen 2004) отмечает, что в результате проведения более активных мер, направленных на предоставление женщине возможности совмещать работу с воспитанием детей, сократилась разница в уровнях рождаемости у женщин с разными уровнями образования. Хоэм, Прскавец и Нейер (Hoem, Prskawetz and Neyer 2001) обнаружили, что в Швеции наблюдаются более высокие темпы перехода от рождения первого к рождению второго ребенка, чем в Австрии, однако находят мало различий между этими странами как в уровне образования женщин, так и в степени их личной независимости. В соответствии с теорией гендерного равенства (Joshi 1998; McDonald 2000a), они делают вывод о том, что подобное различие между двумя странами объясняется государственной политикой этих

стран в области семьи и занятости. Затраты, связанные с упущенными возможностями в связи с рождением третьего ребенка, в Австрии были выше из-за отсутствия доступа к ресурсам, которые позволяют женщине совмещать работу с воспитанием третьего ребенка. К таким ресурсам относятся возможность работать неполный рабочий день, доступ к приемлемым по цене детским дошкольным учреждениям и услугам по уходу за ребенком, возможность получения долгосрочного отпуска по уходу за ребенком, а также уровень пособий по уходу за ребенком. К аналогичным выводам, опираясь на данные исследования, посвященного переходу от рождения первого к рождению второго ребенка в Швеции и Венгрии, приходит и Олах (Olah 2001). Риндфусс, Морган и Оффутт (Rindfuss, Morgan, and Offutt 1996: 288) утверждают, что в Соединенных Штатах рождаемость остается на относительно высоком уровне в связи с тем, что детские учреждения стали более доступными как в плане их наличия, так и с финансовой точки зрения. Они отмечают, что «желание, необходимость и возможность платить за услуги по уходу за ребенком в детских учреждениях, наиболее высоки у женщин – выпускниц колледжей». Это означает, что удалось смягчить тот отрицательный эффект, который оказывает повышение уровня образования женщин на рождение детей более старших порядков. Tsuya, Vumpass и Choe (2000) полагают, что низкие темпы рождаемости, характерные для Японии и Южной Кореи, объясняются отсутствием поддержки работающих женщин – как дома, так и за его пределами.

Как и в случае со снижением рождаемости в развивающихся странах, примеры провалов политики в области рождаемости могут быть надуманными. Так, в ряде стран политика, направленная на повышение рождаемости, была признана неэффективной потому, что во Франции – стране, наиболее рьяно поддерживающей рост рождаемости, – в первые два десятилетия после принятия Семейного кодекса в 1939 году, уровень рождаемости оставался ниже, чем во многих других развитых странах. Теперь же, будучи страной с одним из самых высоких уровней рождаемости в Европе и осуществив мягкий переход к умеренно низкой рождаемости, Франция больше не упоминается в качестве провала политики по стимулированию рождаемости. Даже наоборот: Франция используется как один из важнейших примеров эффективности вмешательства государства. Например, Грант и др. (Grant et al 2004) приходят к выводу, что успех Франции в поддержании своего уровня рождаемости объясняется «ее способностью создать условия, благоприятствующие рождению детей. Такие условия создаются путем проведения комплексных мер, направленных на достижение этой цели» (Grant et al. (2004: xv).

Еще двумя странами, которые часто упоминаются в качестве примеров неудачной реализации политики в этой сфере, являются Япония и Сингапур. В обеих этих странах рождаемость продолжает падать, несмотря на попытки правительства повернуть эту тенденцию вспять. По моим оценкам, провал попытки реализации семейной политики в Японии и Сингапуре связан с тем, что она была нацелена на работу с определенными типами женщин (индивидуальный подход), а не на проведение широкомасштабной реформы общественных институтов. В обеих странах принимаемые меры были направлены на поддержку одиноких женщин, в особенности одиноких женщин с высоким уровнем образования. Кроме того – по крайней мере, в Сингапуре, –

материальное стимулирование главным образом было ориентировано на женщин с высокими доходами. В обеих странах власти так и не сумели договориться с работодателями относительно создания таких условий работы, которые бы в большей степени учитывали нужды родителей, и особенно матерей. Ожидаемая от работников продолжительность их рабочего дня по-прежнему сильно расходится с возможностью нести семейные обязанности. Например, в Сингапуре женщины моложе 30 лет в среднем работают по 52 часа в неделю.

Основным возражением против государственной политики, направленной на стимулирование рождаемости, являются финансовые соображения, связанные с тем, что другие области, требующие немедленного решения проблем, не позволяют увеличить объем средств, выделяемых на поддержку семьи. Но это уже вопрос относительности приоритетов. Когда проблема низкой рождаемости только-только возникла на повестке дня, власти не придавали политике стимулирования рождаемости особой важности, но через какое-то время необходимость принятия безотлагательных государственных мер стала очевидной. Многие государства Группы 2 сейчас проводят активную политику по содействию росту темпов рождаемости в стране. Им пришлось принять эти меры и потому, что рождаемость оставалась низкой, и потому, что негативные последствия устойчиво низкой рождаемости стали сейчас еще более очевидными.

Заключение

Как я уже говорил, в настоящее время низкая рождаемость в развитых странах является непреднамеренным результатом воздействия двух основных волн социальных и экономических перемен: социального либерализма и нового капитализма. Обе эти волны повысили индивидуальные установки населения, связанные с качеством личного и экономического благополучия. Независимо от различий культурных и социальных условий, обе волны значительно снизили возможность супружеских пар по созданию и содержанию семьи. Стремление людей к близким отношениям и индивидуации путем создания семейных отношений остается сильным; однако в условиях новых социально-экономических реалий многие не реализуют своих желаний и установок, связанных с созданием семьи. Оказывая поддержку таким людям или содействуя укреплению социального либерализма и нового капитализма, что зачастую осуществлялось путем внесения соответствующих изменений в законодательство, государство сыграло одну из ключевых ролей в увеличении тех рисков, которые сейчас связываются с созданием семьи. В этой связи я считаю, что именно государство должно взять на себя и главную роль в восстановлении социального баланса в стране.

Основополагающим моментом в государственной политике должны быть соответствующие институциональные изменения, призванные восстановить уверенность молодых людей в том, что они смогут создать семью при приемлемых для себя уровне экономических потерь и последствиях для своих личных желаний и устремлений. Правительства должны пойти на эти меры, сделав их третьей волной социальных перемен, так как именно они способствовали двум главным социально-экономическим переменам, которые привели к снижению количества со-

здаваемых семей. Формирование индивидуальных установок неразрывно связано с состоянием социальных и экономических институтов общества. И то, какими будут эти институты, зависит от политического выбора.

Здесь могут быть определенные исключения, но существуют убедительные доказательства того, что реализация семейной политики в странах Группы 1 оказалась успешной и привела к поддержанию уровней рождаемости на умеренном уровне, т.е. как минимум на отметке 1,5. Но более важный вопрос состоит в том, можно ли путем реализации семейной политики увеличить рождаемость в странах Группы 2, в которых, как я уже говорил, традиционная система семейных ценностей затрудняет осуществление мер, направленных на повышение рождаемости. При этом в этих странах растет понимание необходимости принятия подобных мер, и я уже описал, почему вмешательство государства в данный вопрос является оправданным с моральной, экономической и политической точек зрения. По крайней мере четыре из этих стран, а именно, Австрия, Южная Корея, Сингапур и Япония, уже приняли программы действий, направленные на преодоление процесса падения рождаемости. Хотя на настоящий момент в странах Восточной Азии осуществление семейной политики пока еще не принесло существенных результатов, в результате реформы государственной политики в Австрии уровень рождаемости в этой стране вырос с 1,36 в 2002 году до 1,44 в 2004-м. Каким бы незначительным этот прогресс ни был, но он идет в правильном направлении. Я считаю, что со временем странам Группы 2 также удастся повысить рождаемость путем реализации соответствующей государственной политики: во-первых, потому, что они придут к пониманию необходимости этого шага, а во-вторых, потому, что их культурные институты уже начали делать шаги в направлении вмешательства в дела семьи. Подтверждением этого является резкий скачок показателей разводимости, происшедший в результате либерализации законов. Вопрос заключается не столько в том, увеличится ли рождаемость в странах Группы 2, а в том, как быстро это произойдет.

Проблема низкой рождаемости решается не путем риторических призывов правых обратиться вспять социальную либерализацию, и не в давно известных планах левых дать обратный ход дерегулированию экономики. Обе волны изменений обеспечили достижение многих целей, ради которых осуществлялись. Большинство людей предпочитают жить в обществе, которое предлагает им социальные свободы и возможность личного выбора. Многих привлекают такие условия, когда предприимчивость и прилагаемые усилия вознаграждаются. Однако большинство людей стремится к созданию длительных близких отношений и семьи. Следовательно, решение проблемы низкой рождаемости состоит в том, что необходимо обеспечить третью волну социальных перемен, волну компенсирующую, волну, при которой государство и другие общественные институты придадут поддержке семьи, и особенно рождению и воспитанию детей, новый приоритетный статус. Необходимо создать новые концепции семьи, в которых признавались бы общественная и личная значимость семейной жизни, а также тот факт, что семейная жизнь должна развиваться в условиях социальной либерализации и нового капитализма, которые являются неотъемлемыми чертами экономики и общества XXI века.

Библиография

- Adkins, D. 2003. "The role of institutional context in European regional fertility patterns," paper presented at the Annual Meeting of the Population Association of America.
- Ahn, N. and P. Mira. 2001. "Job bust, baby bust? Evidence from Spain," *Journal of Population Economics* 14(3): 505–521.
- Andersson, G. 2002. "Fertility developments in Norway and Sweden since the early 1960s," *Demographic Research* 6: 65–86.
- Andersson, G. and G. Liu. 2001. "Demographic trends in Sweden: Childbearing developments in 1961–2000, marriage and divorce developments in 1971–1999," *Demographic Research* 5: 65–78.
- Andorka, R. and G. Vukovich. 1985. "The impact of population policy on fertility in Hungary, 1960–1980," *Papers of the International Population Conference, Florence 1985*, Volume 3. Liège: International Union for the Scientific Study of Population, pp. 403–412.
- Austrian Institute for Family Studies. 2003. "New Generali study: Family more important than everything else," *Puzzleweise* 2/2003.
- Baizan, P., F. Michielin, and F. Billari. 2002. "Political economy and lifecourse patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards," *Demographic Research* 6: 189–240.
- Beck, U. 1992. *Risk Society*. London: Sage.
- Beck U., A. Giddens, and S. Lash. 1994. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press.
- Beets, G. and E. Dourleijn. 2001. "Low and late fertility is expected to continue: Will new population policy measures interfere?," paper presented at the 24th IUSSP General Population Conference, 18–24 August, Salvador, Bahia, Brazil.
- Bettio, F. and P. Villa. 1998. "A Mediterranean perspective on the breakdown of the relationship between participation and fertility," *Cambridge Journal of Economics* 22(2): 137–171.
- Bulatao, R. and J. Casterline (eds.). 2001. *Global Fertility Transition*, Supplement to Vol. 27, *Population and Development Review*. New York: Population Council.
- Büttner, T. and W. Lutz. 1990. "Estimating fertility responses to policy measures in the German Democratic Republic," *Population and Development Review* 16(3): 539–555.
- Caldwell, J. 2005. "Demographers' involvement in twentieth-century population policy: Continuity or discontinuity?," *Population Research and Policy Review* 24: 359–385.
- Castles, F. 2003. "The world turned upside down: Below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries," *Journal of European Social Policy* 13(3): 209–227.
- Cigno, A. and J. Ermisch. 1989. "A microeconomic analysis of the timing of births," *European Economic Review* 33: 737–760.
- Crittenden, A. 2002. *The Price of Motherhood*. New York: Metropolitan Books.
- d'Addio, A. and M. d'Ercole. 2005. "Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: The role of policies," OECD Social, Employment, and Migration Working Papers No. 27. Paris: OECD.
- de Wit, M. and Z. Ravanera. 1998. "The changing impact of women's educational attainment and employment on the timing of births in Canada," *Canadian Studies in Population* 25(1): 45–67.

- Del Boca, D. 2002. "Low fertility and labor force participation of Italian women: Evidence and interpretations," Labor Market and Social Policy Occasional Papers No. 61, Paris: OECD.
- Ermisch, J. 1989. "Purchased childcare, optimal family size and mother's employment," *Journal of Population Economics* 2: 79–102.
- Gauthier, A. 2005. "Trends in policies for family-friendly societies," in M. Macura, A. MacDonald, and W. Haug (eds.), *The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses*. New York and Geneva: United Nations.
- Gauthier, A. and J. Hazius. 1997. "Family benefits and fertility: An econometric analysis," *Population Studies* 51(3): 295–306.
- Giddens, A. 1992. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Giraldo, A., S. Mazzuco, and F. Michielin. 2005. "Compatibility of children and work preferences: Two European cases," Working Paper Series No. 8, Department of Statistical Sciences, University of Padua, Italy.
- Glass, D. 1940. *Population Policies and Movements in Europe*. Oxford: Clarendon Press.
- Goldstein, J., W. Lutz, and M. Testa. 2003. "The emergence of sub-replacement family size ideals in Europe," *Population Research and Policy Review* 22(5–6): 479–496.
- Grant, J. et al. 2004. *Low Fertility and Population Ageing: Causes, Consequences, and Policy Options*. Santa Monica: RAND.
- Hank, K. and M. Kreyenfeld. 2003. "A multilevel analysis of child care and the transition to motherhood in Western Germany," *Journal of Marriage and the Family* 65(3): 584–596.
- Happel, S., J. Hill, and S. Low. 1984. "An economic analysis of the timing of childbirth," *Population Studies* 38(2): 299–311.
- Haussegger, V. 2005. *Wonder Woman: The Myth of Having It All*. Sydney: Allen and Unwin.
- Hewlett, S. 2002. *Baby Hunger: The New Battle for Motherhood*. London: Atlantic Books.
- Hodgson, D. 1983. "Demography as social science and policy science," *Population and Development Review* 9(1): 1–34.
- Hoem, B. 2000. "Entry into motherhood in Sweden: The influence of economic factors on the rise and fall in fertility, 1986–1997," *Demographic Research* 2(4).
- Hoem, J., A. Prskawetz, and G. Neyer. 2001. "Autonomy or conservative adjustment? The effect of public policies and educational attainment on third births in Austria, 1975–96," *Population Studies* 55(3): 249–261.
- Inglehart, R. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
- Joshi, H. 1998. "The opportunity costs of childbearing: More than mothers' business," *Journal of Population Economics* 11: 161–183.
- Kravdal, Ø. 1994. "The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of the first birth in Norway," *Population Studies* 48(2): 249–267.
- . 1996. "How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: A parity-specific approach," *Population Research and Policy Review* 15(3): 201–218.
- . 2001. "The high fertility of college educated women in Norway: An artifact of the separate modeling of each parity transition," *Demographic Research* 5(6): 187–216.
- Laroque, G. and B. Salanie. 2005. "Does fertility respond to financial incentives?," CEPR Discussion Paper Series, No. 5007. London: Centre for Economic Policy Research.

- Larsson, A. 2003. Director General for Employment and Social Affairs, European Commission, www.jrc.es/projects/enlargement/FuturesEnlargement/Bled-01-11/Presentations/larsson.pdf
- Lee, S-S. 2005. "Lowest fertility and policy directions in Korea," International Workshop on Low Fertility and Population Policies, Seoul: Korea Institute for Health and Social Affairs.
- Lesthaeghe, R. 2001. "Postponement and recuperation: Recent fertility trends and forecasts in six Western European countries," paper presented at the Conference on International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories, and Policies, International Union for the Scientific Study of Population, Tokyo, 21–23 March.
- Lesthaeghe, R. and D. van de Kaa. 1986. "Twee demografische transitities?" in D. van de Kaa and R. Lesthaeghe (eds.), *Bevolking: Groei en Krimp*. Deventer: Van Loghum Slaterus.
- Liefbroer, A. 1998. "Understanding the motivations behind the postponement of fertility decisions: Evidence from a panel study," paper presented at the Workshop on Lowest Low Fertility, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, 10–11 December.
- Lutz, W. 1999. "Will Europe be short of children?," *Family Observer*, European Observatory on Family Matters, European Commission, pp. 8–16.
- Lutz, W., B. O'Neill, and S. Scherbov. 2003. "Europe's population at a turning point," *Science* 299(28): 1991–1992.
- Macken, D. 2005. *Oh No, We Forgot to Have the Children!* Sydney: Allen and Unwin.
- Macunovich, D. 1996. "Relative income and price of time: Exploring their effects on US fertility and female labor force participation," in J. Casterline, R. Lee, and K. Foote (eds.), *Fertility in the United States: New Patterns, New Theories*. Supplement to Vol. 22, *Population and Development Review*. New York: Population Council, pp. 223–257.
- McDonald, P. 1988. "Families in the future: The pursuit of personal autonomy," *Family Matters* 22: 40–47.
- . 1997. "Older people and their families: Issues for policy," in A. Borowski, S. Encel, and E. Ozanne (eds.), *Ageing and Social Policy in Australia*. Melbourne: Cambridge University Press.
- . 2000a. "Gender equity, social institutions and the future of fertility," *Journal of Population Research* 17(1): 1–16.
- . 2000b. "Gender equity in theories of fertility transition," *Population and Development Review* 26(3): 427–439.
- . 2002. "Sustaining fertility through public policy: The range of options," *Population* 57(3): 417–446.
- . 2003. "Transformations in the Australian family," in S-E. Khoo and P. McDonald (eds.), *The Transformation of Australia's Population, 1970–2030*. Sydney: University of New South Wales Press, pp. 77–103.
- McDonald, P. and R. Kippen. 2001. "Labor supply prospects in 16 developed countries, 2000–2050," *Population and Development Review* 27(1): 1–32.
- Milligan, K. 2002. "Quebec's baby bonus: Can public policy raise fertility?," *Backgrounders*. C. D. Howe Institute, January.
- Neyer, G. 2003. "Family policies and low fertility in Western Europe," MPIDR Working Paper, WP 2003-021, July. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Nolan, J. 2002. "The intensification of everyday life," in B. Burchell, D. Ladipo, and F. Wilkinson (eds.), *Job Insecurity and Work Intensification*. London: Routledge, pp. 112–136.
- OECD. 2002. *Babies and Bosses: Reconciling Work and Family Life: Australia, Denmark and the Netherlands*, Volume 1. Paris: OECD.

- Olah, L. 2001. *Gendering Family Dynamics: The Case of Sweden and Hungary*, Paper 1. Stockholm: Demography Unit, Stockholm University.
- Popenoe, D. 1987. "Beyond the nuclear family—A statistical portrait of the changing family in Sweden," *Journal of Marriage and the Family* 49: 173–183.
- Population and Development Review. 2006. "Documents: Vladimir Putin on raising Russia's birth rate," *Population and Development Review* 32(2): 385–393.
- Putnam, R. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Rindfuss, R., S. Morgan, and K. Offutt. 1996. "Education and the changing age pattern of American fertility: 1963–1989," *Demography* 33(3): 277–290.
- Rindfuss, R., D. Guilkey, Ø. Kravdal, and K. Guzzo. 2004. "Child care availability and fertility in Norway: Pro-natalist effects," paper presented at the Annual Meeting of the Population Association of America.
- Rønsen, M. 2004. "Fertility and family policy in Norway—A reflection on trends and possible connections," *Demographic Research* 10(10): 265–286.
- Sennett, R. 1998. *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: W. W. Norton.
- Skirbekk, V. 2003. "Age and productivity: A literature survey," MPIDR Working Paper WP 2003-028, Max Planck Institute for Demographic Research, August.
- Sleebos, J. 2003. *Low Fertility Rates in OECD Countries: Facts and Policy Responses*, OECD Social, Employment, and Migration Working Papers, No. 15. Paris: OECD.
- Therborn, G. 1993. "The politics of childhood: The rights of children in modern times," in F. Castles (ed.), *Families of Nations: Patterns of Public Policy in Western Democracies*. Dartmouth: Aldershot, pp. 241–291.
- Tsuya, N., L. Bumpass, and M. Kim Choe. 2000. "Gender, employment, and housework in Japan, South Korea and the United States," *Review of Population and Social Policy* 9: 195–220.
- United Nations. 2000. *Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?* ESA/P/W P.160. New York: United Nations.
- . 2004. *World Population Policies 2003*, Population Division, ST/ESA/SER.A/230. New York: United Nations.
- van de Kaa, D. 1987. "Europe's second demographic transition," *Population Bulletin* 42(1).
- van Peer, C. 2002. "Desired and achieved fertility," in E. Klijzing and M. Corijn (eds.), *Dynamics of Fertility and Partnership in Europe: Insights and Lessons from Comparative Research*. Volume II. New York and Geneva: United Nations, pp. 117–142.

Примечание

¹ Оригинальная версия статьи опубликована в POPULATION AND DEVELOPMENT REVIEW, 32(3): 485–510 (сентябрь 2006).

ЗАХАРОВ Сергей Владимирович

Родился 22 декабря 1959 года в Москве. Окончил с отличием статистический факультет Московского экономико-статистического института, аспирантуру по демографии в Институте социологических исследований АН СССР. Кандидат экономических наук (1991). Член Международного союза по изучению народонаселения, Европейской Ассоциации демографических исследований, Американской ассоциации по изучению народонаселения.

После окончания института в течение пяти лет преподавал демографию и статистику в Центральном институте усовершенствования врачей МЗ СССР. С 1986 г. работает в демографических центрах АН СССР, РАН. В 1991–1992 гг. работал приглашенным исследователем в Национальном институте демографических исследований (Франция). С 1993 возглавляет лабораторию в Центре демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Член редколлегии журнала «Проблемы прогнозирования/Studies on Russia Economic Development». Ведущий автор серии ежегодных докладов «Население России», издающихся с 1994 года. Автор более 100 опубликованных научных работ на русском и европейских языках.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТА МЕР СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В 1980-х гг.

Постановка проблемы

В преддверии ожидаемого принятия новых мер семейной политики, намеченных, согласно заявлениям Президента В.В.Путина и официальных лиц в Правительстве РФ, на 2007 г., анализ прошлого опыта проведения активной политики по отношению к семье, в первую очередь, отечественного, имеет важное значение для оценки возможного демографического эффекта новых мер и возможных социальных последствий от их введения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Следует отметить, что согласно официальным заявлениям новый комплекс мер будет прямо ориентирован на «стимулирование рождаемости». Никогда прежде в истории нашей страны пронаталистская направленность государственной политики не артикулировалась в столь явном виде. Не обсуждая сейчас ситуационную обоснованность по сути парадигмальной смены целевых ориентиров политики государства по отношению к семье и подоплеку такой «смены вех» в более широком политическом контексте в современной России, необходимо все же подчеркнуть, что государство сегодня принимает на себя повышенные обязательства не только по правовому и финансово-экономическому обеспечению предлагаемых мер политики, но и в отношении поставленных задач – повышения рождаемости со всеми возможными

ми социальными последствиями. Такого уровня ответственность российская государственность на себя не принимала, по крайней мере в официально декларируемой форме, ни в период империи, ни в советский, ни в постсоветский период.

В то же время, как показывает отечественный и зарубежный опыт, семейно-ориентированная политика, даже если она прямо и не направлена на изменение уровня рождаемости, т.е. в самом общем случае: а) может приводить к не только желательным и предсказуемым, но и к нежелательным и непредсказуемым демографическим результатам; б) может вызывать отрицательные социальные последствия, сопровождающие, а иногда и перевешивающие по своему значению для общества положительные сдвиги.

Так, к примеру, вследствие ускорения темпов формирования семей под воздействием мер семейной политики в 1980-е гг. расширилось поле бедности не только потому, что увеличилось число детей у очень молодых родителей, но и потому, что несколько миллионов домашних хозяйств опирались только на один мужской доход по причине того, что женщины находились в более длительных, чем прежде, отпусках по уходу за ребенком. Это обстоятельство значительно снизило адаптационные возможности российских семей в первые, самые трудные годы перехода к рыночным экономическим отношениям.

К сожалению, следует констатировать, что всестороннего анализа результатов семейной политики 1980-х гг., даже спустя полтора десятилетия после ее условного завершения в 1990 г., мы не имеем. Если демографы, со своей стороны, все же высказывались в печатной форме по поводу ее демографической эффективности, то со стороны экономистов и социологов мы совсем не имеем опубликованных работ, в которых хотя бы затрагивалась данная тема. В данной работе мы вновь вынуждены ограничиться рассмотрением лишь демографических аспектов результатов семейной политики 1980-х гг. К этому побуждает, во-первых, наличие необходимой и вполне надежной официальной демографической информации. К сегодняшнему дню мы располагаем исчерпывающими данными об истории рождаемости поколений, начинавших в 1980-х гг. свой репродуктивный цикл. Во-вторых, мы имеем возможность существенным образом дополнить макростатистические данные информацией, полученной в результате разработки представительного на национальном уровне обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/RusGGS-2004»¹, программа которого содержала богатый набор ретроспективных вопросов, позволяющих реконструировать репродуктивную биографию поколений, находившихся в возрастах деторождения в период действия политики. Кроме того, обследование позволяет приоткрыть завесу над практически неосвещенной прежде темой о специфике ответной реакции параметров репродуктивного поведения на предложенные государством меры и льготы в различных социальных стратах населения.

Общий тренд изменения рождаемости условных и реальных поколений в России в период 1981–1990 гг.

Общее представление о динамике рождаемости в двойной проекции – итоговой рождаемости условных поколений (для календарных лет) и итоговой рождаемости для реальных поколений (по году рождения женщины) представлены на рис. 1.

Рис. 1. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений, Россия: календарные годы 1959–2005, когорты 1930–1975 г.р.

Источник: Расчеты автора с использованием неопубликованных официальных данных Росстата.

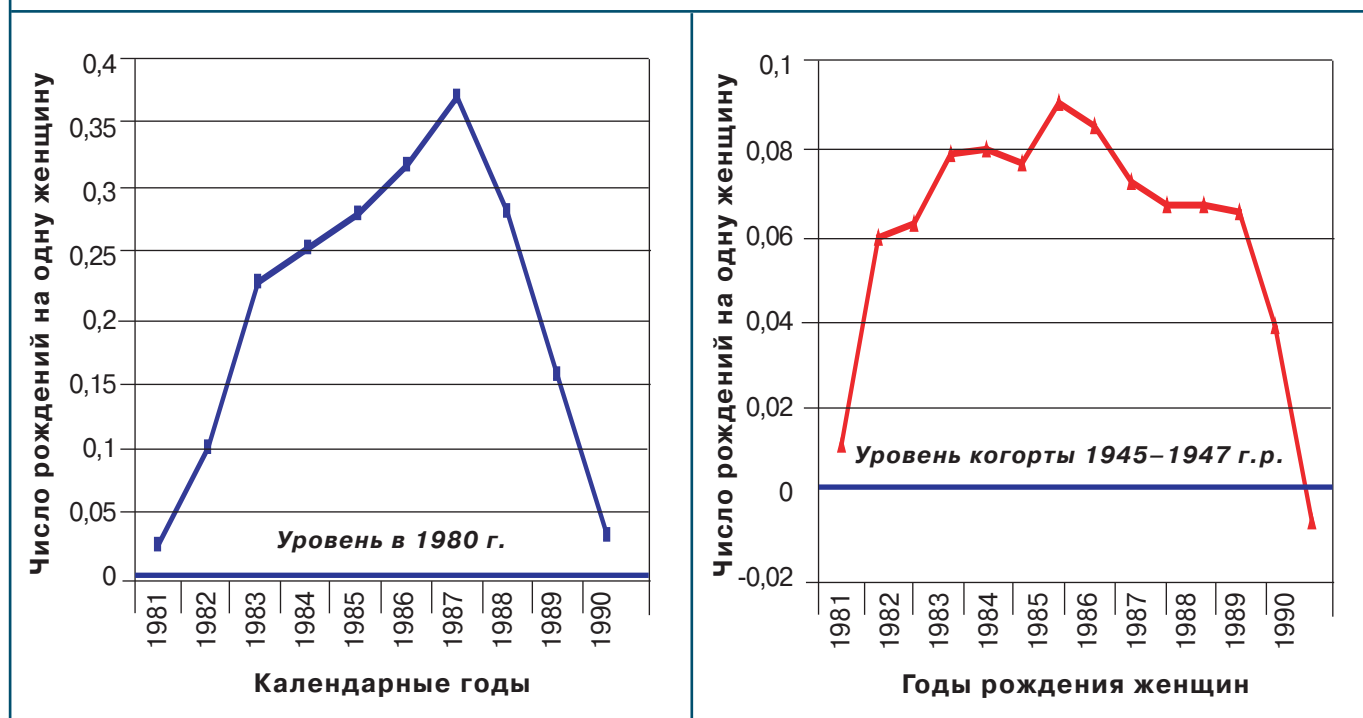
Легко заметить, насколько по-разному в интересующий нас исторический период выглядело изменение рождаемости в условных и реальных поколениях: резкий подъем конъюнктурных показателей (для календарных лет) весьма далек от едва заметного повышения итоговой рождаемости реальных поколений. Абсолютные отклонения значений показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений от минимальных значений показаны на рис. 2. Макси-

мальный эффект политики по показателю рождаемости для условных поколений выразился в величине 0,36 рождений в расчете на одну женщину (2,23 в 1987 против 1,87 в 1980), а по показателю рождаемости для реальных поколений – 0,09 рождений на одну женщину (1,90 для когорты 1954 г.р. против 1,81 в среднем для когорт 1945–1947 г.р.).

Рис.2. Абсолютный прирост показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений, вызванный мерами политики в 1980-х гг. в России

левая панель – превышение значений показателя для условных поколений в указанных календарных годах по сравнению с минимальным значением в 1980 г.;
правая панель – превышение значений показателя для реальных поколений указанных годов рождения по сравнению с минимальным значением для женщин 1945–1947 годов рождения.

Источник: см. рис. 1.

Оценка эффекта политики, выраженного в дополнительном числе рождений, приведена в табл. 2 и 3.

Если исходить из предположения, что возрастные коэффициенты рождаемости не менялись бы в 1981–1990 гг., оставаясь такими же, как в 1980 г., то мы приходим к оценке эффекта политики в 2 млн 280 тыс. дополнительных рождений, что составляет 9,8% от фактического суммарного числа рождений за период 1981–1990 гг. (табл. 2). Однако означает ли это, что политика предоставила возможность дать жизнь дополнительно более 2 млн российским гражданам? Ут-

вердительный ответ на это вопрос будет методологически неверным. То, что в указанный фиксированный период родилось больше детей, чем можно было бы ожидать, еще не означает, что все эти дети вообще бы не родились, если бы не было политики.

Таблица 2. Оценка дополнительного числа рождений, полученного в 1981–1990 гг. в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений за 1981–1990 гг., тыс.	23 312
Гипотетическое число рождений при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 1980 г., тыс.	21 032
Разница (условный эффект политики), тыс.	2280
В процентах от фактического числа	9,8%
В процентах от гипотетического числа	10,8%

Как будет показано ниже, в ответ на предложенные меры социальной политики целый ряд поколений дружно сдвинул сроки рождений детей в сторону более молодого возраста, к тому же сократив интервалы между первыми и вторыми, вторыми и третьими рождениями. В результате была достигнута избыточно высокая концентрация рождений на коротком промежутке календарного времени. Вслед за необычно быстрым исчерпанием потенциала – числа женщин, имевших намерение родить ребенка (детей) и реализовавших его в более ранние сроки – неизбежно должен следовать резкий провал годовых показателей рождаемости, с чем Россия и столкнулась в 1988–1993 гг.

И все-таки какой-то части семей идея обзавестись ребенком пришла только после того, как государством были предложены специфические меры новой семейной политики. Если бы это было не так, мы бы, вероятнее всего, не наблюдали отмеченное выше повышение рождаемости в реальных поколениях (мы здесь и далее для простоты интерпретации результатов исходим из того, что тенденция к росту рождаемости в реальных поколениях к началу политики отсутствовала). Попробуем оценить дополнительное число рождений, простимулированное политикой. Для этого произведем расчет общего числа рождений, которые дали поколения с более высоким показателем итоговой рождаемости (женщины, родившиеся в 1948–1960 гг.) по сравнению с поколениями 1945–1947 г.р., и далее сравним это фактическое число с гипотетическим числом рождений, которое можно было бы ожидать, если бы для тех же поколений итоговый показатель рождаемости сохранился бы на минимальном уровне когорт 1945–1947 г.р. **Эффект политики можно оценить в размере 1 млн 44 тыс. дополнительных рождений, или в 3,6% от фактического числа рождений** (табл. 3).

Таблица 3. Оценка прироста числа рождений в женских поколениях 1948–1960 годов рождения, полученного в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений у поколений 1948–1960 г.р. за весь репродуктивный период, тыс.	29 180
Гипотетическое число рождений при сохранении показателя итоговой рождаемости на уровне поколений 1945–1947 г.р., тыс.	28 136
Разница (условный эффект политики), тыс.	1044
В процентах от фактического числа	3,6%
В процентах от гипотетического числа	3,7%

Итак, если конечная демографическая цель политики сводится к приумножению численности граждан, то при оценке произведенного эффекта политикой на рождаемость мы должны исходить не из того, насколько больше детей родилось в том или ином году (или за период в несколько лет после введения инновационных мер политики), а насколько больше детей в конечном итоге было рождено реальными поколениями родителей, оказавшихся в активных репродуктивных возрастах в момент действия политики. При таком подходе о высокой демографической эффективности мер политики 1980-х гг. действительно, говорить не приходится – дополнительный относительный прирост рождений, вызванный политикой, составил, по нашей оценке, менее 4%. Важен и еще один вывод: подавляющая часть выдающегося прироста рождений в 1980-х гг. объясняется не тем, что значительная часть семей решила обзавестись еще одним ребенком, а тем, что значительная часть из них сделала это существенно раньше – в более молодом возрасте и с меньшим интервалом после предыдущего рождения, чем предшествующие и последующие поколения.

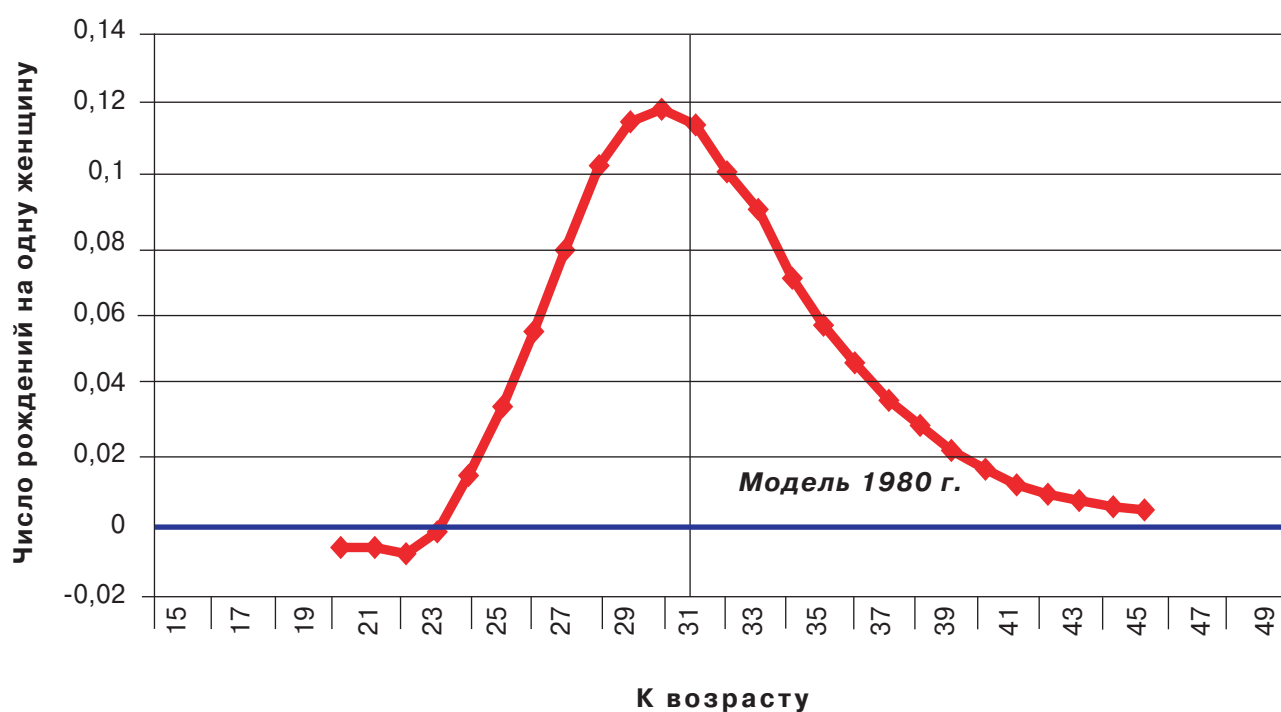
Изменения итоговой рождаемости в трех проекциях: возраст, когорта по году рождения, календарный год

Детальный анализ возрастных коэффициентов рождаемости для реальных и условных поколений свидетельствует, что имеются три типа реакции на меры политики.

Для поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг., характерен чистый прирост итоговой рождаемости за счет того, что примерно от 5 до 10 женщин из 100 в данных когортах приняли решение о рождении ребенка (еще одного ребенка) в зрелом, 30-летнем возрасте. В отсутствие политики эти дети едва ли появились бы на свет. Поведение поколений второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., находившихся в двадцатилетнем возрасте к моменту начала политики, тяготеет к простому изменению календаря рождений: чем больше женщин родили еще одного ребенка немедленно (в молодом возрасте), тем больше их не родили позже (в старшем возрасте). Наглядное представление об изменении репродуктивного поведения этих поко-

лений под влиянием политики мы получаем, рассмотрев пример когорты 1959–60 г.р. (рис. 3.). Отклонение накопленной к возрасту итоговой рождаемости данной когорты от ожидаемой по модели для условного поколения 1980 г. выглядит куполообразно: к 30-летнему возрасту график формирования итоговой рождаемости рассматриваемой когорты опережал в среднем ожидаемый график на 0,12 рождений, а после 32-летнего возраста темпы увеличения итоговой рождаемости плавно тормозятся, и к концу репродуктивного периода когорты приходит с результатом, который и ожидался по модели 1980 г. Перед нами классический пример чистого календарного эффекта, вызванного внешним воздействием.

Рис. 3. Сравнение итоговой рождаемости когорты женщин 1959–1960 г.р. и итоговой рождаемости условного поколения 1980 г. Россия, рождения в расчете на одну женщину накопленным итогом к указанному возрасту

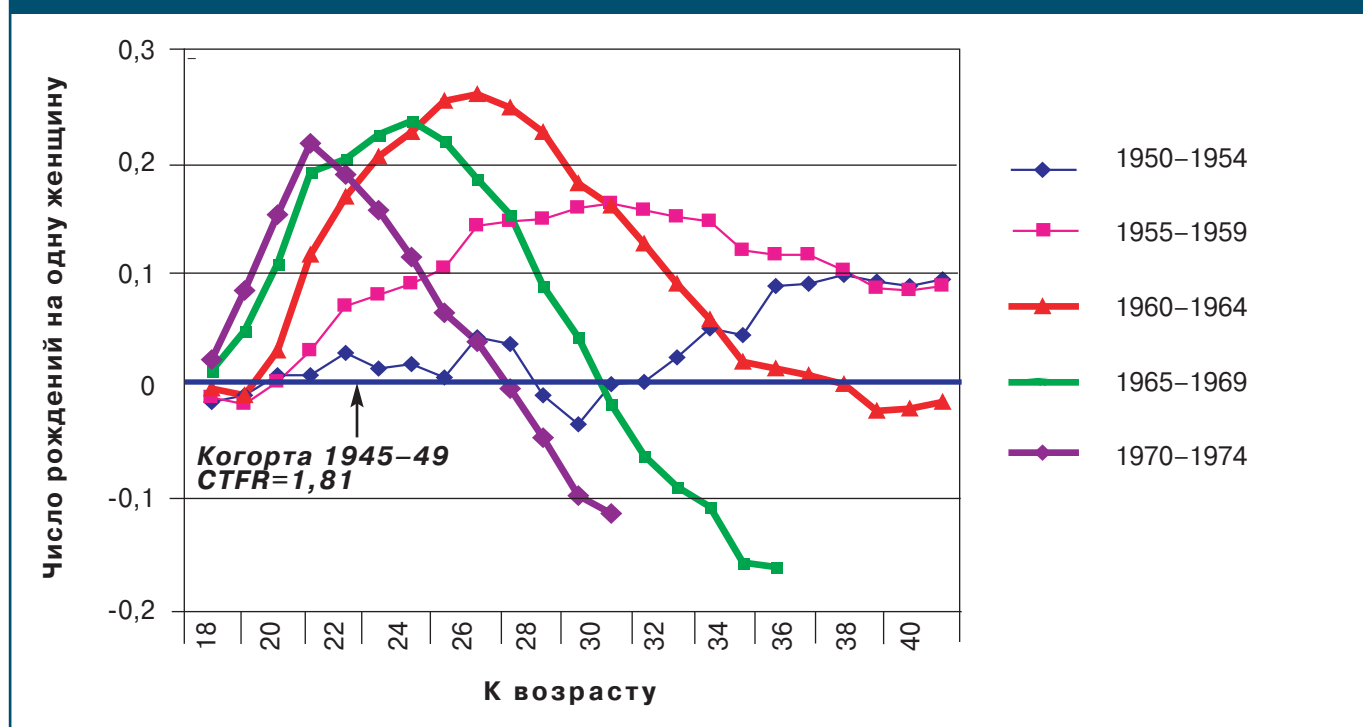

Источник: см. рис. 1.

Наконец, поколения самых молодых женщин, родившиеся в середине 1960-х гг. и позднее, начинали свою семейную биографию под «фанфары» начавшейся политики. Для них характерен очень мощный старт (рис. 4). Темпы формирования семей к 25 годам для них вполне сопоставимы с теми, которые были распространены в аграрной России конца XIX века. Зато рождаемость в средних репродуктивных возрастах глубоко провалена, в результате чего репродуктивный итог их деятельности оказывается ниже, чем у предшествующих поколений – 1,67 рождений на одну жен-

щину, что на 0,2 рождений меньше и по сравнению с реальными поколениями 1950-х гг. рождения, и по сравнению с условным поколением 1980 г., взятым в качестве модели для сравнения.

Рис.4. Сравнение итоговой рождаемости поколений 1950–1974 годов рождений с итоговой рождаемостью поколений 1945–1949 г.р.: накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

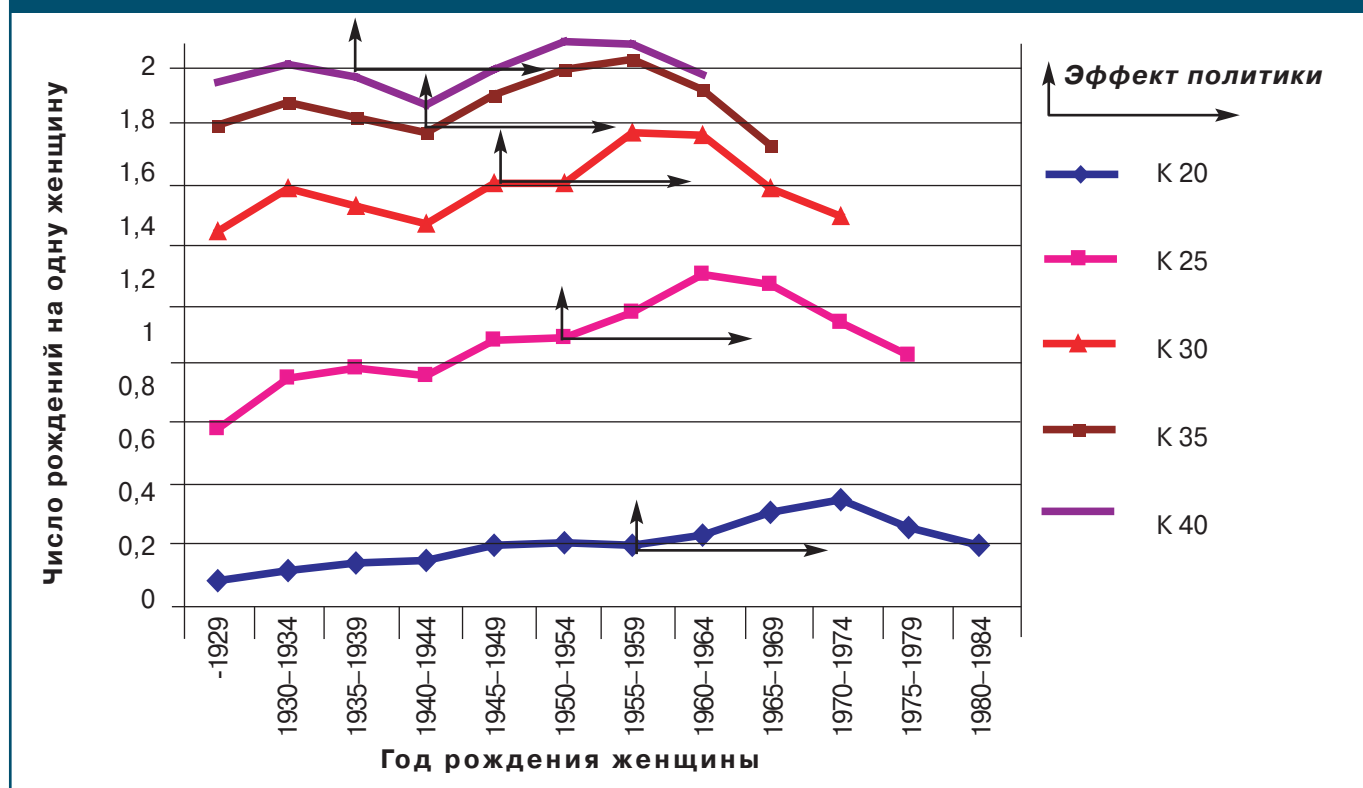
Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

Безусловно, пониженная рождаемость у когорты середины 1960-х г.р. в возрастах от 25 до 35 лет, в первую очередь, есть следствие изменившейся социальной реальности в начале 1990-х гг. (снижение уровня жизни, неустойчивость социального положения, неопределенность будущего и т.п.). С другой стороны, не нужно преувеличивать роль социально-экономического кризиса. Отвесное падение интенсивности деторождения у когорты 1964–65 г.р. началось уже в 1989г., т.е. до наступления политического и социально-экономического коллапса, и с одинаковым темпом, т.е. без какого-либо ускорения, продолжалось до 1992 г. включительно. Когорты женщин первой половины 1950-х гг. начинают торможение темпов формирования семей уже в середине 1980-х гг., а когорта 1959–60 г. – в 1988г., и никаких особенных ускорений снижения рождаемости, которые бы можно было ассоциировать с трудностями первой половины 1990-х гг., не наблюдается. В быстром снижении конъюнктурных показателей рождаемости в 1987–1993 гг. решающая роль принадлежит механизму чисто демографического свойства – компенсаторная расплата за избыточно высокие темпы формирования семей у поколений, находившихся в мо-

лодом возрасте в первой половине 1980-х. Если социальная норма детности и репродуктивные установки на число детей на массовом уровне не меняются, то последствия сдвига календаря рождений так и должны были выглядеть. Вполне обоснованно можно полагать, что если бы даже социально-экономическая ситуация в стране в 1990-х гг. была более стабильной, мы едва ли могли бы ожидать от поколений 1950-х г.р. существенно более значимый результат их репродуктивной деятельности.

Важно заметить, что тенденция все более раннего обзаведения потомством продолжалась в России вплоть до середины 1990-х гг. Не исключено, что таким образом сказался эффект от продления частично оплачиваемых отпусков до 1,5 лет в 1989 г., отпусков по беременности и родам в 1990 г. Так, поколения 1970–74-х к возрасту 26 лет все еще опережали график рождаемости поколений 1945–49 г.р. (рис. 5). Перелом наступает только начиная с поколений женщин, родившихся во второй половине 1970-х гг. Ускоренные темпы формирования семей в эти годы как-то не очень вяжутся с распространенными представлениями о негативной роли для рождаемости так называемой «шоковой терапии» при переходе к рыночной экономике. Видимо, взаимосвязь между демографической и экономической реальностью носит более сложный характер, чем представляется на уровне здравого смысла.

Рис. 5. Итоговая рождаемость поколений накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

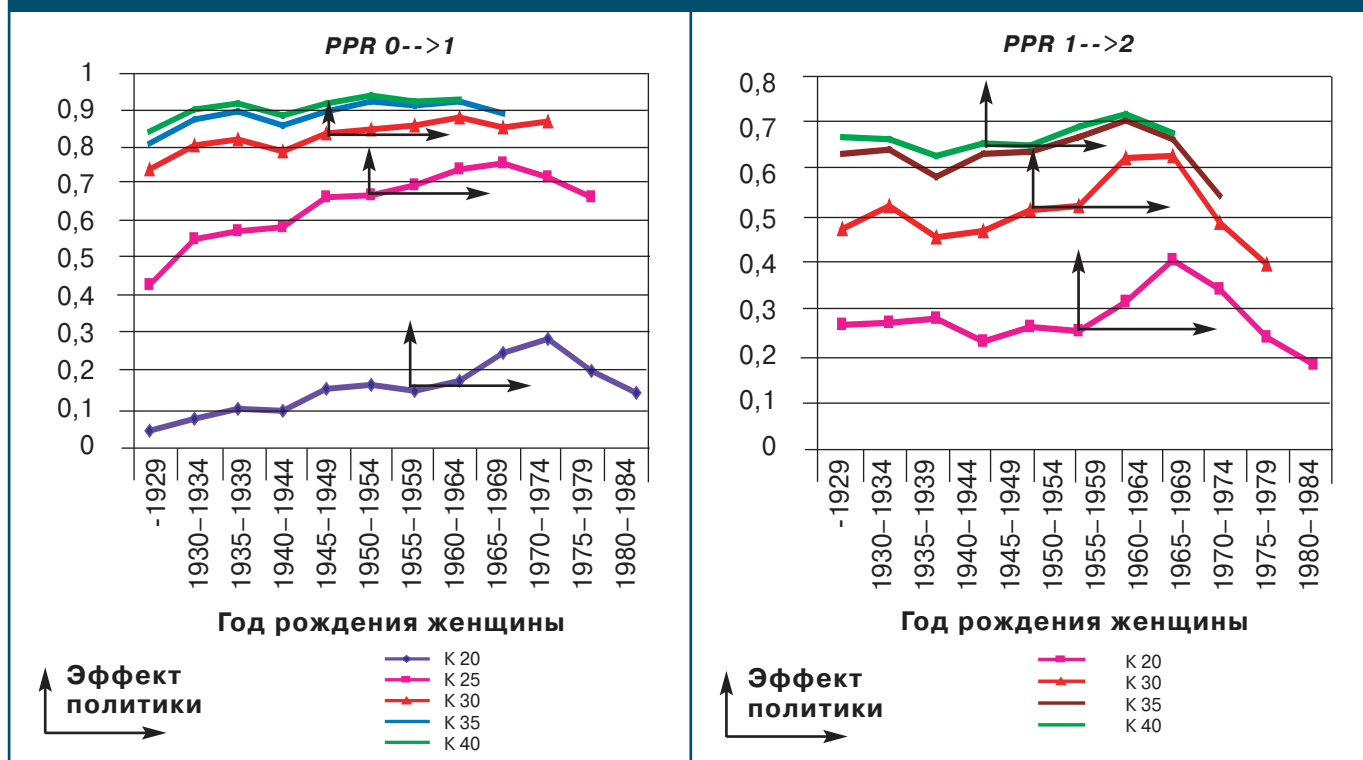
Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

Изменения вероятностей увеличения семьи: насколько увеличилось число женщин с двумя и тремя детьми?

Динамика вероятности рождения первого ребенка представлена на левой панели рис. 6. Эффект политики 1980-х гг., главным образом, выразился в резком усилении тенденции к образованию детьми в особо раннем возрасте. Эта тенденция, как уже говорилось выше, наблюдалась во всех послевоенных поколениях. Однако стимулирующие меры политики довели до 30% долю женщин, имевших не менее одного рождения к 20 годам (рост вероятности рождения первенца – почти в полтора раза!). К 25 годам доля рожавших женщин также слегка увеличилась, достигнув 76%, однако, учитывая предшествующий тренд, прирост за счет собственно мер политики составил не более 5 процентных пунктов, к возрасту 30 лет – еще меньше. Окончательная же бездетность (к возрасту 50 лет) если и снизилась, то статистически незначимо.

Вероятность второго рождения под влиянием политики также резко подскочила, в первую очередь в младших репродуктивных возрастах (правая панель рис. 6). В поколениях первой половины 1960-х гг. рождения к 25 годам 40% женщин из числа родивших первого ребенка уже обзавелись вторым ребенком (в поколениях первой половины 1950-х г.р. – 25%). К 30-летнему воз-

Рис.6. Вероятность рождения первого (левая панель) и второго (правая панель) ребенка в реальных поколениях, накопленным итогом к указанным возрастам

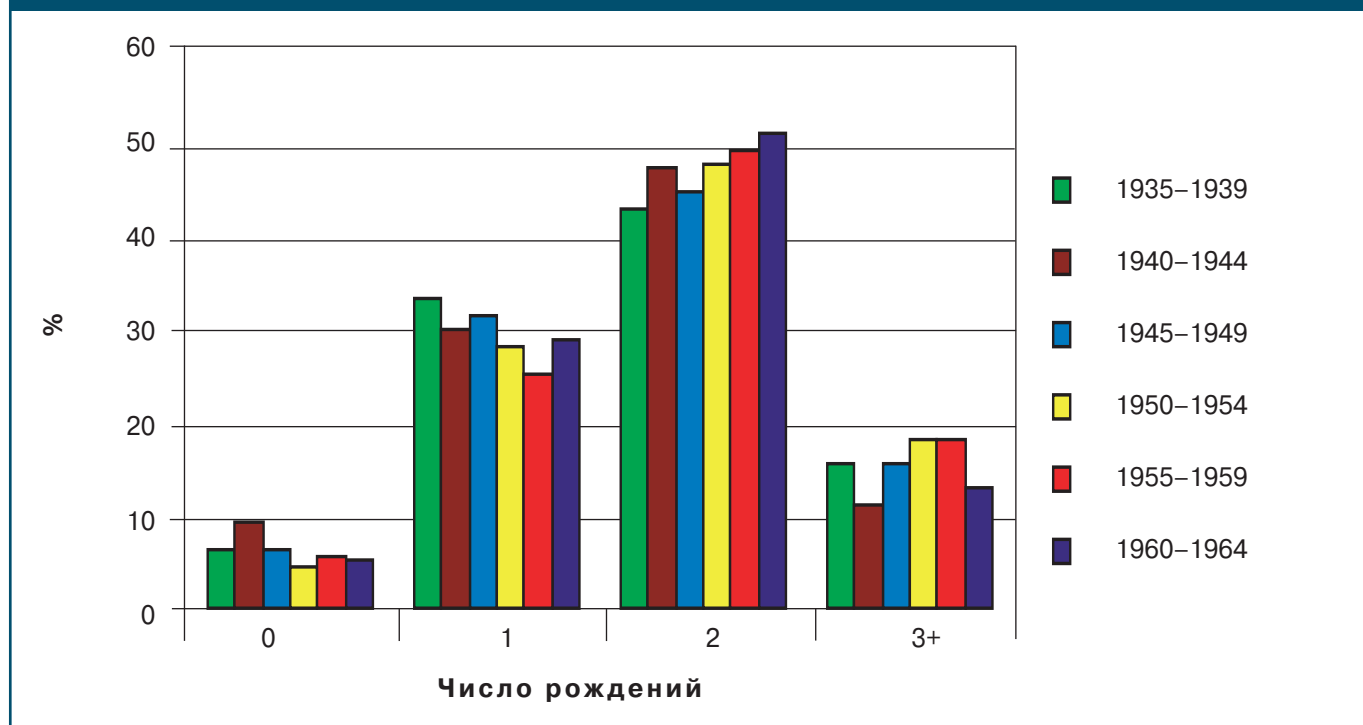
Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

расту накопленная доля женщин с двумя рождениями в поколениях 1955–1964 г.р. поднялась до 63% (в поколениях первой половины 1950-х гг. – 52%). Однако прирост итоговой вероятности второго рождения к концу репродуктивного периода (к 40 годам и старше), который можно приписать мерам политики, составил для разных поколений всего лишь 5–7 п.п.

Увеличение вероятности третьего рождения также имело место. Однако коснулось оно в основном только те поколения, которые во время введения действия мер либо находились в возрастах старше 30 лет (поколения 1945–1954 г.р.), либо успели перешагнуть тридцатилетний возрастной барьер до 1990 года. Прирост вероятности третьего рождения под воздействием политики едва ли был выше 2–3 п.п. Так, среди женщин 1950–54 г.р. доля тех, кто, имея двоих детей, решился на третье рождение, составила 28%, что примерно соответствует показателям для женщин 1930-х годов рождения.

С помощью несложных преобразований от вероятностей увеличения семьи легко перейти к распределениям женщин по числу рожденных детей к тому или иному возрасту (например, к возрасту 40 лет, см. рис. 7). Для каждого возраста база сравнения меняется, поскольку для получения эффекта политики нужно отделить когорты, репродуктивная карьера которых проходила под влиянием политики от тех, для которых к тому же возрасту часть репродуктивной деятельности прошла до введения в действия мер политики. Результаты такого сравнения для каждой очередности рождения сведены в таблицах 4–6.

Рис. 7. Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 40 лет. Россия, в процентах

Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

Таблица 4. Распределение женщин к возрасту 25 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывавших и испытывавших воздействие политики в 1981–1990 гг., в процентах

Число рождений	База сравнения – когорта 1950–54, %	Когорта 1955–59, %	+/-	Когорта 1960–64, %	+/-
0	32	29	-3	24	-8
1	52	49	-3	45	-7
2	14	19	+5	28	+14
3+	2	3	+1	3	+1
Среднее число рождений	0,87	0,96	+0,09	1,08	+0,21

Таблица 5. Распределение женщин к возрасту 30 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывавших и испытывавших воздействие политики в 1981–1990 гг., в процентах

Число рождений	База сравнения – когорта 1945–49, %	Когорта 1955–59, %	+/-	Когорта 1960–64, %	+/-
0	14	12	-2	10	-4
1	42	32	-10	33	-9
2	36	45	+9	48	+12
3+	8	10	+2	8	0
Среднее число рождений	1,40	1,56	+0,16	1,56	+0,16

Таблица 6. Распределение женщин к возрасту 40 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывавших и испытывавших воздействие политики в 1981–1990 гг., в процентах

Число рождений	База сравнения – когорта 1935–39, %	Когорта 1955–59, %	+/-	Когорта 1960–64, %	+/-
0	6	6	0	5	-1
1	34	26	-8	30	-4
2	44	50	+6	52	+8
3+	16	18	+2	13	-3
Среднее число рождений	1,76	1,87	+0,11	1,77	+0,01

Подведем промежуточные итоги. Политика, безусловно, вызвала усиление позиций двухдетной семьи в качестве идеальной модели. В женских поколениях 1955–1964 годов рождения, находившихся в активных детородных возрастах в период политики, доля двухдетных женщин повысилась на 6–8 процентных пункта при примерно таком же снижении доли однодетных. Доля бездетных женщин едва ли сократилась сколько-нибудь существенным образом. Популярность семей с тремя детьми не возросла, и фактический прирост доли семей с тремя и более детьми оказался едва статистически различимым. Суммарная доля женщин, в связи с мерами политики изменивших свой статус по числу рожденных детей в большую сторону, может быть оценена примерно в 10%.

Оценка сокращения интервалов времени между рождением детей у матери

Оценки среднего интервала между первым и вторым рождением у матери по году рождения первенца с 1950 по 1993 гг., полученные по результатам обследования, представлены на рис. 8. Они убедительно доказывают, что имелось значительное падение этой величины под влиянием политики 1980-х гг. Женщины, родившие первого ребенка в первые годы действия политики (к середине 1980-х гг.), сократили интервал между родами наиболее значительно – более чем на 2 года, по сравнению с теми, кто родил первенца в середине 1970-х гг. (с 5,5–6 до менее 4 лет). Если половина всех женщин, родивших первого ребенка в 1973–1975 гг., решилась на второго ребенка спустя 5 лет после рождения первого, то для 34% женщин, родивших первого ребенка в 1984–1986 гг., интервал между первым и вторым рождением составил не более 2 лет, для 50% женщин – чуть более трех лет, а в интервал до 5 лет уложилось 80% всех повторно рождающих женщин! Легко предположить, что значительная часть женщин, совсем не выходя на работу или выйдя на короткий срок, фактически продлевала материнский отпуск по уходу за первым ребенком в связи с рождением второго. Однако столь мощное ускорение темпов увеличения семьи оказалось лишь кратковременным явлением. Уже для матерей, давших жизнь первенцу в начале 1990-х гг., распределение по величине интервала между первым и вторым рождением практически вернулось к прежнему виду.

Вывод о сильном влиянии политики на величину интервала не меняется, если перейти от представления динамики средних интервалов по календарным годам рождений детей к представлению этой динамики для реальных поколений женщин по году их рождения. Поколения женщин, родившиеся в 1955–1964 гг., демонстрируют резкое сжатие интервала времени между первым и вторым рождением. Для матерей, родивших второго ребенка к 30 годам, сокращение среднего интервала между первым и вторым рождением составило 1 год, для родивших второго ребенка к 35 годам – 1,5 года.

Средний интервал между вторым и третьим рождением, видимо, также снизился, но не столь очевидным образом, как интервал между первым и вторым рождением. Заметное умень-

шение средних интервалов между вторыми и третьими детьми в семьях коснулось только когорты женщин 1945–1949 г.р., находившихся к началу политики в возрастах старше 30 лет.

Рис. 8. Средний интервал между первым и вторым рождением у матери в зависимости от года рождения первого ребенка (3-летняя скользящая средняя), лет

Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

Итак, под влиянием политики 1980-х гг. календарные сдвиги в рождаемости проявились не только в том, что женщины произвели на свет своих первый и вторых детей в более молодом возрасте, чем можно было бы ожидать в отсутствие этой политики, но и в том, что вторые дети были рождены с существенно меньшим промежутком времени после рождения первенца.

Изменения вероятности рождения очередного ребенка в зависимости от типа поселения и уровня образования

Следует оговориться, что вопросник GGS предусматривал фиксацию места проживания и достигнутого образовательного уровня только в момент опроса, и, соответственно, данными характеристиками для респондентов в момент рождения ими детей, т.е. ретроспективной информацией, мы не располагаем. В то же время погрешности, которые возникают в связи с этим, едва ли существенным образом могут сказаться на выводах.

Нами была проанализирована кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам), соответственно, первого, второго и третьего ребенка в зависимости от когорты по году

рождения женщины и типа поселения: а) областные центры (включая Москву и С.-Петербург); б) прочие города; в) поселки городского типа и сельские населенные пункты. Основные выводы сводятся к следующему:

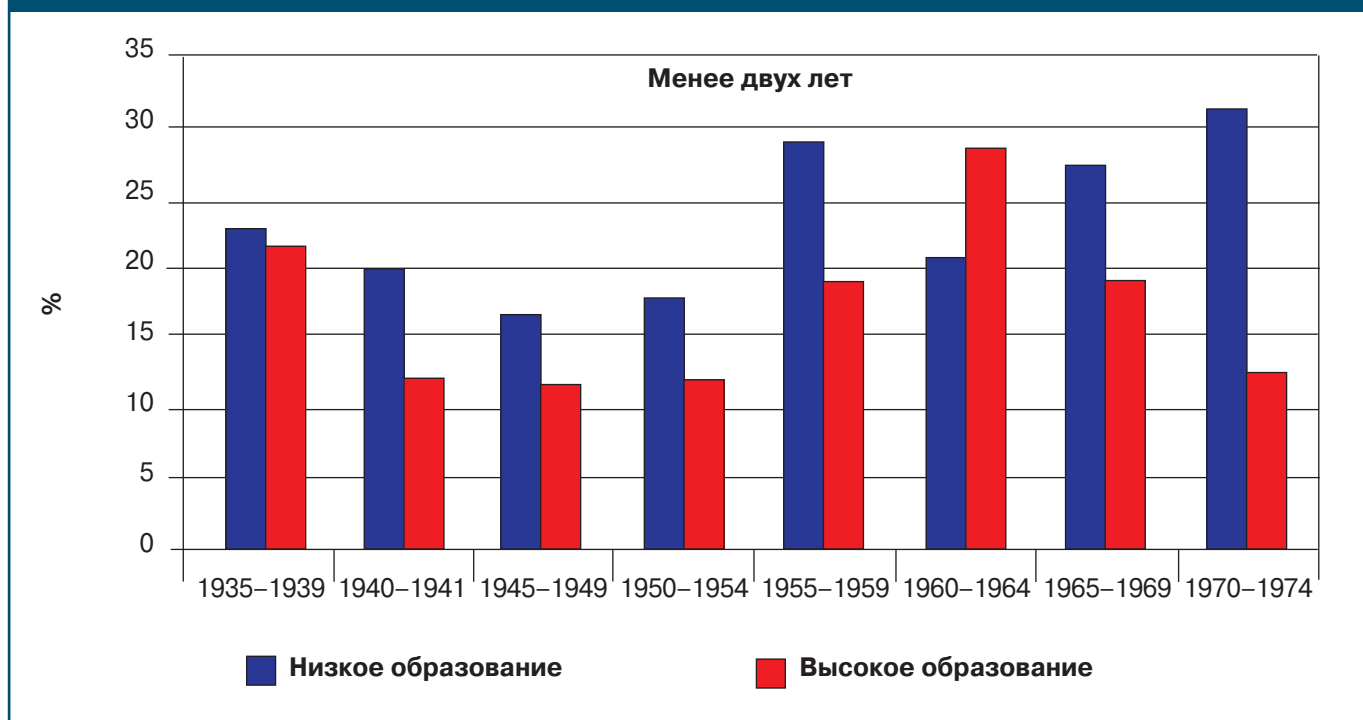
- до начала политики не только более высокая, но и более ранняя рождаемость была свойственна сельским жителям;
- под воздействием политики темпы увеличения размеров семей в молодом возрасте (до 25 лет) в городах и сельской местности практически сравнялись, преимущественно за счет резкого повышения темпов рождения детей первых трех очередностей в городах;
- итоговая вероятность рождения 1-го, 2-го и 3-го ребенка в сельской местности практически не изменилась, а в городах шансы иметь первого и второго ребенка заметно повысились;
- прирост вероятности третьего рождения диагностируется только у женщин 1950-х годов рождения, проживающих в областных центрах.

Аналогично был произведен анализ зависимости кумулятивных вероятностей родить первого, второго и третьего ребенка в зависимости уровня образования: а) низкое – не выше начального профессионального (включающего все уровни школьного образования и закончивших ПТУ); б) высокое – среднее полное профессиональное уровня техникума и более высокие уровни образования. Основные выводы сводятся к следующему:

- до начала политики уровень рождаемости и темпы увеличения семьи по уровню образования различались хорошо известным образом: более раннее обзаведение потомством и более высокая итоговая рождаемость были характерны для лиц с невысоким образовательным цензом;
- под воздействием политики вероятность рождения первого ребенка у менее образованных женщин (с уровнем образования не выше ПТУ) не изменилась, если не считать резкого скачка вероятности иметь первого ребенка (и последующих детей) до 20 лет у когорты 1970–1974 гг. рождения;
- темпы формирования итоговой рождаемости у женщин с высоким уровнем образования (со средним профессиональным и выше), напротив, в молодом возрасте возросли очень сильно: вероятность рождения 1-го и 2-го ребенка к возрасту 25 лет у более образованных женщин сравнялась или даже превысила вероятность рождения детей у менее образованных;
- итоговая вероятность рождения третьего ребенка практически не изменилась ни у менее образованных, ни у более образованных женщин, однако у менее образованных третий ребенок появился на свет в среднем в более раннем возрасте, чем до политики.

Итак, политика 1980-х гг. вызвала сближение средних возрастов матери при рождении детей первых двух очередностей у лиц с различным образовательным уровнем за счет временного омоложения материнства в социальных группах с высоким образовательным цензом. У женщин с высоким уровнем образования с опережением уменьшался не только возраст рождения детей, но и средний интервал между первым и вторым ребенком. В результате чего различия по величине интервала в зависимости от уровня образования также временно исчезли. Более того, доля женщин, родивших второго ребенка с укороченным интервалом времени между родами (менее 3 и менее 2 лет), у женщин с высоким образовательным уровнем подскочила настолько резко, что, к примеру, для когорт 1960-64 г.р. даже превысила значения этого показателя для менее образованных женщин (рис. 9)!

Рис. 9. Доля женщин различного уровня образования, родивших 2-го ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 2 лет после рождения первого в реальных поколениях

Источник: Расчеты автора на основе данных RusGGS-2004.

После выраженного скачка в темпах увеличения семьи, характерных для поколений 1955–1964 г.р., в последующих поколениях лица с высоким образованием не менее резко начали эти темпы замедлять, и уже когорты 1970–1974 г.р. продемонстрировали те же интервалы между первыми и вторыми родами, что и когорты второй половины 1940-х гг. У женщин с низким образовательным уровнем замедление темпов увеличения семьи началось позже.

Общие выводы и дискуссионные вопросы

С точки зрения общего повышения рождаемости эффект семейной политики 1981–1990 гг. можно оценить как *очень скромный положительный* (т.е. едва отличающийся от нуля со знаком плюс). Возможно, для женских когорт 1955–1965 годов рождения эффект мог бы быть и выше, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х годах. Прирост итоговой рождаемости реальных поколений мог бы составить, по нашей оценке, не 0,1, а максимум 0,15 рождений на одну женщину. На большой количественный эффект едва ли можно было рассчитывать.

Главный эффект от политики выразился не столько в повышении итоговой рождаемости, или, иначе, в повышении числа детей в семье, сколько во временной и мощной дестабилизации возрастной функции рождаемости и календаря рождений у реальных поколений – снижении возраста материнства, сокращении интервалов между рождениями. Наблюдавшийся и до политики тренд к омоложению рождаемости значительно усилился. Доля женщин с двумя детьми, особенно в молодом возрасте (до 25 лет) повысилась очень значительно. Эти временные сдвиги и вызвали значительный рост конъюнктурных показателей рождаемости, в том числе и коэффициента суммарной рождаемости в 1982–1987 гг. В результате к началу рыночных реформ необычно высокая доля женщин была обременена маленькими детьми и находилась в отпусках по уходу за ними. Как это сказалось на адаптации населения к изменившейся социально-экономической реальности в период перехода к рыночной экономике – вопрос для дискуссии.

Политика повлияла на изменение календаря рождений, в первую очередь, у жительниц городов и женщин с высоким образовательным статусом. Характер изменения календаря рождений и социальный состав продемонстрировавших эти изменения подтверждают, что наиболее значимыми для семей инновационными инструментами политики были увеличение отпуска по беременности и родам и учреждение не известных ранее в нашей стране отпусков по уходу за ребенком (до 1,5, а затем и до 3 лет, в том числе частично оплачиваемого до 1 года, а затем до 1,5 лет). Именно городские квалифицированные женщины, работающие в режиме полной занятости, впервые в советской истории получили возможность отвлечься от трудовой деятельности на несколько лет для выполнения материнских функций с минимальным риском потери рабочего места и без последствий для будущей пенсии. Женщины-учащиеся получили возможность оформлять отпуск по уходу за ребенком с частичной оплатой вместо неоплачиваемого академического отпуска.

Отпусками по уходу за ребенком воспользовалось подавляющее большинство матерей. Причем значительная часть молодых бездетных женщин не только незамедлительно реализовала свои права, произведя на свет первого ребенка, но и, с минимальной отсрочкой, поспешила обзавестись вторым ребенком. В результате более одной трети всех женщин вновь становились беременными в период отпуска по уходу за первым ребенком и рожали второго, на законных условиях продлевая отпуск по уходу за маленькими детьми. Последствия от столь коротких интервалов для здоровья матери и детей – вопрос для изучения. Следует, правда, заметить, что столь

значительное сокращение первого протогенетического интервала (интервала между первым и вторым рождением) едва ли стало возможным, если бы оно не отвечало действующим в те годы идеальным представлениям о том, как должен быть устроен жизненный цикл женщины. Нельзя не прийти к выводу, что политика образца 1980-х годов полностью отвечала господствующей в те годы идеальной модели раннего начала и быстрого завершения формирования семьи на уровне двухдетности.

Вероятность появления в семье третьего ребенка увеличилась едва заметным образом в когортах 1950-х гг. рождения, преимущественно у жительниц областных центров. Можно предположить, что за этим скрывается коррекция жилищной политики по отношению к многодетным семьям, произведенная в рамках той же политики 1980-х гг. К «многодетным» семьям, пользовавшимся преимуществом в очереди предоставляемого жилья, в соответствии решениями городских властей стали относить семьи с тремя детьми. Однако эта гипотеза еще требует специальной проверки, как и обнаруженный нами факт, что, согласно данным обследования RusGGS-2004, вероятность третьего рождения в городах была значимо выше у недавних мигрантов.

Перепись 2002 г. и данные выборочного обследования RusGGS-2004 убедительно показывают прекращение роста и даже снижение распространенности высшего образования в женских когортах, испытавших на массовом уровне раннее материнство в 1980-х гг. Поиск первой работы и рождение детей – по сути конкурентные во времени события. В 1970-е и 1980-е гг. молодые девушки делали выбор в пользу раннего брака и раннего материнства, тем более что государственная политика тех лет была направлена на усиление притока молодежи в сферу начального профессионального образования и ограничение доступности высшего образования. Что определяло такой выбор: улучшение условий для столь желанной самореализации молодой женщины в роли жены и матери или очевидная узость каналов социальной мобильности для молодежи, характерной для позднего советского периода? Исследования того времени свидетельствовали, что действовали оба фактора, и скорее всего в сложной взаимосвязи на индивидуальном уровне принятия решений.

В заключение нельзя еще раз не напомнить о главном отрицательном последствии структурных эффектов в рождаемости, вызванных мерами политики в 1980-е гг. Вследствие неизбежного компенсаторного падения годовых показателей рождаемости в конце 1980-х – начале 1990-х годов Россия слишком резко вошла в полосу отрицательного естественного прироста. Психологический шок от размеров естественной убыли населения оказался настолько сильным, что вызвал неадекватную реакцию у политиков, не сильно разбирающихся в тонкостях демографии. Последним из пяти пунктов обвинения Президента Ельцина в ходе неудавшегося импичмента значился «геноцид российского народа», важнейшим доказательством которого и была ссылка на естественную убыль населения. Переход к негативной динамике численности населения был неизбежен при любом социально-экономическом и политическом раскладе, поскольку был заложен предшествующей долговременной эволюцией рождаемости. Задолго до его фактического наступления он прогнозировался и официальными статистическими органами, и отдельными специалистами. В то же время, если бы не было искусственного «бэби-бума» в первой

половине 1980-х годов, естественная убыль населения в первой половине 1990-х гг. могла бы быть существенно меньшей. Соответственно, сокращение численности населения началось бы на несколько лет позже и в начальной фазе происходило бы более умеренными темпами.

Примечание

¹ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и Гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного Общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Объем нестратифицированной выборки – 11 261 мужчина и женщина 18–79 лет в городской и сельской местности 32 субъектов РФ, метод опроса – формализованное интервью.

МАЛЕВА Татьяна Михайловна

Родилась 8 августа 1957 года в Москве. Окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности экономист-математик, аспирантуру в Москве. Кандидат экономических наук с 1991 г. В 2005 году окончила Высшую школу корпоративного управления Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, получив степень Доктора делового администрирования. Член Научного и Архивного советов НИСП.

Имеет большой опыт научно-исследовательской работы и преподавательской деятельности. Доцент ГУ-ВШЭ, соавтор учебного курса для магистров социологического факультета Государственного университета – Высшей школы экономики «Социальная политика в современной России». Область научных интересов – политика и социальные реформы; состояние и динамика рынка труда; дифференциация доходов населения: социальные последствия демографических процессов.

Директор Независимого института социальной политики. Главный редактор журнала SPERO, издающегося с 2004 года. Автор более 80 опубликованных научных статей, монографий и докладов на русском и европейских языках.

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна

Родилась 11 октября 1974 года в Санкт-Петербурге. Окончила Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена по специальности экономист, Московскую Высшую школу социальных и экономических наук по специальности социолог, аспирантуру в Москве. Кандидат экономических наук с 2002 года. Член Научного совета Независимого института социальной политики, Член Ассоциации исследователей экономики общественного сектора (ASPE).

Имеет большой опыт научно-исследовательской работы. Область научных интересов – социальные и экономические аспекты демографических процессов, социальные вопросы рынков труда; трудовые ресурсы, неформальная занятость и рынки труда в переходный период; социальная политика в отношении инвалидов; реализация и эффективность пенсионных реформ.

Соавтор учебного курса для магистров социологического факультета Государственного университета – Высшей школы экономики «Социальная политика в современной России».

Заместитель директора Независимого института социальной политики. Заместитель главного редактора журнала SPERO. Автор более 35 опубликованных научных работ на русском и европейских языках.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Главной проблемой современной демографической ситуации в России является беспрецедентно низкая рождаемость, которая в решающей степени предопределяет сокращение численности населения и ведет к постарению возрастного состава, как всего населения, так и его трудоспособной составляющей (Концепция... 2001; Национальный доклад; Захаров 1999–2004).

НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В настоящее время одним из наиболее остро стоящих вопросов перед социальной наукой является попытка понять, в чем состоят главные причины сокращения рождаемости – в изменении общих социальных ценностей, и в том числе потребности иметь детей, или же в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы.

Считается, что репродуктивное поведение регулируется социальной нормой относительно «идеального» числа детей в семье, которая разделяется большинством населения. Как и любая другая, эта социальная норма изменялась на протяжении истории и не всегда может быть выражена количественно. На практике в развитых странах доминирует идеальная модель двухдетной семьи (мальчик и девочка), что подтверждают многочисленные опросы общественного мнения. В странах ЦВЕ, включая Россию, социальная норма относительно двухдетной семьи формулируется следующим образом: «не менее одного ребенка, но и не более двух», что выражается в очень маленькой доле никогда не рожавших женщин и одновременно – в ограниченном числе женщин с 3 и более детьми. В результате, в России вариация женщин по числу рожденных детей находится на очень низком уровне, поскольку 70–80% женщин родили 1–2 детей¹. Можно предположить, что в России социальная норма относительно рождения детей («быть как все») соблюдается более строго, чем в развитых странах (Захаров 1999–2004).

Вместе с тем на протяжении последних 20 лет в России, как и в других промышленно развитых странах, увеличивается число женщин, ограничивающихся рождением одного ребенка. Этот тренд вызвал оживленную дискуссию среди экспертов о том, не являемся ли мы свидетелями постепенного изменения социальной нормы – с двухдетной на однодетную семью (см., напр., Lutz, Skirbekk, Testa, 2005).

Одним из способов приблизиться к ответу на этот вопрос является изучение неслучайных отклонений в индивидуальном поведении относительно господствующей социальной нормы в различных социально-экономических группах². Это возможно сделать на основе сопоставления реального репродуктивного поведения населения и их репродуктивных намерений. В странах, где рождение детей контролируется населением, к числу которых, безусловно, относится Россия, важным источником информации относительно будущего репродуктивного поведения этих возрастных групп выступает анализ их репродуктивных намерений.

Настоящая работа основана на данных исследования, выполненного в рамках панъевропейской программы «Поколения и гендер», координатором которой выступает Отдел народонаселения Европейской экономической комиссии ООН³. Россия стала первой страной, в которой в полном соответствии с рекомендациями Международного консорциума программы «Поколения и гендер» было проведено пробное (ноябрь 2002 г.) и полномасштабное, репрезентативное для всего населения страны выборочное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ, июнь-август 2004 г.)⁴.

С точки зрения нашего анализа принципиально, что РидМиЖ дает возможность сопоставить реальное репродуктивное поведение людей (фактическая рождаемость) и их репродуктивные намерения при различных временных горизонтах.

Выборка РидМиЖ включает 11 261 респондентов, из которых 6563 чел. имеют партнеров в домохозяйстве. Выборочная совокупность опрошенных по программе РидМиЖ может считаться вполне удовлетворительной с точки зрения ее репрезентативности на национальном уровне. Анализ в рамках данной работы основан на подвыборке женщин-респонденток в возрасте 18–44 лет, из которой были исключены женщины пенсионерки, длительно больные и беременные женщины.

Исследование РидМиЖ впервые дает возможность оценить характер влияния на рождаемость и репродуктивные намерения не фрагментарно, а комплексно, т.е. на основе совокупности факторов, имеющих различную природу:

- *демографических*: состояние в браке или партнерстве, число уже имеющихся детей, состояние репродуктивного здоровья;
- *экономических и трудовых*: уровень денежных доходов, обеспеченность жильем, статус на рынке труда (занятый, незанятый, безработный), профессиональный статус;
- *социальных*: образование, тип поселения, отношение к религии, ценности и пр.

В настоящей работе мы ограничились анализом влияния перечисленных факторов на уровень рождаемости в течение последних трех лет, предшествующих опросу, т.е. в 2001–2004 гг. Трехлетний цикл по демографическим наблюдениям – период, в отношении которого индивиды/партнерство/семья имеют представление о своих стратегиях и часто даже о планах относительно будущих крупных демографических событий (вступление в брак/развод, рождение детей, смена места жительства и пр.). В частности, эта же гипотеза легла в основу дизайна Программы «Поколения и гендер», которая предусматривает проведение трех волн панельного обследования с интервалом в 3 года. Для анализа российской ситуации 3-летний период позволяет оценить последние тенденции в рождаемости на относительно однородном и устойчивом социально-экономическом фоне – на этапе экономического роста и достижения социальной стабильности.

За последние три года в выборке из 2984 женщин-респондентов 443 чел., или 15%, родили ребенка, из них – 256 первенца и 187 – второго ребенка, т.е. 58 и 42% от общего числа рождений соответственно. Средний коэффициент рождаемости за наблюдаемый период составил 1,2.

Для анализа факторов, влияющих на рождаемость, были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых зависимой переменной выступало рождение ребенка за последние три года (событие считалось наступившим, если рождение состоялось). Для нее были рассчитаны несколько моделей, в которые были включены следующие переменные:

- 1) тип населенного пункта;
- 2) возраст респондентки/квадрат возраста;
- 3) статус респондентки на рынке труда (за год до рождения ребенка для родивших в течение последних трех лет; статус на момент опроса у тех, кто не родил в течение указанного времени)/статус партнера на рынке труда;
- 4) уровень образования;
- 5) положение в браке/наличие партнера в домохозяйстве/наличие партнера вне домохозяйства;

- 6) религиозность (отсутствие связи с религией/слабая/средняя/сильная связь);
- 7) обеспеченность жильем (число комнат в расчете на одного члена домохозяйства);
- 8) душевой доход (логарифмическая форма);
- 9) очередность детей (без учета рожденных за последние три года).

Модели рассчитаны для подгрупп женщин, имевших и не имевших ребенка три рода назад⁵.

Исследование детерминант будущего репродуктивного поведения населения России проводилось на основе двух вопросов, которые, при условии корректной интерпретации, позволяют оценить доминирующую норму относительно «идеального» числа детей, с одной стороны, а с другой – изучить вариацию этой нормы в различных социально-экономических группах. Первый вопрос измеряет общее желание респондента родить ребенка или еще одного ребенка в дополнение к имеющимся на момент опроса: *«Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?»*. Второй вопрос оценивает планы родить (еще одного) ребенка в обозримой перспективе: *«Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?»*.

Для сопоставимости двух вопросов мы использовали в них одни и те же фильтры: из анализа были исключены женщины, не имевшие сексуального опыта, беременные женщины и женщины, которые сами или партнеры которых физически не могут иметь детей. Общее число респонденток, отвечавших на эти вопросы, составило 2641 чел.

Из общего числа отвечавших на вопрос респондентов 25,5% (673 чел.) выразили желание сейчас иметь (еще одного) ребенка, 26,0% (687 чел.) – обозначили свои намерения завести ребенка в ближайшие 3 года. Это не означает, что общие репродуктивные намерения и намерения на ближайшие 3 года полностью совпали: они пересекаются на примерно две трети. Наиболее устойчивое желание родить ребенка продемонстрировали 17,6% опрошенных, которые положительно ответили на оба вопроса.

По аналогии с анализом рождаемости для анализа намерений были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых зависимыми переменными выступали «желание женщины иметь (еще одного) ребенка...» – «...сейчас» или «...в ближайшие 3 года». В качестве объясняющих переменных выступали те же факторы, что и при анализе фактических рождений⁶. Модели рассчитаны для подгрупп женщин без детей и с детьми, без партнера и с партнером на момент опроса.

Желаемое и действительное. В чем различия?

На репродуктивное поведение женщин в последние годы значимо влияют следующие социально-экономические факторы:

- тип поселения (город/село): прирост рождаемости в городе был выше, чем на селе, хотя абсолютное число рождений в расчете на одну женщину на селе по-прежнему оставалось выше;

- состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве: одинаково значимы оказались не только зарегистрированный брак, но и партнер в домохозяйстве;
- трудовой статус партнера: его занятость увеличивает вероятность рождений;
- жилье: низкая обеспеченность является ярко выраженным барьером для роста рождаемости;
- образование: хотя явного значимого влияния на рождаемость за последние 3 года этот фактор не демонстрирует, все же возрастные распределения показывают сильные отличия в уровнях рождаемости у женщин с высшим образованием от прочих образовательных групп в сторону более поздних рождений и меньшего числа детей.

Для всех женщин значимые социально-экономические детерминанты *репродуктивных намерений* включают:

- образование (значимо повышают желание иметь ребенка начальное профессиональное и высшее образование);
- состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве (очевидно, что женщине с партнером в домохозяйстве проще строить планы относительно обзаведения детьми);
- религиозность (средняя, сильная степень приверженности православию и другим христианским конфессиям и ислам повышают вероятность желать еще одного ребенка);
- статус респондентки на рынке труда (занятые женщины в среднем более готовы завести ребенка по сравнению с незанятыми);
- логарифм душевого дохода (чем выше доход, тем больше намеревающихся).

Для общих намерений более весомыми оказываются наличие высшего или начального профессионального образования; для намерений на 3 года – величина доходов. Общие намерения в большей степени отражают социальные нормы детности, и поэтому сильнее зависят от социальных факторов, таких как образование и религия. Намерения завести ребенка в ближайшие 3 года, напротив, ориентируются на конкретную ситуацию респондента в настоящем – наличие партнера, факт регистрации брака, доходы домохозяйства. При переходе от общих намерений к намерениям в краткосрочной перспективе усиливается эффект экономических факторов и ослабляется эффект социальных факторов.

Для бездетных женщин самой сильной детерминантой выступает наличие партнера, с которым можно завести ребенка. Религиозность также оказывает более сильное влияние на репродуктивные намерения женщин, еще не имеющих детей, чем на женщин с детьми. Состояние в браке, значимое для всех женщин без детей, оказывается статистически незначимым для женщин, уже имеющих хотя бы одного ребенка, и женщин с партнером. Для женщин, у которых есть по крайней мере 1 ребенок, более значимыми становятся образование, если речь идет об общих намерениях, и доход – если о намерениях на ближайшие 3 года.

То, что брачный статус не оказывает влияния на репродуктивные намерения женщин с партнером, свидетельствует о том, что реальной детерминантой репродуктивных намерений выступает

сам факт наличия партнера, а не юридическая форма отношений с ним. Это означает, что семейная политика должна принимать во внимание не только репродуктивное поведение зарегистрированных пар, но и тех, кто юридически не оформил свои отношения. Однако и в этой группе женщин проявляются различия, описанные нами выше: общие намерения в большей степени детерминируются уровнем образования (наиболее образованные женщины, имеющие меньше детей, чаще отвечают, что хотели бы завести (еще одного) ребенка). Намерения на ближайшие 3 года во многом определяются доходом и – впервые – жилищной обеспеченностью. Следовательно, улучшение экономических условий жизнедеятельности семей способно ослабить барьеры, существующие сегодня на пути реализации репродуктивных намерений и обеспечить больший прирост рождаемости в рамках господствующей социальной нормы.

Таблица 1. Факторы, влияющие на репродуктивное поведение и репродуктивные намерения

Факторы	Рождения	Репродуктивные намерения	Примечание
Тип поселения	+	–	
Возраст женщины	+	+	
Число уже рожденных детей	+	+	
Партнерство	+	+	
Брачный статус	+	+/-	Брачный статус незначим для намерений женщин с партнером и женщин, уже имеющих 1 и более детей
Статус женщины на рынке труда	–	+	Влияние статуса на рынке труда неустойчиво для намерений
Статус партнера на рынке труда	+	–	
Образование	+	+	
Доходы	0	+	В силу отсутствия информации о доходах на момент планирования рождения для моделей рождения эффект дохода не может быть определен
Жилье	+	-/+	Жилищная обеспеченность значима для намерений женщин с партнером
Религиозность	-	+	

Обозначения: «+» – фактор значим (независимо от направления влияния); «–» – фактор статистически незначим; «0» – отсутствует релевантная информация.

Что из этого следует? Уроки для социальной политики

1. Первый и принципиально важный вывод, который позволяет сделать проведенное обследование, состоит в том, что потенциал для повышения рождаемости в современной России есть. Даже при предположении, что все респондентки, которые хотят в будущем иметь детей, смогут родить лишь по одному ребенку, рождаемость в ближайшие три года может возрасти с 1,2 до 1,5 ребенка на одну женщину. Конечно, известно, что намерения не тождественны реальному поведению. В то же время, во-первых, не исключено, что часть семей могут пойти на рождение третьих и т.д. детей. Во-вторых, обследование проводилось в 2004 г., когда еще не была выработана масштабная национальная демографическая программа, которая содержит целый ряд мер, направленных на интенсивное стимулирование роста рождаемости в России.

2. Помимо денежного дохода существенным барьером на пути к росту рождаемости является плохая жилищная обеспеченность, и меры по снятию этих барьеров могут дать гораздо более быстрый и ощутимый эффект, даже в сравнении с материальными методами стимулирования и денежными выплатами семьям.

3. Между тем исследование показывает и другое: в политике нельзя уповать лишь на материальные меры стимулирования роста рождаемости. Среди факторов, реально влияющих на процессы в этой сфере, не менее важную роль играют социальные факторы, иногда никак не связанные с ростом экономического благополучия населения. Это начавшаяся трансформация семейных отношений, уровень образования, установки и ценности, религиозные традиции и пр.

4. Изменения в семейных отношениях и начало перехода от традиционного института официального брака к партнерскому союзу, характерного для многих стран Западной Европы, наблюдается и в России. Такой переход не случаен, а отражает долговременные тенденции. Если семейная политика будет ориентироваться лишь на официально зарегистрированные браки, то из сферы политического воздействия будут выпадать значительные группы населения, обладающие определенным потенциалом роста рождаемости. Особенно это опасно в отношении молодежи, которая чаще других предпочитает браку неформальный партнерский союз.

5. Сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым. Женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на российском рынке труда. Если рост рождаемости не будет сопровождаться изменениями в трудовых отношениях, внедрением гибких форм занятости для женщин, развитием рынка социальных услуг по воспитанию и образованию детей, то либо потенциал рождаемости у этих групп не будет реализован, либо женщины значительно сократят свое участие в рабочей силе, что будет усугублять негативные тенденции на российском рынке труда в свете дефицита трудовых ресурсов.

6. Общество должно быть готовым к тому, что первыми на меры социальной политики в области демографии отреагируют национальные группы, исповедующие ислам.

7. Чтобы знать, что делать, нужно знать, что происходит. Сегодня программа РидМиЖ является единственным репрезентативным обследованием, которое позволяет хотя бы частично ответить на вопросы, необходимые для понимания сложных и противоречивых процессов в

сфере планирования семьи, деторождений и др. аспектов демографического поведения населения. В то же время программой предусмотрено проведение нескольких волн обследований одной и той же совокупности респондентов (как минимум трех волн с интервалом в три года), что впервые в практике подобных исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондента и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла. Именно лонгитюдный характер обследования позволяет выявить наиболее значимые факторы и события, влияющие на демографическое, экономическое и социальное поведение населения. Знание этих факторов необходимо для корректировки и усиления демографической и социальной политики, устремленной в долгосрочную перспективу и имеющей своей стратегической целью преодоление крайне неблагоприятных демографических тенденций, характерных для современной России.

Библиография

Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 г. №1270-р. <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya.html>

Национальный доклад о положении в области народонаселения в Российской Федерации в 1994–1998 гг. (Специальная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций) <http://www.owl.ru/win/docum/rf/population/doc1998.htm>

Захаров С.В. (1999–2004). Раздел «Брачность и рождаемость». *Население России*. Ежегодный демографический доклад. Центр демографии и экологии человека ИНП РАН. – М.: Книжный дом «Университет».

Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1 2006

Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Детская бедность в России. Доклад ЮНИСЕФ. / НИСП, ЮНИСЕФ. – М., 2005.

Рощина Я.М., Бойков А.В. (2005) Факторы фертильности в современной России. М.: EERC.

Andersson, G. (2005). A Study on Policies and Practices in Selected Countries that Encourage Childbirth: A Case of Sweden, *MPIDR Working Paper WP2005-005*, March.

Andersson G. (2000). The Impact of Labour-Force Participation on Childbearing Behaviour: Pro-Cyclical Fertility in Sweden during the 1980s and 1990s. *European Journal of Population*. Vol.16, pp. 293–333.

Becker, Gary (1965) "A Theory of Allocation of Time", *Economic Journal*, September, pp. 493–517.

Ekert-Jaffo O., Joshi H., Lynch K., Mougin R. and M. Rendall. Fertility (2002), Timing of Births and Socio-economic Status in France and Britain: Social Policies and Occupational Polarization. // *Population. English Edition*. Vol.57(3). P. 475–508.

Friedman, D., Hechter, M., Kanazawa, S. (1994) A Theory of the Value of Children. *Demography*, Vol. 31, No. 3, August, pp. 375–401.

Hoem B. and J.M.Hoem (1989). The impact of women's employment on second and third births in modern Sweden. *Population Studies*. Vol.43., pp. 47–67.

Kharkova T.L. and E.M.Andreev (2000). Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus. *European Journal of Population*. Vol.16, pp. 211–233.

Kohler H.-P. and I. Kohler (2001). Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis. *European Journal of Population*. Vol.18, pp. 233–262.

Kravdal Ø. (1992). The weak impact of female labour force participation on Norwegian third-birth rates. *European Journal of Population*. Vol.8, pp. 247–263.

Kravdal Ø. (1994). The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of first births in Norway. *Population Studies*. Vol. 48, pp. 249–267.

Liefbroer A. and M. Corijn (1999). Who, what, where and when? Specifying the impact of educational attainment and labour force participation on family formation. *European Journal of Population*. Vol.15, pp. 45–75.

Lutz W., Skirbekk V. and M. R. Testa (2005). The Low Fertility Trap Hypothesis: Forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe. // *European Demographic Research Papers*, No. 4.

Meron M. and I. Widmer (2002). Unemployment Leads Women to postpone the Birth of Their First Child // *Population. English Edition*. Vol. 57(2). P. 301–330.

Oppenheimer V.K., Blossfeld H.-P. and A. Wackerow (1995). Country-specific studies on the trends in family formation and the new role of women: United States of America. In: H.-P. Blossfeld (ed.) *The new Role of Women. Family Formation in Modern Societies*. Westview press. Boulder, pp. 150–173.

Pollak, R. A., Watkins, S.C. (1993) Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper Marriage or Mesalliance? *Population and Development Review*, Vol. 19, no. 3, September, pp. 467–496.

Rindfuss R., Morgan P. and G. Swicegood (1988). First Births in America. Changes in the Timing of Parenthood. Univ. of California Press. Berkely and Los Angeles.

Spitze, Glenna (1988). “Women’s Employment and Family Relations: A Review”, *Journal of Marriage and the Family*, Vol. 50, No. 3, August 1988, pp. 595–618.

Testa M.R. and L. Grilli (2004). The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis // *European Demographic Research Papers*, No. 4.

Примечания

¹ Все женщины по данным переписей 1989 и 2002 гг. и микропереписи 1994 г.

² См., напр., работы Ekert-Jaffo O., J. Heather, et al. (2002), Meron & Widmer (2002), Testa & Grilli (2004), Andersson (2005), обсуждающие вопросы детерминант рождаемости и влияния семейной политики на вариации в репродуктивном поведении населения европейских стран.

³ Программа направлена на межстрановое, сравнительное, мультидисциплинарное, лонгитюдное изучение развития семьи, семейных взаимосвязей и социально-экономических условий функционирования домохозяйств в современных индустриально развитых странах в Европе и Северной Америке. Первой стадией программы является национальное обследование по единому для всех стран стандартному вопроснику, который разрабатывался рабочей группой Международного консорциума программы. Текст вопросника и руководства для интервьюеров размещен на сайте Европейской экономической комиссии ООН: http://www.unece.org/ead/pau/ggp/ggs_quest.htm.

⁴ The Russian GGS was conducted by the Independent Institute of Social Policy (Moscow) with the financial support of the Pension Fund of the Russian Federation and the Max-Planck-Gesellschaft, Germany. The design and standard survey instruments of the GGS were adjusted to the Russian context by the Independent Institute of Social Policy (Moscow) and the Demoscope Independent Research Center (Moscow) in collaboration with the Max Planck Institute for Demographic Research (Rostock, Germany).

⁵ Авторы выражают благодарность м.н.с. НИСП Е. Головленичиной за помощь в расчетах логистических моделей.

⁶ Конкретные переменные в моделях могли различаться. Пример: в анализе рождений одной из объясняющих переменных выступало число комнат в расчете на 1 человека до рождения ребенка, тогда как в анализе намерений – на фактическое число членов.

ЕЛИЗАРОВ Валерий Владимирович

Родился 26 августа 1949 г. Руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова с 1993 г., профессор кафедры социальной политики и социальной работы Московского гуманитарного университета с 2000 г. (по совместительству). Закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1972 г., аспирантуру экономического факультета МГУ в 1977 г. Кандидат экономических наук (1978 г.). Почетное звание «Заслуженный научный сотрудник Московского университета» (присвоено решением Ученого совета МГУ от 08.12.2003 г.). Член Экспертно-консультативного Совета при Комитете Госдумы РФ по вопросам женщин, семьи и детей с 2004 г. Эксперт Комиссии по вопросам социального развития Общественной палаты РФ с 2006 г. Научный руководитель 5 защищенных кандидатских диссертаций.

Руководитель крупных исследовательских проектов в области демографической и семейной политики, анализа демографической ситуации, демографической экспертизы, экономики народонаселения и семьи, выполненных для министерств социально-экономического блока, Экспертного управления Администрации Президента РФ, Российского фонда социальных реформ, Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), Детского фонда ООН (UNICEF), Всемирного банка и т.д. Автор более 150 публикаций.

СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ¹

В статье анализируются основные положения Президентского послания-2006 в области демографии. Рассмотрены тенденции и основные показатели демографического развития России за последнее десятилетие, показаны нарастающие масштабы депопуляции, возможные последствия демографического кризиса.

Сформулирован центральный вопрос, на который пытается ответить автор статьи: Можно ли экономическими мерами целенаправленно и эффективно влиять на демографические процессы и как это делать? Отталкиваясь от Президентского послания, уделившего значительное место конкретным предложениям по стимулированию рождаемости, автор рассматривает историю вопроса, конкретный опыт и теоретические проблемы воздействия на рождаемость, анализирует положения классических работ в этой области, вопросы оценки эффективности влияния на рождаемость.

Анализируются конкретные меры стимулирования рождаемости, обосновываются предложения по их развитию в комплексе с другими мерами демографической политики.

В ежегодном Послании Президента России Федеральному Собранию, оглашенном 10 мая 2006 г., демографическая проблема была названа «самой острой проблемой современной России», демографическая ситуация – критической.

Вопрос в начале демографической части Послания, следовавшей за экономической частью, был сформулирован предельно просто «...*Для кого мы все это делаем?*...»².

Для чего (и для кого?) нам (России) экономический рост и удвоение ВВП, зачем нам становиться энергетической сверхдержавой и вкладывать грандиозные средства в модернизацию производства и сельское хозяйство, прокладывать трансконтинентальные нефте- и газопроводы, разрабатывать оружие новейшего поколения, и т.д и т.п... если нас, россиян, с каждым годом становится все меньше и меньше.

Может, что-то *не то* мы закладываем в наши стратегии и *не то* выдвигаем в качестве основных национальных приоритетов, если рождаемость в России уже 40 лет как не обеспечивает уровень простого воспроизводства, если смертность мужчин в трудоспособном возрасте высока, как и сто лет назад?

Показатель продолжительности жизни в 70 лет, которого мы в нашей истории дважды достигали (во второй половине 60-х и в 1986–87 гг., в годы борьбы с алкоголизмом), сегодня нам кажется достойной целью светлого будущего, в то время как полтора десятка развитых стран уже превзошли рубеж в 80 лет (Япония, Швеция и др.) и еще десяток вот-вот достигнут и перешагнут этот престижный рубеж, свидетельствующий о высоком качестве жизни в этих странах...

Население России сокращается уже более 12 лет.

Рост населения в России продолжался до начала 90-х годов. В 1992 году мы впервые столкнулись с таким феноменом для мирного времени, как смертность, превышающая рождаемость. Существенная убыль началась уже с 1993 г.

За 13 лет (1993–2005 гг.) разница между числами родившихся и умерших в России составила около 11 млн человек, в среднем умирало больше, чем рождалось на 0,8–0,9 млн человек в год.

На начало 2006 г. население России составило 142,7 млн человек при максимуме около 149 млн на конец 1992 г. – начало 1993 г. То есть с момента достижения наибольшей численности населения мы потеряли более 6 млн человек. Выручила миграция. Потери от высокой смертности и низкой рождаемости в 11 млн человек были на 5 млн компенсированы миграционным приростом.

Данные последних лет демонстрируют нарастание демографического кризиса, увеличение масштабов убыли населения. Разница между числами родившихся и умерших в России составила за 2000–2005 гг. более 5,3 млн человек, из которых лишь 1,2 млн были компенсированы миграционным приростом, а убыль составила более 4,1 млн человек (около 700 тыс. человек в среднем за год!).

Демографическая ситуация продолжала ухудшаться и в 2005 г. По данным Госкомстата, за 2005 г. число рождений снизилось на 42,4 тыс. человек, а число умерших увеличилось на 7,7 тыс. человек. Так называемая «естественная убыль» (разница между числами смертей и рождений) составила 843,0 тыс. человек, что было на 50,1 тыс. больше, чем в 2004 г. Несколько возросший миграционный прирост (107,4 тыс. человек) компенсировал 12,7% естественной убыли населения (в 2004 г. – 39,4 тыс. человек, что дало лишь 5% замещения естественной убыли).

В итоге абсолютное сокращение населения составило за 2005 г. примерно 735,5 тыс. человек, что было на 41,1 тыс. человек больше, чем в 2004 г.

Масштаб убыли населения остается угрожающе большим.

Ежегодно Россия теряет по численности 0,5 % населения или целую область (примерно равную Псковской или Костромской), республику (Карелию или Марий Эл), или крупный город (такой как Краснодар).

В 2005 г. снижение числа родившихся отмечалось в 78 субъектах Российской Федерации, а увеличение числа умерших – в 47 субъектах.

В целом по России число умерших превысило число родившихся в 1,58 раза (в 2004 г. – 1,53 раза), причем в 23 субъектах Российской Федерации превышение составило 2,0–2,8 раза (в 2004 г. – в 21 регионе).

В число регионов с наихудшим соотношением рождаемости и смертности (и наибольшим показателем естественной убыли) устойчиво входят все области Центрального федерального округа, а также Ленинградская, Новгородская и Псковская, Нижегородская и Пензенская области.

Небольшой рост рождаемости в 2000–2004 гг. не является результатом целенаправленных усилий, а во многом был предопределен относительно высокой рождаемостью 80-х годов. Рост числа молодых матерей способствовал небольшому увеличению числа родившихся. Повлияла и частичная реализация «отложенных» рождений – экономические трудности второй половины 90-х «отодвинули» рождение детей на более поздние сроки, вырос и средний возраст матери при рождении детей. Этот фактор подъема рождаемости близок к исчерпанию и после 2010 г. неизбежна следующая волна сокращения рождаемости.

Сохранение нынешних тенденций воспроизводства населения (низкая рождаемость и высокая смертность) приведет к тому, что численность населения нашей страны к началу 2025 г. сократится до 122–125 млн. человек. В действительности, при отсутствии целенаправленной демографической политики, демографическая динамика может выглядеть еще хуже, так как столь быстрое сокращение населения становится фактором угрозы национальной безопасности. Сокращение призывных контингентов сильно затруднит нормальное комплектование Вооруженных Сил. Снижение численности трудовых ресурсов, рост иждивенческой нагрузки, в сочетании с высоким уровнем смертности в трудоспособных возрастах (*прежде всего мужской*), несомненно, станут препятствием экономическому росту. Старение населения приведет к неизбежному кризисному состоянию пенсионного фонда и в целом пенсионной системы. Отсутствие благоприятных условий для рождения и воспитания детей ускорит переход к однодетной модели семьи.

Такая ситуация является неизбежной платой за бездействие в условиях стремительно ухудшавшейся с конца 1980-х годов демографической динамики. Продолжение такого отношения к демографическим проблемам приведет к еще более худшим, возможно необратимым, последствиям.

Сложившаяся демографическая ситуация во многом порождена недостаточным учетом демографических факторов в среднесрочной и долгосрочной стратегии, отсутствием комплексной долгосрочной программы выхода России из демографического кризиса, отсутствием органов управления, ответственных за демографическое развитие России, остаточным принципом финансирования социальной политики. Крайне скудны размеры средств, выделяемых государством на поддержку семей с детьми (*расходы на семейные пособия в отношении к ВВП сегодня вчетверо меньше, чем 10 лет назад и примерно в 8–10 раз меньше среднего уровня таких расходов в европейских странах*).

Средняя молодая семья располагает ресурсами только на рождение и воспитание одного ребенка, при этом большинство семей хотело бы иметь двоих детей. Рождение второго и третьего ребенка практически не стимулируется, несмотря на то, что рождение именно этих детей способно изменить ситуацию с рождаемостью. В условиях высокой смертности, практически не уделяется внимания формированию у населения установок к здоровому образу жизни, профилактике сердечно-сосудистых заболеваний, несчастных случаев, отравлений и травм, алкоголизма, наркомании, курения. А именно эти причины в основном формируют сверхсмертность в трудоспособных возрастах.

В последние годы в России крайне мало сделано для привлечения в страну мигрантов. Те же, кто приезжает в Россию, сталкиваются со значительными трудностями при получении гражданства и обустройстве.

Принятые к реализации с 2006 года национальные проекты в сфере здравоохранения и строительства доступного жилья будут способствовать созданию условий для смягчения демографического кризиса, однако заложенные в них меры являются не адекватными остроте усугубляющихся демографических проблем.

Улучшение демографической ситуации невозможно без существенного перераспределения ресурсов в пользу социальной сферы, без серьезных программ в области демографической политики, без масштабных затрат на ее реализацию.

Неотложное принятие и реализация комплекса мер, направленных на повышение рождаемости и снижение смертности, могло бы сократить масштабы убыли российского населения с 750–800 тыс. в 2000–2004 гг. до 350–400 тыс. в 2015 г., т.е. примерно вдвое.

Демографическое развитие в России имеет много общего с общеевропейскими тенденциями (низкая рождаемость, изменение структуры семьи, старение населения и т.д.). В то же время ускоренное нарастание кризисных явлений определялось особыми условиями и трудностями так называемого переходного периода (падение реальных доходов, нарастание масштабов бедности, рост неравенства, высокий уровень безработицы, сокращение объема социальных гарантий, бесплатных услуг в здравоохранении и образовании и т.п.).

Трансформация экономики от плановой к рыночной и модернизация социальной политики резко изменили условия жизнедеятельности семьи, поставили большинство семей на грань выживания, что повлекло за собой изменения в брачном, репродуктивном и самосохранительном поведении, в социальной и территориальной мобильности.

Вопрос о причинах кризисного состояния остается за рамками обсуждаемых стратегий. И хотя в Концепции демографического развития России на период до 2015 г. (2001 г.) целью провозглашалась *стабилизация численности населения и создание предпосылок роста*, никаких конкретных шагов (программ, планов мер по реализации Концепции) на федеральном уровне сделано не было.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. было четко и ясно сказано, что нам нужна программа, рассчитанная на срок не менее 10 лет. Для решения демографической проблемы нужна активная политика по всем трем направлениям: *снижение смертности, эффективная миграционная политика, повышение рождаемости*. До сих пор в правительственных стратегиях преобладала точка зрения, что все проблемы будущего будут решаться привлечением в Россию сотен тысяч мигрантов. Наконец-то из уст главы государства прозвучало, что *«...никакая миграция не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране. Не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи»*.

Это, по нашему мнению, важнейшая идея Послания. Предложенная в Послании программа стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и вырастить ребенка, направлена, прежде всего, на стимулирование рождения хотя бы второго ребенка, на устранение тех причин, которые сегодня мешают молодым семьям свободно и ответственно принимать решения, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке. Эти причины были названы: низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий, сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование.

Стимулирование рождаемости будет включать в себя целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи, некоторые из этих мер были конкретно обозначены. Здесь и увеличение пособия по уходу за ребенком на период до достижения им полутора лет, и компенсации расходов на дошкольные учреждения, и – новое понятие – «базовый материнский капитал», и меры по стимулированию усыновления сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для реализации озвученного в Президентском послании плана потребуются не только большая работа экспертов и законодателей, но и огромные деньги.

Предстоит в кратчайший срок подготовить и внести изменения в законодательство, просчитать все необходимые на реализацию мер расходы, включить эти расходы в бюджет 2007 г.

Идеи и конкретные предложения Президентского послания уже вызвали оживленную дискуссию как в обществе, так и в экспертных кругах. Высказывается как одобрение мерам поддержки семей с детьми, так и сомнение в возможностях государства влиять на демографическое поведение. «Деньги – не главное», «государство не должно подталкивать женщин к рождению нескольких детей», «эти меры могут привести к иным результатам (росту рождаемости лишь в тех этнических и социальных группах, где она и без того выше среднего уровня)», «рождаемость

не повысим, а деньги потратим и инфляцию увеличим» – подобные суждения высказывают не только обыватели, но и политики, чиновники, специалисты.

Приведет ли экономическое стимулирование рождаемости к ожидаемым результатам? Это вопрос, на который, надо признать, демографическая и экономическая наука пока не может дать точных и аргументированных ответов.

Демографическая наука, научившись за три с половиной века своего существования все-сторонне описывать численность, структуру и размещение населения, объяснять причины и оценивать последствия происходящих в воспроизводстве населения изменений и даже прогнозировать демографическую динамику на основе разных сценариев демографического развития, так и не может достойно ответить на простые вопросы: Можно ли экономическими мерами целенаправленно и эффективно влиять на демографические процессы и как это делать?

Меры демографической политики могут с точки зрения их влияния на поведение выступать как стимулы или как ограничения. Задача стимулов и ограничений – изменить поведение, создав преимущества тем, чье поведение будет в большей степени соответствовать общественным потребностям, декларируемым целям политики, или помехи – тем, чьи действия вступают в противоречие с целями политики. Стимулы и ограничения, как правило, влияют на поведение весьма ограниченное время, со временем население адаптируется к ним и не воспринимает их как таковые. Самый важный пласт политики – это группа мер, лежащих между стимулами и ограничениями – их можно назвать социальными гарантиями, – это то, что обеспечивает стабильность, предсказуемость условий, в которых люди реализуют свои демографические потребности.

Принципиальная особенность демографической политики заключается в воздействии на воспроизводство населения, на динамику демографических процессов не прямо, а опосредованно, через демографическое поведение, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства. Меры политики народонаселения воздействуют как на формирование демографических потребностей, обуславливающих специфику демографического поведения, так и на создание условий для их реализации.

Особую сложность демографической политике как части социального управления придает необходимость учитывать и согласовывать интересы разных уровней:

- индивидуальных, семейных, групповых и общественных;
- локальных, региональных и общегосударственных;
- экономических, социально-политических, экологических и этнокультурных;
- ближайших, среднесрочных и долгосрочных.

Идеи и попытки влиять экономическими мерами на демографическое поведение насчитывают не одну тысячу лет. Так, древнегреческий философ Платон полагал, что избегающие женитьбы должны нести не только моральное, но и материальное наказание (штрафы). При императоре Августе (правил Римом с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э.) политика как система мероприятий по-

лучила законодательное оформление в своде законов «Lex Julia et Papia-Poppea», принятых между 18 г. до н.э. и 9 г. н.э.) и включала в себя воздействие на брачность и укрепление семьи, стимулирование рождаемости через привилегии семьям с детьми и т.п.

Август наложил наказания на холостяков и увеличил награды женатым и тем, кто имел детей. При Августе семьи, имевшие 3 детей, освобождались от всех повинностей.

Современный опыт политики народонаселения демонстрирует большое разнообразие теоретических подходов, практических мер, целью которых объявлялось улучшение демографической ситуации.

Тем не менее к оценке эффективности такой политики специалисты подходили и подходят крайне осторожно.

В условиях распространения регулируемого деторождения и низкой детской смертности влияние социально-экономических условий на число рожденных в семье детей стало определяющим. Однако сложный характер такой связи долго не позволял демографам однозначно определить, каким закономерностям она подчинена и в каком направлении эволюционирует.

«Сокращение рождаемости, – отмечали авторы фундаментального исследования, осуществленного в 70-е годы под эгидой ООН и посвященного детерминантам демографических тенденций, – обычно объясняется комплексом факторов, касающихся процесса модернизации, экономического развития и индустриализации, однако попытки дать четкое определение этим факторам и произвести их систематическую классификацию оказались не очень удачными. Нельзя не признать, что фундаментальные, основные факторы... накладываются друг на друга и являются разнородными. Кроме того, не достигнуто согласие относительно сравнительной важности каждого из этих основных факторов и способа их взаимодействия друг с другом в качестве переменных величин, влияющих на уровень рождаемости»³.

В современной политике все более важным становится гендерный аспект, учет социологических различий мужчин и женщин. Меры, включаемые в арсенал демографической и семейной политики, могут влиять не только на демографическое поведение, но и на экономическое поведение членов семьи, при этом влияние может быть гендерно несимметричным, по-разному восприниматься мужчинами и женщинами.

Проблемы модернизации демографической политики все чаще рассматриваются в тесной связи с политикой обеспечения интересов женщин. Так, в исследовании «Роль женщин в перестройке российской экономики», выполненном Моникой С. Фонг под эгидой Всемирного банка, где анализировались проблемы начального периода трансформации российской экономики и социальной политики, отмечалось, что «возложенная на женщин забота о детях, престарелых и других членах семьи, которые не могут сами себя обслуживать, играет огромную роль в обеспечении социального благополучия этих категорий населения. Такая ситуация сложилась в результате принятия ряда взаимосвязанных политических мер в области занятости и семейной политики, которые создали для женщин множество «льгот» в форме отпусков и пособий, позволивших им взять на себя дополнительную ответственность за всеобщее благосостояние»⁴.

По мнению Рассел Дж. Читэм, «в условиях перехода к смешанной рыночной экономике эти льготы мешают свободному передвижению рабочей силы и делают труд женщин дорогостоящим. Для того чтобы не допустить экономической маргинализации женщин, составляющих более половины трудовых ресурсов России, необходимо изыскать альтернативное решение проблемы воспитания детей, включающее изменения как на уровне государственной политики, так и на семейном уровне. Поэтому, для того чтобы изменения на рынке труда были действительно эффективными, они должны сопровождаться изменениями в семейной политике»⁵.

Подавляющее большинство западных зарубежных специалистов в XX веке (П.Момберт, Л.Борткевич, М.Пульезе, Б.Берельсон, Х.Элдридж, В.Борри, Д.Гласс, Н.Кейфиц и др.) крайне скептически оценивали возможности политики народонаселения повлиять на изменение демографической ситуации. Примеры позитивной оценки результатов реализованной политики встречаются в работах специалистов лишь небольшого числа стран: ЧССР (70-е годы), СССР (80-е годы), Франция, Китай.

В некоторых исследованиях делалась попытка оценить конкретное влияние на рождаемость политики поддержки семей с детьми. Например, есть расчеты, что увеличение общей суммы детских пособий на 25% дает впоследствии в развитых европейских странах прирост СКР, равный 4%, или примерно 0,07 ребенка⁶.

Вслед за чешским демографом В.Србом, известный российский демограф А.Я.Кваша рассматривал возможность определения эффективности демографической политики через сопоставление затрат государства на ее проведение (например, расходы на повышение рождаемости) и дохода, который может получить общество за счет *«дополнительно родившихся детей»* и появления через определенное время новых работников⁷.

Спорность и техническая сложность такого рода оценок очевидна. Однако лежащий в основе такого подхода тезис о том, что *«каждый человек на протяжении своей жизни создает ценностей значительно больше, чем потребляет»*, как правило, не подвергается сомнению.

Этот тезис не нов. Так, еще Ф.Энгельс в «Набросках к критике политической экономии» отмечал, что *«дети подобны деревьям, с избытком возмещающим произведенные на них расходы»*. Ф.Энгельс подчеркивал, что *«всякий взрослый человек производит больше, чем может сам потребить»*, это – факт, *«без которого человечество не могло бы размножаться, более того, не могло бы даже существовать; иначе, чем жило бы подрастающее поколение»*⁸.

Идея экономической рентабельности среднего человека, проектируемая на демографическую политику, приводит к утверждению, что *«материальные вложения в демографическую политику, естественно в разумных пределах, всегда будут рентабельны»*⁹. Оценка конечной (долгосрочной) экономической эффективности демографической политики подразумевает, что выросшие дети войдут в состав трудовых ресурсов и компенсируют затраты общества на стимулирование их рождения. Краткосрочный же эффект, полагает А.Я.Кваша, может проявиться в улучшении здоровья матерей и детей.

Чтобы влиять на демографическое поведение (на брачность и рождаемость) пособия, льготы и штрафы, фискальные (налоговые) и другие меры должны быть куда более масштабными, чем те, которые мы встречаем в практике ряда стран.

В ряде работ зарубежных экспертов отмечалось, что неэффективность политики народонаселения, возможно, объясняется попытками добиться результатов при крайне низких затратах. Следовательно, подразумевается, что увеличение затрат на политику могло бы дать более заметные результаты. Количественной оценки масштаба и уровня расходов, при которых политика становилось бы результативной и эффективной, не проводилось.

Авторитетный канадский демограф А.Романюк обращал внимание не столько на затратную сторону политики, сколько на ее необходимую комплексность: «Что касается семейной пронаталистской политики, ведущейся некоторыми демократическими (и не демократическими) государствами, то оценка ее эффективности хотя и включает отдельные позитивные элементы, но в совокупности будет скорее отрицательной. Нельзя говорить о разрозненных мерах как целостной семейной политике, рассчитанной на долгосрочную перспективу, и тем более нельзя ничего сказать об эффективности использования финансовых ресурсов, так как нет каких-нибудь значимых результатов»¹⁰.

В получившей широкий резонанс книге «Смерть Запада» Патрик Дж. Бьюкенен пытается ответить на вопрос, вынесенный в название одной из глав «*Куда подевались эти дети?*». Автор рассуждает о возможностях «...развернуть Запад в нужном направлении, прежде чем падение рождаемости достигнет критической отметки и опустит занавес в финале сыгранной пьесы», и не видит этих возможностей. Казалось бы, у современной женщины есть все, чтобы позволить себе то, что раньше казалось несовместимым, иметь ребенка и плодотворно работать: «...наличие института нянь, открытых границ между странами, адекватной оплаты за труд, отпусков по уходу за ребенком, правительственных пособий и прочего. Но ребенок может быть только один, максимум два, иначе не избежать проблем, поскольку в противном случае у женщины уже не будет оставаться достаточно времени на выполнение работы в офисе. Вставая перед выбором, женщины выбирают или *только карьеру*, или *карьеру и однократную радость материнства*».

История, как известно, учит тому, что она ничему не учит. История демографической политики – история идей, концепций, практических мер и попыток влиять на рождаемость и рост населения – показывает, что она была слабым инструментом, чтоб заметно влиять на воспроизводство населения. Но, может быть, дело не только в неверном выборе целей и средств, или в том, что пытались копеечными усилиями добиться серьезных результатов.

Может, дело еще и в том, что на демографическую политику возлагали задачи, которые она не могла и не должна была решать. Более общие социально-экономические условия, как правило, сводили на нет все усилия демографической политики, которой отводили нередко ошибочную роль главного лекарства для лечения больных экономик и социально-политических систем.

Возвращаясь к актуальным демографическим проблемам сегодняшней России, к предложениям, прозвучавшим в Президентском послании-2006, хочется призвать экспертов и политиков воздержаться как от эйфории по поводу скорых побед над низкой рождаемостью и демогра-

фическим кризисом, так и от безграничного пессимизма – мол, в богатых странах с куда как более затратной поддержкой семьи рождаемость все равно низкая, куда нам-то.

Да, низкая, но не такая катастрофически низкая, как в России.

Слова бывшего французского Президента В. Жискара Д'Эстена, произнесенные в 1978 г., могли бы быть эпиграфом к этой статье: «*Общество, не способное обеспечить возобновление поколений, – преступно*»¹¹. Сегодня рождаемость во Франции, проводящей активнейшую поддержку семьи, одна из самых высоких в Европе – 1,9 ребенка на 1 женщину. В России – 1,34. Есть разница?

Думаю, правильно рассматривать демографические предложения, направленные на поддержку семьи, как первый большой и необходимый шаг, но только как шаг. Нужна работа по уточнению мер и условий их реализации, нужны предложения по тем аспектам, которые не прозвучали в Послании.

«Чтобы институциональная и материальная поддержка семьи стала эффективной, она должна быть многообразной, – процитирую еще раз профессора А.Романюка. – Необходимы инвестиции в то, что экономисты называют «человеческим капиталом» – в здоровье и образование детей. Они должны облегчить совмещение семейно-родственных и профессиональных ролей, что, в свою очередь, станет средством для выравнивания доходов мужчин и женщин. Причем должно быть законодательно установлено право женщин на получение компенсаций за невозможность зарабатывать или за демографические «издержки» в связи с материнством. Чтобы семейная политика была принята общественным мнением и имела шанс на удачу, она должна осуществляться одновременно во имя *социального равенства (полов), экономической рациональности (человеческий капитал) и демографической эффективности (воспроизводство населения)*. ...В настоящее время женщины имеют возможность добиться социального успеха вне материнства, поэтому общество должно взять на себя задачу превращения материнства в притягательную для женщин профессию. Функции матери должны быть одновременно весьма уважаемыми и щедро вознаграждаемыми»¹².

Предвидя иронические улыбки экономистов по поводу своих кажущихся утопией тезисов, предвидя естественные возражения и ссылки на то, что его «проект материнство» будет слишком дорогостоящим для экономики, А.Романюк подчеркивает: «...Финансирование этого проекта предполагает фундаментальную переоценку критериев распределения национального продукта, а также пересмотр приоритетов национального бюджета. Это произойдет, когда общество осознает кризис своего демографического положения и предъявляемые им требования»¹³.

Российская власть и российское общество осознали глубину демографического кризиса, в котором находится страна.

И в предыдущих посланиях (в 5 из 6) звучала озабоченность демографической ситуацией. Тем, что население сокращается. Тем, что по показателям продолжительности жизни мы далеко позади всех развитых стран. Тем, что мы теряем десятки и сотни тысяч молодых жизней от устранимых причин смертности. Тем, что у семей нет достойных условий для рождения и воспитания детей.

Но на этот раз демографическая проблема (по Солженицыну – проблема *народосбережения*) названа как самая главная и острая проблема современной России.

И без ее решения бессмысленно говорить о чем-то другом, строить планы на далекое будущее. Положение в этой сфере критическое, сказал Президент, и с этим трудно не согласиться.

Что делать? Ответ прозвучал: снижать смертность, усилить иммиграционную привлекательность России и повышать рождаемость. Я бы расставил приоритеты в другом порядке: смертность, рождаемость, миграция. Причем, говоря о смертности, надо иметь в виду, что основная ее причина – все-таки не гибель на дорогах, а сердечно-сосудистые заболевания. Дороги забирают 40 тысяч жизней в год, а сердечно-сосудистые болезни – 1 миллион 200 тысяч. Возможно, эта тема не так подробно прозвучала, поскольку есть национальный проект по здравоохранению. А вот по повышению рождаемости никакого проекта до сих пор не было. И сегодня следует ожидать, что наконец-то последует серьезное волевое решение в виде нового национального проекта или национальной программы.

Надеяться на то, что может быть получен заметный результат за копейки, – большое заблуждение, от которого надо раз и навсегда отказаться. Исправление столь запущенной демографической ситуации – дело очень дорогое, очень затратное. И при этом никто не гарантирует, что все эти деньги будут использованы максимально эффективно. Условно говоря, вложили 100 тысяч рублей – получили сколько-то тысяч дополнительных рождений. Такого не будет, к сожалению.

Есть некие разумные мировые стандарты: европейские страны тратят на материнские и семейные пособия суммы, эквивалентные 2,5–3 процентам ВВП, а некоторые страны – до 4 процентов. Если сравнить наши затраты на основные виды пособий (прежде всего, из Фонда социального страхования и немного из региональных бюджетов), вся сумма составит менее 0,3 процента. То есть масштаб затрат на поддержку семьи у нас сегодня в 10 раз меньше, чем должен быть.

Что касается конкретных мер поддержки молодой семьи и женщин, это вопрос достаточно дискуссионный.

Наиболее «узкие» места в сегодняшней семейной политике и поддержке семей с детьми, на наш взгляд, следующие:

- оплата пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (с 1 января 2006 г. – 700 руб.),
- доступность дошкольных учреждений (возросшие размеры оплаты и дефицит мест – более 800 тыс. в целом по России на начало 2005 г.),
- размер ежемесячного пособия (70–100 руб. в месяц в большинстве регионов, при этом только для детей в семьях с доходом ниже прожиточного минимума).

По двум из трех этих пунктов в Президентском послании-2006 есть предлагаемые меры (увеличение пособий, введение компенсаций). Кроме того, предложено увеличить размер опла-

ты по родовым сертификатам (суммарно с 7 до 10 тыс. рублей) и приступить к финансированию «материнского капитала».

Главный акцент сделан на **пособие по уходу за ребенком до полутора лет** и поддержке **дошкольного воспитания**. Это действительно две самые болевые точки. Слишком маленькое пособие по уходу за ребенком заставляет мать быстрее выходить на работу из декретного отпуска, что сказывается и на здоровье ребенка, и на отношении к следующим рождениям. Дефицит дошкольных учреждений растет, качество их работы не улучшается, а затраты семьи на дошкольные учреждения возрастают, что опять же влияет на принятие семьей решения.

Впервые в практике новой России предложено дифференцировать размеры пособия по уходу за первым и вторым ребенком, и при этом поставлен вопрос о минимуме и максимуме пособия. Работающие женщины получают не менее 40 процентов от зарплаты. Но у одной женщины зарплата 30 тысяч рублей и ее пособие составит 12 тысяч, а у другой зарплата 6 тысяч, значит, пособие будет 2400 рублей. Все будут делать одинаковое дело – ухаживать за своим собственным ребенком до полутора лет, а вознаграждение или компенсация будут разными. Хотя, в принципе, можно согласиться с этой идеей: раз пособие страховое, люди выплачивают страховые взносы с зарплат, в общем, конечно, можно делать пособие и в пропорции к зарплате. И все-таки, видимо, Президент прав, когда говорит, что надо установить некий максимум. Слишком сегодня большая разница в зарплатах. И далеко не всегда эта разница мотивирована количеством и качеством труда.

В разговоре о размере оплаты забыто существенное – сегодня далеко не все матери используют право на отпуск полностью, вплоть до достижения ребенком 1,5 лет. Коэффициент использования отпуска – в среднем около 0,5. Это означает, что многие матери после нескольких месяцев ухода за новорожденным, выходят из отпуска и приступают к работе¹⁴. Положенные по закону средства для оплаты также недоиспользуются. Из-за низкой оплаты отпуска (менее 1/4 прожиточного минимума, менее 9% средней зарплаты) многие семьи (женщины-матери) просто не могут себе позволить полностью (примерно 15,5 месяцев после окончания послеродового отпуска) находиться в отпуске по уходу и возвращаются на работу, чтобы вернуть в семью источник дохода. Некоторые возвращаются из отпуска преждевременно, опасаясь потерять работу, особенно в негосударственном секторе.

Увеличение пособия по уходу за ребенком с 700 руб. до минимальных размеров в 1,5 тыс. после рождения первенца составит 800 руб., а после рождения второго ребенка – с 700 до 3 тыс. руб. или сразу на 2300 руб. Можно предположить, что столь существенное увеличение размеров оплаты позволит большей части женщин полностью использовать отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет, а также увеличит число месяцев, которое проведут в отпуске по уходу за ребенком матери, которые прервут отпуск до достижения ребенком 1,5 лет. При этом мы предполагаем, что степень использования отпуска после рождения второго ребенка, вследствие более высокой оплаты, как минимум, сравняется со степенью использования отпуска после рождения первого ребенка. Для проверки этой и других гипотез необходимо будет провести выборочные исследования в 2007 г., чтобы выяснить, какие факторы и как будут влиять на решения об использовании

отпуска по уходу за ребенком (тип семьи, доходы семьи, занятость и зарплата матери, регион, тип поселения и т.п.).

Возвращаясь к разговору о максимальном размере пособия, логично предположить, что эта «верхняя планка» может составить 15 тыс. рублей в месяц (как при назначении пособия по беременности и родам в 2006 г.¹⁵). В этом случае пособие по уходу за первенцем составит от 1,5 тыс. – *минимум*, до 6 тыс. рублей (40% от 15 тыс.) – *максимум*, а пособие по уходу за вторым ребенком (*и последующим* – ?) составит от 3 тыс. рублей до тех же 6 тыс. рублей. Если трактовать пункт «...не менее 40%», как допускающий возможность более высокого уровня компенсации недополученного дохода, то можно было бы предложить установить для матерей, находящихся в отпуске по уходу за вторым ребенком пособие в размере 50% от прежней зарплаты. В этом случае пособие по уходу за вторым ребенком (*и последующим* – ?) составит от 3 тыс. до 7,5 тыс. руб.

Большая часть работающих матерей, уходящих в отпуск по беременности и родам, а затем в отпуск по уходу за ребенком, имеет низкие зарплаты. Об этом можно судить по данным о расходах Фонда социального страхования РФ на оплату отпуска по беременности и родам. Так, расходы ФСС на 2005 г. были запланированы в сумме 16,5 млрд. руб., а средний размер оплаты 1 дня отпуска по беременности и родам составлял около 206 рублей¹⁶, что было значительно ниже средней зарплаты за 2005 г. Это означает, что большинство работающих в итоге получит пособие такое же, как и не работающие, или не намного больше.

О «базовом материнском капитале». Его величина определена в сумме 250 тыс. руб. при рождении 2-го ребенка с тремя изложенными в Послании вариантами использования:

- приобретение жилья с использованием ипотеки или других схем кредитования по достижении ребенком 3-летнего возраста,
- образование детей,
- увеличение накопительной части собственной пенсии.

Не очень понятно, почему только после трех лет, а не ранее? Зачем нужно 3 года выдерживать семью в стесненных обстоятельствах, а лишь потом разрешать улучшение?

Возможность вложить деньги в образование детей – это хорошо, но гораздо важнее знать, что можно деньги или их часть использовать и на лечение детей, если в том будет нужда. И конечно, само собой разумеется, чтобы эти расходы (на лечение-образование) разрешались не только на второго, но и на первого ребенка.

Трудно согласиться и с тем, что акцент в Послании сделан на трудностях, приходящихся на долю женщины-матери, на поддержке ее статуса. Да и капитал назван *материнским*, а не *семейным*, что было бы, на наш взгляд, куда более правильным и гендерно корректным. Прозвучавшее в Послании желание видеть женщин более независимыми (От мужей? От отцов своих детей?) выглядит как поддержка матерей-одиночек, а у нас и без того 30% детей рождается у матерей, не состоящих в браке. Стимулировать, пусть и неумышленно, безотцовщину – большая ошибка.

Наконец, хотелось бы верить, что при доработке Программы стимулирования рождаемости не будут забыты такие важные составляющие семейной политики, как ежемесячное пособие на ребенка (от рождения до совершеннолетия), а также налоговые льготы – хорошее дополнение и даже – по сути – замена ежемесячного пособия. Сейчас ежемесячное пособие – это всего 70–100 руб. (в некоторых регионах чуть более), которые назначаются только на детей в семьях с доходом ниже прожиточного минимума (регионального) на члена семьи. После передачи в 2005 г. финансирования этого пособия с федерального уровня на уровень субъектов число получателей пособия существенно сократилось. Если ввести увеличенный стандартный налоговый вычет, не 600 руб., как сейчас, а в размере прожиточного минимума ребенка (около 3 тыс. рублей на начало 2006 г.), экономия на подоходном налоге составит ежемесячно на каждого ребенка не 78 руб. (600 руб. $\times$ 13%), а 390 руб., что вполне сопоставимо с возможным размером ежемесячного пособия. При этом целесообразно поднять планку дохода, дающего право на налоговую льготу с нынешних 40 тыс. рублей, до 120 тыс. руб., что хотя бы будет соответствовать уровню средней по России зарплаты за год. То есть родитель, получивший в течение года нарастающим итогом доход в 120 тыс. рублей, теряет право на налоговый вычет, начиная с месяца, когда достигнут лимит. Тогда большинство семей с невысокими доходами смогут воспользоваться правом на вычет в течение всего года, а не нескольких месяцев, как сейчас.

В большинстве российских семей рождение ребенка автоматически переводит семью в число бедных, поэтому откладывание рождения ребенка (переходящее часто в отказ от рождения) выступает как способ сохранить достигнутый жизненный уровень.

Для того чтобы система пособий работала более эффективно, как на Западе, нужно в первую очередь проводить реформу зарплаты. Минимальный доход должен включить в себя один прожиточный минимум на взрослого и минимум на ребенка, что составляет около 6 тыс. руб., а не 1,1 тыс., как сейчас. Тогда и база налогообложения вырастет – деньги от налогов пойдут на пособия, которые должны дополнять доход семьи, а не являться его основным источником. В противном случае на систему пособий может лечь огромная нагрузка, с которой государство может и не справиться.

Есть и другие меры, которые не следует забывать. Важны и пособие женщинам, ставшим на учет в ранние сроки беременности (сейчас это смехотворные 300 руб.), и пособие первоклассникам (такого нет, но ввести бы его надо).

Учитывая большой процент бесплодия, следует рассмотреть вопрос о возможности компенсации молодым женщинам (семьям) затрат на лечение бесплодия.

Необходимы также большая просветительская и пропагандистская работа, направленная на повышение престижа семьи с детьми, материнства и отцовства, меры по уменьшению масштабов сиротства.

Политику в области рождаемости не следует трактовать только как политику, нацеленную на увеличение числа рождений – очень важно учитывать и качественные характеристики рожденных детей. Надо создавать соответствующие условия для того, чтобы дети могли рождаться

здоровыми (начиная с питания матери в период беременности и качества приема родов), а уже рожденных детей важно вырастить здоровыми.

Развитие экономических мер поддержки семей с детьми, в сочетании с пропагандистскими мерами, направленными на расширение информированности молодежи о репродуктивных правах, государственных (федеральных и региональных) возможностях, пособиях и льготах, могут позволить создать среду, в которой решения о рождении детей будут приниматься более свободно и более ответственно.

Принципиально важно, чтобы политика в области рождаемости и поддержки семей с детьми включала в себя:

- комплекс минимальных социальных гарантий, обеспечивающих всем семьям (прежде всего, молодым) понятную, доступную и реально обеспеченную систему мер поддержки, реализуемых при рождении и воспитании детей (оплачиваемые отпуска, пособия, налоговые, пенсионные и жилищные льготы, доступность дошкольных учреждений и т.д.), а также меры, направленные на подготовку к семейной жизни, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья;
- меры адресной социальной поддержки семей с детьми, находящихся в особо трудных обстоятельствах (многодетные и неполные семьи, семьи с детьми-инвалидами, семьи безработных и нетрудоспособных родителей и т.п.);
- специальные меры, которые могли бы стимулировать рождение 2-го и 3-го ребенка (без чего невозможно воспроизводство населения).

Всем этим и иным мерам (рамки статьи не позволяют сказать обо всем) было бы целесообразно придать правовую форму. В качестве первого шага необходимо принять закон «О государственных гарантиях поддержки семей с детьми», устанавливающий понятную, доступную и реально обеспеченную систему гарантий государственной поддержки при рождении и воспитании детей. Предлагаемые меры образуют систему конкретных минимальных гарантий государственной поддержки семей с детьми на федеральном уровне. Они могут быть дополнены и расширены на региональном уровне за счет средств регионов, за счет привлечения к поддержке семьи социально ответственного бизнеса. Система гарантий должна включать в себя: пособия, оплачиваемые отпуска, налоговые льготы, жилищные льготы (субсидии и др.), пенсионные льготы, бесплатные и качественные услуги в сфере охраны здоровья матери и ребенка, обеспечение доступности детских дошкольных учреждений, льготы в оплате услуг образования и здравоохранения семьям с детьми.

Для разработки демографической политики и мониторинга положения семей с детьми необходимы надежные и подробные данные, в частности о числе рожденных детей по порядку рождения у матери, о социальных характеристиках новобрачных и родителей и т.п. Необходимо восстановить демографическую статистику в объеме, существовавшей до 1998 г., для чего *внеести необходимые изменения в Закон «Об актах гражданского состояния»*. (Принятый в 1997 г.

Закон «Об актах гражданского состояния» существенно сократил объем собираемых ЗАГСами сведений при регистрации рождений и браков.)

Необходима квалифицированная *демографическая экспертиза* всех решений, законов, программ, прямо или косвенно влияющих на воспроизводство населения, на положение семей с детьми. Положение о такой экспертизе должно быть принято на самом высоком уровне. Функции заказчика такого рода экспертиз могла бы взять Общественная палата при Президенте РФ (в соответствии с Положением об Общественной палате).

Необходимо повышение демографической грамотности различных уровней органов управления в сфере социальной политики, подготовка и переподготовка кадров в области демографической и семейной политики, повышение информированности населения о демографической ситуации и, главное, о ее последствиях.

На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость создания (воссоздания)¹⁷ единого органа федеральной исполнительной власти с задачей организации комплексной практической деятельности в области улучшения демографической ситуации), включая следующие направления:

- улучшение системы сбора демографической информации и организация демографического мониторинга;
- демографическая экспертиза подготавливаемых и принимаемых решений, оценка последствий их реализации для воспроизводства населения и демографического развития;
- учет демографических факторов в разработке среднесрочных и долгосрочных стратегий социально-экономического развития страны;
- разработка концепций демографического развития, программ улучшения демографической ситуации и планов конкретных мер по их реализации (сбалансированных по целям, задачам, ресурсам, срокам и исполнителям);
- координация работы по научному обеспечению демографической политики и подготовке (переподготовке) специалистов для системы управления.

Возможное название такого органа – Комитет по демографической политике.

Рекомендуется также воссоздать Комиссию по вопросам семьи и демографии при Президенте РФ (такая Комиссия существовала вплоть до конца 90-х годов).

Примечания

¹ Оригинальная версия статьи опубликована в журнале «Уровень жизни населения регионов России», №5–6, 2006 г.

² <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>

³ Детерминанты и последствия демографических тенденций. ООН, 1974, Гл.9, с. 236.

⁴ Исследование проводилось в первой половине 90-х годов в рамках договора о техническом сотрудничестве между Всемирным Банком и Правительством России и являлось частью исследований по проблемам безработицы и социальной защиты «Россия: социальная защита во время переходного периода и на дальнейшую перспективу».

⁵ Рассел Дж. Читэм – Директор департамента региональных проектов Всемирного Банка, Регион Европы и Центральной Азии. (См. предисловие к цитируемому докладу Моника С. Фонг.)

⁶ A.H. Gauthier, J. Hatzius. Family benefits and fertility : an econometric analysis. Population studies, N° 51, 1997.

⁷ Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР, 1981, с. 179.

⁸ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, с. 565–566.

⁹ Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР, 1981, с. 179.

¹⁰ Романюк А.И. Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора // Материалы к Российской научно-практической конференции (Липецк, сентябрь 1999 г.) «Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы». – Москва, 1999. С. 129.

¹¹ Цит по: Карлсон А. Бомба депопуляции // Материалы к Российской научно-практической конференции «Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы». – Москва, 1999. С. 102.

¹² Романюк А.И. Демографическое будущее развитых обществ. С. 131.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ По данным обследования, проведенного в 2003 г. Центром по изучению проблем народонаселения МГУ в Новгородской области, полностью использовали отпуск по уходу за ребенком лишь 70% женщин, родивших первого ребенка, 64% родивших второго и 51% родивших третьего. (См. Демографическое поведение и его детерминация. – М.: ТЕИС, 2005, с. 283.)

¹⁵ В соответствии с Федеральным законом №180-ФЗ от 22 декабря 2005 г. «Об отдельных вопросах исчисления и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и размерах страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» с 1 января 2006 г. установлен новый максимальный размер пособия по беременности и родам в сумме 15 000 руб. за полный календарный месяц (прежний размер, действовавший в 2005 г., составлял 12 480 руб.).

¹⁶ См.: Елизаров В. Семейная политика: что нового принес нам 2005 год. – <http://demoscope.ru/weekly/2005/0195/polit01.php>

¹⁷ В 1990 г. был создан и проработал около 2 лет Комитет по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР. Это было самостоятельное ведомство (почти министерство).

[illegible]

[illegible]